

Воронцова-Юрьева Наталья: [другие произведения.](#)

Анна Каренина. Не божья тварь

Журнал "Самиздат": [[Регистрация](#)] [[Найти](#)] [[Рейтинги](#)] [[Обсуждения](#)] [[Новинки](#)] [[Обзоры](#)]
[[Помощь](#)]

Реклама: [Конкурсы: Киберпанк Попаданцы. 10000р участнику!](#)

▪ [Конкурсы романов на Author.Today](#) ▪ [Женские Истории на ПродаМан](#) ▪ Реклама

- [Комментарии: 115, последний от 02/10/2017.](#)
- © Copyright [Воронцова-Юрьева Наталья](#) (nvoron2000@mail.ru)
- Размещен: 16/02/2006, изменен: 17/02/2009. 516к. [Статистика.](#)
- [Эссе: Публицистика](#)

Оценка: [3.95*65](#) Ваша оценка:

• **Аннотация:**

Обращение к дуракам Предупреждаю сразу: или немедленно закройте мое эссе, или потом не упрекайте меня в том, что я в очередной раз грубо избавила вас от каких-то там высоконравственных розовых очков, которые так успешно, как вам казалось, скрывали ваше плоскоглазие и круглоумие.

Анна Каренина. Не божья тварь

роман о романе
сценарий-эссе

Обращение к дуракам

Предупреждаю сразу: или немедленно закройте мое эссе, или потом не упрекайте меня в том, что я в очередной раз грубо избавила вас от каких-то там высоконравственных розовых очков, которые так успешно, как вам казалось, скрывали ваше плоскоглазие и круглоумие.

Введение. Мифы о Карениной

Мне всегда было интересно узнать, каким местом думают литературные критики, а также писатели, а также поэты, а по большому счету и литературоведы всех мастей в момент написания какой-нибудь своей критико-литературоведческой статьи или на худой конец какой-нибудь броской фразы типа довлатовской: "Самое большое несчастье моей жизни - гибель Анны Карениной". Такой пошлой фразы от Довлатова я не ожидала. Ну да, допился человек чуть ли не цирроза печени, а вот нет у него других несчастий в жизни, кроме как гибель Карениной!..

Или взять "Лекции по русской литературе" Владимира Набокова. Каким же надо было быть поверхностным читателем, чтобы увидеть в романе Толстого "Анна

Каренина" все с точностью до наоборот! А то и того хуже... Но я подробно остановлюсь на Набокове позже, а пока продолжу риторически восклицать: так чем же они думают, эти любители пустых лекций и эффектных фраз?

С некоторых пор я знаю печальный ответ: они думают глазами. Они прочитывают только то, что легче всего прочитать - то есть то, что нарочно положено автором на самую поверхность, а потом выдают продукт своего элементарного зрительного процесса за некий интеллектуальный креатив.

Вот скажет, к примеру, герой какой-нибудь пьесы: "Как я ненавижу сосиски!" - а потом на протяжении двухсот страниц будет с удовольствием эти сосиски поедать. И что же напишут критики и лекторы в одном лице? Они напишут, что герой ненавидел сосиски. Почему? Потому что герой так сказал. Вот и весь аргумент.

Или, к примеру, наоборот: "Я обожаю сосиски!" - громко заявит героиня какого-нибудь романа. - Без сосисок нет жизни, нет счастья!" - а потом сама же эти сосиски и выбросит с гадливым выражением лица. Но критики этого гадливого выражения даже не заметят! И ни за что не догадаются, что громкие слова о любви к сосискам крайне противоречат поступкам героини, что с любимыми так не поступают, и значит, героиня лжет - и значит, автор очень хочет, чтобы читатели это все-таки поняли.

Но автор зря волнуется. Читатели этого тоже не поймут. Потому что читатели анализируют произведение тем же органом, что и критики с литературоведами - глазами. При этом они видят только то, что в глаза бросается само - бросается намеренно, и даже слишком намеренно, чтобы, по тонкому замыслу автора, как раз и возбудить в читателе недоверие, чтобы как раз и побудить читателя заглянуть поглубже, чтобы как раз и пробудить в читателе мысль.

Но так думает автор. Потому что он - думает. Потому что он - создает. Читатель же "думает" совершенно иначе - все теми же глазами. Потому что он - потребляет.

Разница между создателем и потребителем огромна. Это пропасть, перешагнуть через которую практически невозможно. Создатель творит - он мыслит, он мучается, он прилаживает одно к другому, он изменяет, отсекает лишнее, выискивает недостающее, переписывает снова и снова в поисках того эликсира жизни, который сделает его роман сначала живым, а потом и бессмертным. Потребитель же ничего не создает. Он просто приходит, просто смотрит в меню и просто ест. Его мозги ничего не производят, поэтому ему всегда скучно: сначала ему скучно давно, а потом ему становится скучно заранее. Эликсир жизни, над которым так мучительно бился писатель, для потребителя всего лишь соус, о котором он никогда не знает сам - хорош ли. Потребитель ждет, когда ему скажут. И ему обязательно скажут - и он это обязательно повторит.

Именно с такими лжекритиками и лжелитературоведами я столкнулась при чтении их откровенно поверхностных "суждений" о "Дневнике" Марии Башкирцевой и пьесы Шекспира "Гамлет". И, как я убедилась, точно так же обстоит дело и с "Анной Карениной". И даже хуже.

Когда смысл романа для меня окончательно уяснился, и более того: когда поступки главной героини, как раз и составляющие смысл всей ее жизни и единственную причину ее смерти, окончательно вышли из сумрака противоречий и лжи, я наконец просмотрела критику, посвященную роману, и пришла в ужас. Все буквально в один голос талдычили как заведенные только то, что первым выхватил глаз и что на самом деле являлось вовсе не истиной, а лишь поводом к поиску ее.

Отличить истину от предлога к поиску истины не сумел ни один из них. Хотя истина настолько автором не скрывалась, что помимо косвенных фактов - помимо всех этих примет и зарубок, т.е. всей этой пицци к необходимым размышлениям - была даже и прямо им высказана. Беда только, что прямо высказана эта истина была им лишь однажды и в самом-самом конце - вот критики и пропустили...

В итоге и пой сей день благополучно блуждают в умах читателей пустейшие мифы, которые продолжают неспешно возвращать и дальше школьные учителя и преподаватели высших учебных заведений. Вот эти бредовые мифы:

Анна несчастна в браке с Карениным.

Анна не любит мужа, потому что его невозможно любить.

Анна любит Вронского.

Анна жертвует своим положением в обществе ради любви.

Она пожертвовала ради Вронского вообще всем.

Она смело решается отстаивать свое право на любовь.

Она гибнет под влиянием бездушного света, не пожелавшего позволить ей любить.

Анна любит сына.

Анна несчастна в разлуке с сыном.

Анна - глубоко чувствующая натура.

Анна - крайне совестливая личность, имеющая глубокую нравственную природу.

Вронский - пошлый эгоист, которому важнее развлекаться, чем думать об Анне, которая ради него пожертвовала всем.

Каренин - бездушное холодное существо, которое иногда почему-то способно на высокие поступки.

Каренин не способен на любовь.

Каренину глубоко плевать на Анну.

Каренин озабочен только своим положением в свете, а больше его ничего не интересует.

Все это ложь от первого до последнего пункта - ложь, порожденная леностью ума и скудостью литературного чутья создавших ее. Я была буквально потрясена, когда, освежив память, весь этот бред сивой кобылы обнаружила в учебнике русской литературы для 9-го класса средней школы (издание 15-е, доработанное; Москва, изд. " Просвещение", 1982 г., составители М.Г. Качурин, Д.К. Мотольская).

И в этом учебнике - в этом аж пятнадцатом переиздании! - черным по белому было написано, что "Анна Каренина - один из обаятельнейших женских образов русской литературы. Ее ясный ум, чистое сердце, доброта и правдивость притягивают к ней симпатии лучших людей в романе - сестер Щербацких, княгини Мягкой, Левина", а также прочая муть, которую я непременно разберу ниже.

Но особенно постарался Набоков. Меня кидало в дрожь возмущения, когда я читала в его лекции, что Анна, по мнению Набокова, "очень добрая, глубоко порядочная" женщина, что "честная несчастная Анна" "обожает своего маленького сына, уважает мужа" - и так далее и тому подобная ложь.

И ладно бы это еще говорил какой-нибудь рядовой читатель, с которого и спрос небольшой, но доктор французской и русской литературы в Кембриджском университете... но профессор русской и европейской литературы в Корнельском университете... Как он мог не увидеть сто раз сказанного Толстым ни об Анне, ни о ее муже, а взять только самый поверхностный слой, только те реплики, те косвенно произнесенные слова, которые вовсе не являются авторской характеристикой, а принадлежат *самой* Анне - и выдать ее слова за истину?!

Как можно было полностью исключить, буквально не заметить и никоим образом не проанализировать вполне ясную причинно-следственную связь ее поступков и поступков ее мужа?! Поразительно.

На протяжении всего романа Анна только и делает, что совершает одну подлость за другой, при этом то и дело оправдывая себя и обвиняя других, как делает всякий негодяй, но Набоков этого словно и не замечает и с умилением повествует о том, что

Анна Каренина - "натура глубокая, полная сосредоточенного и серьезного нравственного чувства".

Впрочем, в одном месте Набоков почти проговорился... "Двойственная природа Анны просвечивает уже в той роли, которую она играет при первом появлении в доме брата, когда своим тактом и женской мудростью восстанавливает в нем мир и в то же время, как злая обольстительница, разбивает романтическую любовь молодой девушки".

Я сейчас даже не буду говорить о том, что ни такт, ни женская мудрость в природе Анны даже не ночевали, а помирить супругов ей помогли фамильные хитрость и лживость, а вот на злую обольстительницу внимание обращаю. Потому что в первом варианте фраза звучала несколько иначе: ""Нужно отметить, что Анна, с такой мудростью и тактом помирившая поссорившихся супругов, одновременно приносит зло, покорив Вронского и разрушив его помолвку с Кити".

Согласитесь: одно дело "как злая обольстительница", тут силен эффект допущения (как), помноженный на снисходительный смысл обольстительницы, а другое дело "приносит зло" - здесь категоричность и никакого смягчения. Видимо, по этой причине данный вариант и был вычеркнут Набоковым...

Вообще поверхностность его прочтения, доведенная до неприличия, заставляла меня буквально таращить глаза. Вот, например, что пишет Набоков о той сцене, где задавило сторожа и Вронский дал его вдове 200 рублей: "Вронский хладнокровно помогает семье покойного лишь потому, что Анна беспокоится о ней. Замужние великосветские дамы не должны принимать подарков от незнакомых мужчин, а Вронский делает Анне этот подарок".

Эта набоковская пошлость, это литературоведческое жеманство меня шокировало. Что значит "хладнокровно помогает"? Я бы еще поняла употребление этого эпитета при описании убийства и прочих зверств, но хладнокровно помогать?.. Надо же было так вывернуть фразу коленками внутрь... И что значит "делает этот подарок"?! Где, в каком контексте он выкопал эту дешевку?! Во-первых, Вронский по натуре чувствителен и жалостлив - и он всегда был таким. Именно эти его природные черты и заставили его дать денег вдове погибшего сторожа. Именно эти черты позже заставят его оставаться с Анной даже тогда, когда она превратит их совместную жизнь в окончательный ад для Вронского - Вронский, на тот момент страстно мечтавший избавиться от нее, будет глубоко ее жалеть, а потому продолжит приносить себя в жертву своей жалости к Анне.

Но это всего лишь во-первых. А во-вторых, в романе все было вообще не так. Никакой этой пошлости - этого безобразного, выдуманного Набоковым подарка - там не было. А было вот что.

Задавило сторожа. Вронский со Стивой побежали узнавать, что случилось. Анна и мать Вронского вошли в вагон и все узнали еще раньше мужчин от дворецкого. Мужчины вернулись. Стива стал ахать и охать, на его глазах слезы. Вронский же "молчал, и красивое лицо его было серьезно, но совершенно спокойно".

Значит ли это, что Вронский бесчувственный монстр, а Стива образец сострадания? Да вовсе не значит! Стива, обожающий поплакать, любит только себя и абсолютно равнодушен к другим. Спокойное же выражение Вронского может говорить о его нежелании выносить свои эмоции на всеобщее обозрение.

Далее Стива громко убивается из-за несчастья, Каренина взволнованно спрашивает, а нельзя ли что-нибудь сделать для семьи. Услышав это, Вронский словно очнулся, для него эти слова прозвучали как напоминание о необходимом действии, которое не то чтобы не пришло ему в голову без этого напоминания, а просто в минуту настоящего потрясения происшедшим это выпало у него из головы. "Вронский взглянул на нее и тотчас же вышел из вагона". Причем, заметим, вышел молча, никому ничего не объясняя. Потом он вернулся, и так бы никто ничего и не узнал, если бы не случайность - Вронского догнал начальник станции с вопросом, кому передать деньги.

Кстати, когда Вронский вернулся, жалостливый Стива, еще десять минут назад убивающийся по погибшему сторожу, "уже разговаривал с графиней о новой певице"...

Кстати, Вронский и еще раз захочет пожертвовать деньги - бедному художнику Михайлову. И даже постарается сделать это тактично - заказав ему портрет Анны.

Так вот, разве вся эта история с деньгами для вдовы была со стороны Вронского каким-то пошлым подарком, как облизал его поступок Набоков? Нет, конечно. Это был обычный поступок доброго человека, укладывающийся в кодекс чести Вронского. Представьте себе, что это вы пожертвовали деньги умирающему от рака человеку - разве не омерзительно было бы выдавать этот нормальный человеческий поступок за какой-то там подарок своей любимой? Вот и я о том же.

И, кстати, Толстой, уделяющий огромное внимание деталям, ни словом не показал нам реакцию самой Анны на этот поступок Вронского. Про Стиву он не забыл - реакция Стивы была расписана Толстым как по нотам. А вот про Анну - тишина. Ни взгляда, ни слова. Как будто он хотел этим сразу дать читателям понять, что Анне было вообще все равно, что Вронский кому-то там помог.

Однако профессор Набоков ничего этого даже и не заметил.

Точно такую же вопиюще пошлую гадость Набоков позволяет себе еще дважды: в характеристике самоубийства Анны, и в характеристике попытки Вронского покончить с собой.

Утверждая, что глава, в которой описана эта попытка Вронского, "неубедительна с художественной точки зрения, с точки зрения структуры романа" (полная чушь), Набоков преспокойно сообщает, что данная попытка Вронского покончить с собой - это всего лишь "незначительное событие", которое зачем-то неудобно "вклинивается в тему сна-смерти" и тем самым "стилистически нарушает красоту и глубину самоубийства Анны".

Увидеть в самоубийстве "красоту", а в попытке самоубийства другого человека "незначительное событие" способен только очень равнодушный и лживый человек - под стать самой Карениной.

После этого мне перестала быть удивительна его фальшивая пустая лекция об этом романе, в которой Набоков убедительно доказал, что "роман состоит из 8 частей, а каждая часть -- в среднем из 30 коротких глав по 4 страницы".

Мне перестал казаться странным даже тот факт, что в этой лекции Набоков вдруг с восторгом обнаружил, что в своем романе "Анна Каренина" гениальный Толстой использовал "жесты" героев, а также "эпитеты", а также "яркие комедийные черты", "поэтические сравнения", "вспомогательные сравнения", "примеры изобразительного мастерства", "уподобления и метафоры" и даже "морально-практические сравнения". Да, Набокову удалось проделать огромную мертвую работу и при этом так и не увидеть главного.

А между тем истина - простая, холодная, не скрываемая автором истина заключается в том, что Анна не любила никого и никогда. Ни Вронского, ни сына, ни мужа, ни дочь. Она вообще лишена этого чувства - она не умеет любить, и более того: она и не желает любить. А любовь, направленная *не* на нее, и вовсе раздражает ее, она не может спокойно ее наблюдать, она ее бесит, ее от нее воротит.

В сущности, эта красивая женщина - подчеркну: сногшибательно красивая женщина - всего лишь обычный манипулятор. Подлый, разумеется, как и все манипуляторы, и опасный - если верить его вранью, но довольно простой и безвредный - если знать его законы и если обращать внимание не на слова, а на поступки манипулятора.

На красоту Карениной - откровенно противопоставляемой некрасивости Долли - в романе обращается огромное внимание, и это не случайно. Ее красота - это приманка и

одновременно ловушка, скрывающая под собой ненасытного злобного высокомерного манипулятора, одержимого жалостью к себе, бесом превосходства и жадной безоговорочной власти над жертвой.

Собственно, превосходство над всеми и безоговорочная власть над жертвой - это и есть единственная жизненная цель Карениной. Это все, что ее интересует и к чему она стремится по-настоящему.

Разумеется, подобная цель порождает подобные поступки, а они, в свою очередь, нуждаются в оправдании - и тут помощником Карениной становится жалость к себе.

Жалость к себе - единственное искреннее чувство Карениной, все остальные ее переживания фальшивы. Она буквально одержима жалостью к себе - и полным отсутствием жалости к другим. Ей не жаль никого, даже сына. Жалость к себе позволяет ей бесконечно оправдывать себя - бесконечно обвиняя других и намеренно вызывая в них устойчивое чувство вины. По неизменному мнению Карениной, во всех ее несчастьях всегда виноваты все, кроме нее. Она вообще делает всё, чтобы избежать ответственности за свои собственные поступки и при первой же возможности сваливает эту ответственность на другого - того, кто по доверчивости имел неосторожность полюбить ее или по врожденной порядочности взялся ей помочь.

Порядочные доверчивые люди - питательная среда любого манипулятора. И Каренина здесь не исключение - она играет на лучших человеческих чувствах, таких как доброта, доверчивость, искренность, порядочность и способность сострадать.

Порядочным людям можно очень долго внушать чувство вины и чувство долга по отношению к манипулятору. Особенно если этот манипулятор - красивая женщина.

Некрасивым манипуляторам в этом смысле, конечно, намного трудней - уродливая женщина-манипулятор вынуждена то и дело утомительно убеждать своих жертв в том, что у нее богатый духовный мир, медленно завоевывая жертву, тогда как красивой женщине-манипулятору трудоемкая демонстрация богатого духовного мира совершенно ни к чему, ей достаточно легкой универсальной приманки - красоты.

Кроме приманки красота в жизни Карениной исполняет и еще две важные (для любого манипулятора) функции - ее красота вынуждает жертву видеть в каждой примитивной подлости Карениной большой духовный смысл, а при раскрытии этих подлостей снова и снова всё ей прощать.

Таким образом, манипулятор может водить жертву за нос достаточно долго. Но однажды жертва неминуемо прозревает... Тогда манипулятор находит себе другую жертву. Или гибнет, если все жертвы исчерпаны. Другого финала ни у одного манипулятора нет.

Весьма определенным - и, разумеется, не случайным образом выведены в романе и родственники Анны. Брат, Степан Аркадьич Облонский, такой же никчемный человек, не способный ни к зарабатыванию денег, ни к их удержанию, ни к выгодной сделке. Все, чем он занят, это кутежи и любовницы, на это уходит не только его жалованье, но и приданое Долли (из чего можно сделать вывод, что женился Стива без гроша за душой).

Тетка Анны, княжна Варвара Облонская, имеет в свете весьма дурную репутацию приживалки, которая за деньги готова составить компанию кому угодно, даже тем, кого давно уже не принимают в приличных домах.

Еще одна тетка Анны, вырастившая ее, известна тем, что путем хитроумных комбинаций заставила Алексея Александровича Каренина чуть ли не шантажом жениться на племяннице - дело было обставлено так, что поведение Каренина, не совершившего ни одного неприличного поступка в отношении Анны, было намеренно выставлено в двусмысленном свете.

Неслучайна и еще одна параллель: Анна достигает своих целей посредством профессионального использования своей красоты, а ее родной брат - посредством все того же профессионального использования своего обаяния.

Таким образом, все представители семейства Облонских, к которому принадлежит и Анна, выставлены Толстым в весьма специфическом свете, не оставляющим ни малейших сомнений на их счет. Нечистоплотность методов, корыстолюбие, мотовство, неспособность к самостоятельному заработку и разгульный образ жизни - визитная карточка всех представителей семейства Облонских.

И так же не случайно все Облонские являются полной противоположностью семейству Щербацких. Некрасивая Долли и пышущая очарованием юности Кити не идут ни в какое сравнение с выхоленной красотой Карениной. Однако что бы она была без своей красоты, что бы она без нее делала, кому была бы нужна? Тогда как и Долли и Кити способны произвести на человека самое глубокое, самое теплое впечатление, которое не исчезнет с годами, а станет только сильнее. В отличие от Карениной. От которой по прошествии недолгого времени Вронскому уже нестерпимо хочется избавиться, и в этом он уже почти готов признаться даже вслух.

*

Итак, роман "Анна Каренина" - это роман о женщине-манипуляторе, о ее жизни и смерти, триумфе и падении, а также о двух ее жертвах, муже и любовнике, которых она - сначала в силу своих личностных порочных наклонностей, а потом и находясь под постоянным разрушительным воздействием страшного наркотика (Анна была законченной морфинисткой), - старательно увлекала за собой в свою гибельную воронку. И если ее первой изрядно покалеченной жертве все-таки удалось остаться в живых - благодаря своевременному постороннему вмешательству, то вторая жертва, очутившись в полной духовной изоляции и уже не умея самостоятельно из нее выйти, оказалась полностью деморализованной и находящейся в абсолютной, хотя на тот момент уже и посмертной, власти манипулятора.

Удивительно, что все эти трагические результаты - дело рук одной неумной и пустой женщины. Неумной - потому что всего лишь из жажды хоть маленькой, хоть сиюминутной, но *власти* над жизнью другого человека она несколько раз отказывается от наивыгоднейших для нее сделок. В своей одержимости высокомерием у нее не хватает ума предоставлять любовнику хотя бы передышку в бесконечной цепи скандалов и провокаций, необходимых ей всего лишь для демонстрации своей непререкаемой власти. Из пустого тщеславия она умудряется испортить отношения со всеми, кто мог бы оказать ей поддержку и помощь.

Пустая же она потому, что ее в жизни не интересует *вообще ничего* - кроме желания соблазнять. И все. На этом ее интересы заканчиваются. Таким образом, ее жизнь в соответствии с этим единственным интересом должна представлять собой бесконечную цепочку все новых и новых воздыхателей. Если новый воздыхатель не сыскался - день прожит зря.

Тут можно возразить, что желание соблазнять, доведенное до единственного смысла всей жизни, и есть настоящее предназначение красивой женщины. Не буду спорить. Но, на мой взгляд, это все равно что посвятить жизнь бесконечному хождению по ресторанам с утра до вечера.

Умение соблазнять доведено Карениной до совершенства. До чистого математического расчета. Ибо увлеченность ею никогда не происходит сама по себе - это всегда продукт ее сознательного воздействия. Для чего ей это нужно? Соблазненный управляем. А жизнь соблазненного - в руках соблазнителя. То есть соблазнять - значит управлять, властвовать. Каренина же *очень* хочет властвовать. Она хочет, чтобы чужая жизнь зависела исключительно от нее, чтобы только в ее праве было казнить и миловать. Ей доставляет удовольствие видеть, как покой и счастье другого человека уничтожаются одним взмахом ее прелестной руки. Она наслаждается своей

безнаказанной способностью отнимать у другого все, что ему дорого, и разрушать все, что приносит другому радость.

Разумеется, все это явлено в романе - четко и выпукло. И, разумеется, критики, литературоведы и профессора этого не заметили... Мне страшно подумать, скольким поколениям прямо со школьной скамьи и до последнего курса института вбивались в голову эти 16 пунктов фальшивок - ведь читали же роман сами учителя и профессора! Так почему же они с такой готовностью верили всяким неумным господам, только и способным ухватиться за самый поверхностный слой - поверхностней не бывает?

А режиссеры? Как они могли - читая роман и всюю проникаясь, так сказать, психологией героев в расчете на будущий кинематографический шедевр - как они-то могли остаться на том же примитивном до жгучей пошлости уровне восприятия?

Не без душевного трепета открыла я статью Ф. Достоевского "Анна Каренина" как факт особого значения", боясь и там не обнаружить того, что с такой ясностью увиделось мне в романе. С огромным облегчением я прочла там то, что полностью соответствовало моим представлениям о Карениной:

"...душа человеческая останется та же <...> ненормальность и грех исходят из нее самой <...> в конце романа, в мрачной и страшной картине падения человеческого духа, прослеженного шаг за шагом, в изображении того неотразимого состояния, когда зло, овладев существом человека, связывает каждое движение его, парализует всякую силу сопротивления, всякую мысль, всякую охоту борьбы с мраком, падающим на душу и сознательно, излюбленно, со страстью отмищения принимаемым душой вместо света, - в этой картине столько назидания для судьи человеческого, для держащего меру и вес, что, конечно, он воскликнет, в страхе и недоумении: "Нет, не всегда мне отмищение и не всегда аз воздам..."

Ненормальность и грех - вот что такое Каренина. Существо человека, которым овладело зло и связало каждое его движение. И зло возвращается им сознательно - "излюбленно". Такие люди есть и доньше. Они живут среди нас, они хитроумно воздействуют на нас, чтобы отнять у нас все, высосать из нас все, всю жизнь и всю душу - по капле до капли. И иногда им это вполне удается.

А теперь шаг за шагом мы проследим это зло, эту цепочку излюбленного Карениной падения мрака на ее душу...

1. Первая встреча с Вронским. Дурное предзнаменование

"Встретив Вронского по дороге в Москву, она страстно влюбляется. Эта любовь переворачивает ее жизнь -- теперь все, на что она смотрит, видится ей в другом свете".

Ложь Набокова

Дислокация такова. Степан Аркадьич Облонский - Стива, родной брат Анны - попался на любовной записке к гувернантке. В результате в доме скандал, его жена Долли (Дарья Александровна Щербацкая) в шоке. Примирение возможно - при вмешательстве доверенного лица. Этим лицом избирается Анна.

Анна живет в Петербурге, она гранд-дама, замужем за высоким чиновником Алексеем Александровичем Карениным, занимавшим "одно из важнейших мест в министерстве". Муж старше ее на 20 лет. Если предположить, что Анна вышла замуж будучи 18-20 лет и что она в браке вот уже 9 лет, то на момент развития сюжета ей исполнилось 26-28 лет, а ее мужу соответственно 46-48.

Нельзя сказать, что для Анны этот брак явился неравным: разница в возрасте существенна, однако не настолько, чтобы быть несчастной, а то и, не дай бог, сексуально неудовлетворенной женщиной. Кстати, об этом в романе нет ни слова, даже наоборот - весь уклад ее жизни с мужем говорит об обоюдном покое и полном удовлетворении друг другом на протяжении многих лет.

Алексей Александрович как-то не особенно собирался на ней жениться - красота, изящество и очарование Анны не воздействовали на него. Почему? Потому что Каренин всегда был: 1) глубокой натурой, интуитивно стремящейся к духовности, 2) недюжинного ума человеком, 3) на тот момент - при условии двух предыдущих пунктов - он уже был далеко не мальчик, которого женщина могла взять вот так с кондачка.

Однако он все-таки женился - и сам не понял, как это произошло. А просто брак с таким человеком был выгоден, и Облонские, используя, мягко говоря, нечистоплотные методы, сделали все для того, чтобы заставить его жениться. Думается, не без согласия Анны, а то и с прямым ее участием в этой интриге - понимала же она, что не произвела на Алексея Александровича нужного впечатления, раз уж он не предлагает ей этого сам; и понимала же она, что почему-то он все-таки женился на ней.

В браке у Карениных родился сын Сережа. Жизнь главы семейства протекала в трудах на благо России, а жизнь Анны - в светском блеске. У Анны великолепный вкус ко всему, что может ее украсить - к нарядам, драгоценностям, разговорам, манерам. Это даже не просто великолепный вкус, а целое профессионально разработанное и отлично налаженное производство по изготовлению и поддержке имиджа. Анна блистает в свете, она светская львица - она словно постоянно участвует в конкурсах красоты, неизменно побеждая соперниц. Демонстрировать себя, вызывать зависть и восхищение собой - ее единственное занятие, которому она и предается без устали. Я не осуждаю. Я только подчеркиваю, что это ее *единственное занятие*.

Так они живут девять лет. Все это время в Анне медленно копится разрушительная сила, обусловленная ее комплексом превосходства, или гордыней. И однажды Анне становится скучно. Все рекорды побиты. Все соперницы низвергнуты. Все виды дозволенного кокетства тысячу раз перепробованы. Все мужчины давно упали к ее ногам. Всё скучно и хочется большего. Что же дальше? В ней начинает потихоньку зреть мысль о любовнике. Но не просто о любовнике - не о простом любовнике, каких тьма и каких имеют многие и многие женщины ее круга. Развлечься посредством любовной интрижки, как это делали замужние светские дамы, это пошло, это не для нее, это для тех, кто попроще. Тоска по большой любви ее тоже не беспокоит. Физиологическая жажда сексуального удовлетворения также совершенно не мучает ее. Сексуальную удовлетворенность она получает и с мужем - о полном сексуальном комфорте с мужем в романе не говорится прямо, но все упоминания об их совместной жизни ничем не наводят на мысль о каких бы то ни было сексуальных тяготах Анны. Так что версия сексуального голодания также отпадает.

Короче, Анне нужна *чужая* страсть. Но не только. Любовник-раб, тряпка в ее руках, и чтобы все видели ее могущество - вот ее заветная мечта. И мысли об этом однажды начинают смутно в ней бродить. Тайная мысль, опасный секрет придает новизну ее жизни, вносит элемент азарта. С этим внутренним настроением она и едет в Москву.

А в это время в Москве некий офицер, богатый и блестящий молодой человек, Алексей Кириллович Вронский, ухаживает за Кити - Катериной Александровной Щербацкой, сестрой Долли. И все уверены, что Вронский вот-вот сделает ей

предложение. Все, кроме самого Вронского. Ему просто нравится ухаживать за девушкой, и он уверен, что ничего дурного в этом нет. Дело в том, что Вронский с детских лет был практически брошен матерью ради ее многочисленных любовников (как потом Каренина бросила сына ради него самого! неслучайный штрих), а потому не получил должных навыков в этом щекотливом вопросе. Поэтому, не собираясь жениться на Кити, он и понятия не имел, что своими невинными, как ему казалось, ухаживаниями он дискредитирует девушку. Кити же и ее родителям и в голову не приходит, что о подобных вещах можно не знать. К тому же из Петербурга в Москву (в одном купе с Карениной) едет его мать - а для чего же она и едет, думают Кити и ее родные, как не благословить сына на женитьбу?!

Вообще-то Кити больше нравится Константин Левин, но Вронский ярче. В то же время Кити и сама чувствует фальшь в своем отношении к Вронскому - она дает себе отчет, что в этом больше восторга от блестящих перспектив, нежели настоящего чувства.

*

Первая встреча Вронского и Анны происходит на вокзале: она выходит из вагона, а он входит в вагон (курсив и подчеркивание мои):

"Когда он оглянулся, она тоже повернула голову. Блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц, серые глаза *дружелюбно, внимательно* остановились на его лице, как будто она признавала его, и тотчас же перенеслись на подходившую толпу, как бы ища кого-то. В этом коротком взгляде Вронский успел заметить сдержанную *оживленность*, которая *играла* в ее лице и *порхала* между блестящими глазами и *чуть заметной улыбкой*, изгибавшею ее румяные губы. Как будто *избыток чего-то* так переполнял ее существо, что мимо ее воли выразался то в блеске взгляда, то в улыбке. Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против ее воли в *чуть заметной улыбке*".

А теперь представьте себе: Анна только что проделала долгую, довольно тягостную дорогу, наверняка устала, утомилась, как всякий живой человек, и вдруг - столько эмоций! Сначала - дружелюбие и внимательность. А потом и еще целый каскад - оживленность, улыбка, блеск во взгляде и даже свет в глазах - правда, все это приглушенное, сдержанное, но тем не менее сколько всего при короткой случайной встрече с незнакомым мужчиной!

Казалось бы, все объясняется просто - просто она всю дорогу проговорила о нем с матерью Вронского, чем, безусловно, вроде бы полностью объясняется эта *внимательность* - "как будто она признавала его", как будто она уже знала его.

И все-таки эмоций для такого пустяка слишком много. Лично у меня сложилось такое впечатление, что Каренина знает о Вронском что-то такое, чего он и сам о себе еще не знает. Что она *уже* знает о нем то, чего еще и нет вовсе, но что может случиться - если она того *пожелает*. И что свое желание в отношении Вронского уже *вращено* и сформировано в ней - задолго до самого Вронского, на месте которого, кстати, мог быть и кто-нибудь другой, потому что Вронский для нее лишь подходящий объект, соответствующий ее тайным желаниям, в существовании которых она вполне дает себе внутренний отчет.

Вот чем объясняется эта внимательность. И для того, чтобы ее план свершился (если, подчеркиваю, *она* того пожелает), ею немедленно задействован целый каскад технических средств, которые призваны не просто внушить Вронскому восхищение ее красотой, но заранее насадить его на крючок.

Тут на вокзале происходит несчастье - поездом задавило сторожа. А теперь снова внимательно читаем роман:

"Каренина села в карету, и Степан Аркадьич с удивлением увидал, что губы ее дрожат и она с трудом удерживает слезы.

- Что с тобой, Анна? - спросил он, когда они отъехали несколько сот сажен.

- Дурное предзнаменование, - сказала она.

- Какие пустяки! - сказал Степан Аркадьич. - Ты приехала, это главное. Ты не можешь представить себе, как я надеюсь на тебя.

- А ты давно знаешь Вронского? - спросила она.

- Да. Ты знаешь, мы надеемся, что он женится на Кити.

- Да? - тихо сказала Анна. - Ну, теперь давай говорить о тебе, - прибавила она, встряхивая головой, как будто хотела физически отогнать что-то лишнее и мешавшее ей. - Давай говорить о твоих делах. Я получила твое письмо и вот приехала.

- Да, вся надежда на тебя, - сказал Степан Аркадьич".

Какой коротенький диалог! А между тем он содержит в себе сразу три важнейших события.

Первое. "Дурное предзнаменование". Важный вопрос, до которого так и не додумался ни один восторженный критик: почему эта мысль пришла в голову только ей? Почему все остальные восприняли это как несчастье - как *чужое* несчастье, которое не имеет к их жизни никакого отношения, и только одна Анна воспринимает это как предзнаменование? При этом как *дурное* предзнаменование? Такое ощущение, что она заранее (подсознательно) готова к чему-то подобному - и давно знает *к чему*, а также *чем* это может для нее закончиться. Такое ощущение, что она этого ждет, и более того - хочет. И это неудивительно. Любовь к разрушению включает в себя и любовь к саморазрушению, страстную любовь - не к смерти, а к *процессу* собственной гибели.

Второе. Буквально следом после откровенно дежурного утешения Стивы - которое уж никак не могло утешить того, кто увидел в этом действительно *то самое* дурное предзнаменование, которое так любят наши незатейливые критики и литературоведы, - в общем, сразу же после этого Анна моментально переключается на Вронского, спрашивает про Вронского, интересуется Вронским - как будто напрочь забыв про дурное предзнаменование, от одной только мысли о котором только что - минуту назад! - у нее *дрожали губы* и она *с трудом* удерживала слезы. А ведь это замечание о дурном предзнаменовании напрямую связано с Вронским, вернее с нехорошим, некрасивым планом Анны насчет него - с планом, давно ею вынашиваемым и вот только что обретшим потенциального героя для воплощения.

Третье. Удивительно, но факт: это дурное предзнаменование, которое она сама же для себя и отметила, нисколько ее не останавливает! И вот уже спустя всего лишь минуту, как я уже отмечала, она живо интересуется Вронским. Почему? Да потому что план уж больно хорош. А страдания о дурном предзнаменовании для человека, склонного к саморазрушению, на самом деле приятны, этакая щекотка для нервов, игра.

Итак, "А ты давно знаешь Вронского?" - с живостью спрашивает она. Давно, отвечает Стива, и мы все даже надеемся, что он женится на Кити.

"Да? - тихо сказала Анна".

Вот оно! Сказала - *тихо*. Она ведь уже все давно придумала себе и уже успела примерить это на Вронского - и вдруг этакое препятствие... у него есть невеста, и эта невеста - ее родственница! Похоже, ей придется оставить его в покое, ведь это же нехорошо, некрасиво, подло, в конце концов, отбивать из прихоти чужого жениха, да еще жениха родственницы, да к тому же откровенно позорить этим уважаемое семейство Щербацких. Но как жаль... Ведь она уже настроилась на Вронского! Неужели и впрямь придется отказаться от него?

И, встряхнув головой, "как будто хотела физически отогнать что-то *лишнее* и *мешавшее* ей", она быстро уводит разговор в сторону.

Что же это за лишнее и мешавшее? Неужели внезапно возникшее чувство к Вронскому, с которым она обязана теперь распрощаться - хотя бы из приличия, хотя бы из жалости к Кити, хотя бы из уважения к родственникам? Отнюдь. Лишнее и мешавшее ей - это как те самые мысли о приличии, жалости и уважении. Потому что именно эти мысли и мешают ей предвкушать удовольствие от грядущего триумфа и развлечения.

И она быстро переводит разговор на другую тему. Ах, она ведь была так неосторожна - она слишком тихо спросила: "Да?" - это же могло ее выдать, Стива мог невольно запомнить этот интонационный перепад и понять причину ее расстроенности. И она тут же заговаривает Стиве зубы, начиная обсуждать его домашние дела.

Какая мгновенная реакция. Реакция профессионального лжеца.

2. У Долли. Унижение и оскорбление Кити на балу

"Двойственная природа Анны просвечивает уже в той роли, которую она играет при первом появлении в доме брата, когда своим тактом и женской мудростью восстанавливает в нем мир и в то же время, как злая обольстительница, разбивает романтическую любовь молодой девушки".

Ложь Набокова

Эти слова Набокова я достаточно разобрала в своем предисловии. А теперь поговорим о Толстом.

Ощущение лживости, фальши от Карениной прописывается Толстым довольно быстро. Сначала мельком, а в конце романа буквально в лоб.

Вот Долли ждет Анну и раздумывает, принять ее или не принять. Наконец она приходит к выводу, что принять: "Да, наконец, Анна ни в чем не виновата, - думала Долли. - Я о ней ничего, кроме самого хорошего, не знаю, и в отношении к себе я видела от нее только ласку и дружбу".

И тут же, следом мелькает у нее важная для читателей мысль: "Правда, сколько она могла запомнить свое впечатление в Петербурге у Карениных, ей не нравился самый дом их; что-то было *фальшивое* во всем складе их семейного быта".

Критики обожают приписывать это *фальшивое* мужу Анны - дескать, фальшивое в их доме происходило от тягостной жизни с ним, от невозможности быть с ним счастливой. Это неправда. "Фальшивое во всем складе их семейного быта" - это первый авторский ключ к пониманию истинного характера самой Анны. Но для того, чтобы это понять, нужно думать не глазами.

Что же такое Анна на самом деле? Из одного только маленького рассуждения Долли можно сразу же сделать единственно верный вывод: Анна вроде бы дружелюбна и ласкова, она вроде бы добра и искренна, но все это фальшиво - она только *выглядит* искренней, она только *прикидывается* другом, а на самом же деле она вовсе не друг. И уже тем более ни о каком такте и женской мудрости, выкопанных Набоковым незнамо откуда, тут и речи быть не может, а есть только хитрость, сметливость и изворотливость. Да и то не всегда.

Вот после некоторого внутреннего сопротивления Долли все-таки решается на разговор - и Анна по ее репликам мгновенно улавливает то, что *нужно* сказать, что Долли *хотела бы* слышать. Именно это она ей и говорит. И все, в чем она убеждает Долли, есть полная ложь. Она убеждает ее в том, что Стива любит свою жену, что ему стыдно детей, что Долли для него божество, что он раскаивается, что он даже готов убить себя - уж так ему больно и стыдно от своего поступка с гувернанткой, и что это никогда больше не повторится. И всю эту ложь Анна говорит с таким накалом доверительности и искренности, это так легко ей дается, она настолько не мучается своей ложью, что становится понятно: эта способность ко лжи вполне органична для нее.

И только однажды она чуть было не стала по-настоящему искренней - когда Долли случайно коснулась той единственной темы, которая уже давно по-настоящему интересует саму Анну и к которой она так чрезвычайно приблизилась в этот день при случайной встрече с Вронским:

"- Да, но ты простила бы?"

- Не знаю, не могу судить..."

Но она тут же спохватывается - подобное сомнение сейчас совершенно ни к чему, ведь оно может заставить Долли отказаться от прощения! И тогда она с горячностью убеждает Долли: "Нет, могу, могу, могу. Да, я простила бы. Я не была бы тою же, да, но простила бы, и так простила бы, как будто этого не было, совсем не было".

*

Итак, примирение супругов состоялось, и на сцене появляется Кити - сестра Долли и, стало быть, родственница Анны, а главное - без пяти минут невеста Вронского (и, разумеется, Анна помнит об этом). А теперь мы посмотрим на механизм обольщения в действии:

"Тотчас после обеда приехала Кити. Она знала Анну Аркадьевну, но очень мало, и ехала теперь к сестре не без страху пред тем, как ее примет эта петербургская светская дама, которую все так хвалили. Но она понравилась Анне Аркадьевне, - это она увидела сейчас. Анна, очевидно, любовалась ее красотой и молодостью, и не успела Кити опомниться, как она уже чувствовала себя не только под ее влиянием, но чувствовала себя влюбленной в нее, как способны влюбляться молодые девушки в замужних и старших дам".

Вот он, этот механизм. Сначала никакой демонстрации собственного превосходства: сначала от Анны идет совершенно иной посыл - посыл как бы искреннего восхищения другим человеком. Это моментально располагает к себе. Именно это и видит Кити в первый момент - она видит, что "она понравилась Анне Аркадьевне", и она видит это "тотчас". Разумеется, такое щедрое признание собственных достоинств - и от кого! от светской львицы! - сразу же подкупает и немедленно вызывает чувство глубокой признательности и горячего желания так же искренне и щедро восхититься в ответ.

Вот и все. Дело сделано. И вот уже Кити чувствовала то, что сама же и придумала благодаря предварительным манипуляциям с собой - "что Анна была совершенно проста и ничего не скрывала, но что в ней был другой какой-то, высший мир недоступных для нее интересов, сложных и поэтических".

Далее мы увидим этот якобы высший мир сложных и поэтических интересов, который, разумеется, все та же фальшивка, однако отметим: Анна умеет виртуозно внушать о себе именно такое представление.

Для чего же ей было нужно внушать Кити восхищение собой? Ну, во-первых, восхищение - это приятно. Во-вторых, приятно знать, что ты умеешь внушать восхищение собой, так почему бы не использовать для этого любую возможность? А в-третьих (и это главное), человека, которым восхищаешься, очень трудно заподозрить в

подлости - настолько трудно, что сам же и начинаешь его всеми силами оправдывать, уж очень не хочется расставаться с иллюзией. Таким образом, умение внушать к себе чувство восхищения для Анны еще и жизненно важно.

После Кити следуют дети - Анна очаровывает их всех, они липнут к ней и буквально не отходят от нее. И это видят все - и это тоже очень нужно манипулятору.

Существует расхожий миф, что дети плохого человека не полюбят (как будто нельзя обмануть детей!). Именно этот миф используют и составители учебника литературы господина М.Г. Качурин, Д.К. Мотольская: "Особую прелесть Анны безотчетно чувствуют дети - чуткие души, не терпящие лжи".

Таким образом, любовь детей, по мнению редакторов учебника, должна лишней раз утвердить всех в мысли, что Анна добрая искренняя душевная женщина, которая абсолютно не способна на гнусность и которую любят все, и даже дети, потому что ее просто нельзя не любить, и надо быть уж совсем бесчувственным человеком, чтобы не любить такую душевную Анну.

Позже мы вернемся к этой "особой прелести" Анны, которую чувствуют дети, и, с удивлением обнаружив, что любовь детей куда-то внезапно делась, поразмышляем на этот счет.

А пока разговор заходит о балах - кстати, его внезапно заводит сама Анна. Кити радуется предстоящим удовольствиям и говорит, что на одном из балов будет очень и очень весело. "Так теперь когда же бал?" - спрашивает Анна. "На будущей неделе", - отвечает Кити.

Анна не случайно сама заводит разговор о бале, ей это очень важно, потому что бал - прекрасная возможность "невинно" обольстить Вронского, прилюдно отбив его у Кити, что, безусловно, пощекочет самолюбие и заставит всю Москву еще долго говорить о победах Анны.

И сейчас, глядя на Кити и сделав все, чтобы внушить этой девочке самые сердечные чувства к себе, она прекрасно знает, что на том балу, о котором Кити так доверчиво и весело говорит, она спокойно и холодно нанесет ей глубокую душевную рану.

А чтобы никто не догадался о ее истинных намерениях, она всячески демонстрирует свою скуку в отношении балов и даже саму никчемность для нее этих балов. А попутно мило краснеет в ответ на бесхитростный комплимент, как бы и не ожидая его услышать и как бы уверяя Кити в обратном. Однако Кити - простодушная доверчивая искренняя девочка - не дура. И она все-таки замечает, что Анна *знала*, что именно Кити скажет дальше ("Кити заметила, что Анна знала, какой последует ответ"), и стало быть, это не могло явиться для Анны такой уж неожиданностью, как она хочет это показать...

Но спектакль продолжается. "Я очень рада буду, если вы поедете", - доверчиво продолжает Кити. "По крайней мере, если придется ехать, я буду утешаться мыслью, что это сделает вам *удовольствие*..." - отвечает Анна, в глубине души наслаждаясь той нехорошей двусмысленностью, которую *уже* приготовила она своей жертве, этой глупенькой Кити, и о которой та и не догадывается сейчас.

И чтобы получить это удовольствие сполна, она продолжает, забавляясь доверчивостью жертвы: "А я знаю, отчего вы зовете меня на бал. Вы ждете много от этого бала, и вам хочется, чтобы все тут были, все принимали участие". Кити открыто соглашается, что да, мол, жду многого. И Анна с тайным наслаждением продолжает вонзаться в еще ничего не подозревающую Кити:

"- Я знаю кое-что. Стива мне говорил, и поздравляю вас, он мне очень нравится, - продолжала Анна, - я встретила Вронского на железной дороге.

- Ах, он был там? - опросила Кити покраснев. - Что же Стива сказал вам?

- Стива мне все разболтал. И я очень была бы рада".

Кити и не догадывается, что все эти поздравления, все эти "очень была бы рада" не более чем хихиканье над ней.

Далее Анна пересказывает ей отзыв матери Вронского, и этот отзыв имеет для самой Анны, для ее планов очень большое значение, потому что из этого отзыва видно, что Вронский - "это рыцарь".

"- Что ж мать рассказывала вам?

- Ах, много! И я знаю, что он ее любимец, но все-таки видно, что это рыцарь... Ну, например, она рассказывала, что он хотел отдать все состояние брату, что он в детстве еще что-то необыкновенное сделал, спас женщину из воды. Словом, герой, - сказала Анна, улыбаясь и вспоминая про эти двести рублей, которые он дал на станции.

Но она не рассказала про эти двести рублей. Почему-то ей неприятно было вспоминать об этом. Она чувствовала, что в этом было что-то касающееся до нее и такое, чего не должно было быть".

Данный отрывок еще раз доказывает, что те 200 рублей, что Вронский отдал вдове погибшего, вовсе не являлись никаким его "подарком" для Анны (надо быть удивительным пошляком, чтобы придумать такое), а что этот поступок находится в давнем ряду точно таких же поступков Вронского и был совершен вне всякой зависимости от Анны. И что этот его поступок был даже и неприятен Карениной (скорее всего, это связано с ее предчувствием точно такой же собственной смерти под вагоном).

*

Вечером примирившиеся супруги и все остальные собрались за чаем. Было уже половина десятого. И тут произошло небольшое событие - вроде бы самое простое, но которое почему-то всем показалось странным: вдруг раздался звонок и вошел Вронский.

"Анна, взглянув вниз, узнала тотчас же Вронского, и странное чувство удовольствия и вместе *страха чего-то* вдруг шевельнулось у нее в сердце".

Вронский как будто зашел на минуту и как будто по делу с Степану Аркадьичу, но... "он поднял глаза, увидал ее, и в выражении его лица сделалось что-то *пристыженное и испуганное*".

Отметим: удовольствие и страх - у Анны, пристыженность и страх - у Вронского. То, что Вронскому было стыдно (он ведь ухаживал за Кити, а пришел-то к другой - и прямо на глазах у Кити), Анне было в удовольствие. А страх - это был страх азарта и страх возможной расплаты за него.

На все уговоры Стивы войти Вронский категорически отказался и очень быстро ушел. А Кити покраснела - она была уверена, что Вронский пришел из-за нее...

*

День бала настал. Кити выглядит прелестно! Она возбуждена, она вся в предвкушении и праздничном волнении - она уверена, что на этом балу Вронский сделает ей предложение!..

Войдя в залу, она сразу же обнаруживает некий кружок, собравшийся вокруг Анны - и если Кити выглядит прелестно, то Анна выглядит ослепительно! Она в черном, до великолепия простом, сильно декольтированном платье. И платье, и прическа ее сделаны так, чтобы быть незаметными, чтобы не перебивать, а подчеркивать красоту Анны - "это была только рамка", говорит Толстой (сильно декольтированная рамка), "и была видна только она, простая, естественная, изящная и вместе веселая и оживленная". Нет, она явно не скучала на балах, как она пыталась внушить это Кити!

Там же, на балу, и Вронский. И, увидев его, Кити вдруг понимает, что вот уже несколько дней он не заходил к Щербацким... Не лишенная наблюдательности, она понимает и то, что Вронский на этом балу как будто... как будто не совсем тот Вронский, к которому она привыкла. Да и с Анной творится что-то не то... Кити начинает предчувствовать что-то нехорошее.

Она подходит к Анне, и та "с нежною улыбкой покровительства" одобряет ее туалет и красоту. С нежной улыбкой покровительства! При этом прекрасно понимая, *зачем* она пришла на этот бал и *что* она сейчас сделает с Кити. (Манипулятор, задумав подлость в ваш адрес, всегда становится с вами чрезвычайно нежен.)

Подходит и Вронский. Он кланяется Анне, но она... как бы не замечает этого и быстро уходит танцевать с другим. Но Кити мгновенно чувствует, "что Анна *умышленно* не ответила на поклон Вронского".

И вот Анна танцует с другим, они же стоят и смотрят на нее. Кити ждет, когда Вронский, как обычно, пригласит ее на вальс, однако время идет, а он не приглашает. Она удивленно посмотрела на него - "он покраснел и поспешно пригласил вальсировать, но только что он обнял ее тонкую талию и сделал первый шаг, как вдруг музыка остановилась". Но музыка еще звучит в душе Кити, она с любовью смотрит на Вронского - и он... не отвечает на ее взгляд! (И еще долго потом "этот взгляд, полный любви, которым она тогда взглянула на него и на который он не ответил ей, мучительным стыдом резал ее сердце".)

На мазурку он ее также не приглашает. Но Кити - внимательной умной Кити! - так не хочется думать о плохом (да это и не в ее натуре, она всего лишь внимательна, но не подозрительна), да собственно и никаких серьезных причин для этого вроде бы и нет, так, одни мелочи, да и вообще она уверена: он обязательно ее пригласит! И больше того: что-то снова подсказывает ей, что во время мазурки он обязательно сделает ей предложение!.. И она отказывает в мазурке аж пятерым.

Атмосфера праздника увлекает ее, она весела и возбуждена. Анна давно потеряна ею из виду, как вдруг в одном из танцев она снова видит ее - танцующей с Вронским. И поначалу этот факт не вызывает в Кити никаких подозрений, она только отмечает в Анне возбуждение от успеха и что она буквально пьяна этим успехом - буквально пьяна! И все-таки, думает Кити, что-то здесь не так. Уж слишком возбуждена Анна, уж как-то чересчур.

Она видит танцующего с Анной Вронского; она видит, как "каждый раз, как он говорил с Анной, в глазах ее вспыхивал радостный блеск, и улыбка счастья изгибала ее румяные губы". Посмотрев же на Вронского, Кити и вовсе приходит в полный ужас - "он теперь каждый раз, как обращался к ней, немного сгибал голову, как бы желая пасть пред ней, и во взгляде его было одно выражение покорности и страха".

И тут страшная догадка обжигает ее... Свет померк для Кити, она чувствует себя крайне подавленно и только из воспитанности продолжает улыбаться кому-то.

Наступает время мазурки, и все уже понявшая Кити в довершение ко всему приходит в отчаянье. Мало того что Вронский танцует мазурку с Анной, так еще она сама отказала всем, и теперь вряд ли кто-нибудь ее пригласит. Унижение и стыд переполняют ее. Все видели, как Вронский ухаживал за ней. И теперь все видят, как он с легкостью забыл о ней ради блистательной Анны.

А тут и подруга, графина Нордстон, заботливо подливает масла в огонь: "Он при мне звал ее на мазурку, - сказала Нордстон, зная, что Кити поймет, кто он и она. - Она сказала: разве вы не танцуете с княжной Щербацкой?"

Таким образом, Анне оказалось мало того факта, что он ее пригласил, ей потребовалось еще и неременное *словесное* подтверждение Вронского ее превосходства над Кити - что он помнит о Кити, но что он сознательно променял ее на великолепную Анну.

И вот Кити горестно смотрит на забывшего ее Вронского и снова и снова видит на его лице "то поразившее ее выражение потерянности и *покорности*, похожее на выражение умной собаки, когда она виновата".

Она смотрит и на Анну - и Анна прелестна, но... "но было *что-то ужасное и жестокое* в ее прелести", отмечает Кити (отметим же и мы вместе с ней).

Горе так придавило Кити, что даже изменило ее лицо, да так, что Вронский, встретившись с ней, не сразу ее узнал. Разумеется, он все понял. Однако переживания Кити оставили его... равнодушным.

Разумеется, эту перемену в Кити видит и Анна. И что же она делает дальше? А дальше она выходит в круг для исполнения танцевальной фигуры и дружески - очень, очень дружески! - зовет Кити туда же. И Кити - подавленная, раздавленная всем этим унижением - в этот круг выходит как замороженная. Выходит - испуганно глядя на Анну... "Анна, прищурившись, смотрела на нее и улыбнулась, пожав ей руку. Но заметив, что лицо Кити только выражением отчаяния и удивления ответило на ее улыбку, она отвернулась от нее и весело заговорила с другою дамой".

Вот вам и всё. Смотрела *прищурившись* - будучи как бы настороже, как бы оценивая ситуацию, как бы внимательно и быстро просчитывая, чего ждать от Кити. Однако, увидев, что Кити вовсе не намерена и даже просто не в состоянии поддерживать этот неуместный и фальшивый тон дружбы, что вместо этого Кити отвечает ей выражением вполне уместного удивления (да и то правда, разве так ведет себя друг?), и понимая, что из-за этого может выйти для нее неприятность, Анна бросает Кити - спокойно отворачивается и заговаривает с другими.

""Да, что-то *чуждое, бесовское* и прелестное есть в ней", - снова отмечает Кити.

Итак, практически в самом начале романа незамедлительно следуют две откровенные, не оставляющие сомнений характеристики Анны: **ужасное и жестокое, чуждое и бесовское** - вот что дважды отмечает в ней Кити, персонаж, доверие к высокодуховным качествам которого усиленно подчеркивается Толстым.

3. После бала. Возвращение в Петербург

"В знаменитой сцене, когда Каренин встречает ее на петербургском вокзале, она вдруг замечает, как торчат у него уши. Раньше она никогда не обращала на них внимания, потому что никогда не оглядывала его критически, он был неотъемлемой частью той жизни, которую она безоговорочно принимала. Теперь все изменилось. Ее страсть к Вронскому -- поток белого света, в котором ее прежний мир видится ей мертвым пейзажем на вымершей планете".

Ложь Набокова

Похоже, только Набокову могло прийти в голову возвести такую простую вещь, как оттопыренные уши мужа, в ранг мертвого пейзажа на вымершей планете. Да и вообще занятно было узнать, что любовь Вронского наконец-то открыла Анне глаза на уши! И это после девяти лет брака. Разумеется, настоящей причиной этого ее внезапного отвращения к ушам было совсем другое, но мы еще к этому вернемся, а пока вернемся в канву событий.

*

На следующее утро после бала планы Анны внезапно меняются. Вместо того чтобы погостить у Долли еще день, как и намеревалась, она собирает вещи - она хочет уехать сегодня же. И это совершенно понятно. Во-первых, Кити. Хотя ее сестра Долли и довольна в глубине души, что брака с Вронским не будет (ей никогда не нравился этот военный), но все-таки отношения могут стать натянутыми - Анна сразу поняла прямую и бескомпромиссную натуру Кити. Во-вторых, Вронский. После такой блестящей победы над ним лучше всего исчезнуть, ибо продолжение не планируется. Он больше ни для чего Анне не нужен. Она совершенно в него не влюблена. А своих тайных и пока еще зыбких планов насчет любовника она пока еще и сама побаивается. Да и вообще ей больше никто здесь не нужен.

Кстати. Помните, как в день ее приезда дети Долли не могли отлипнуть от Анны? Они были буквально очарованы ею - точно так же, как все, и Кити в том числе. Дети чувствовали любовь к этой красивой тете и всячески стремились эту любовь выразить. Однако теперь, в день отъезда, их любовь к ней куда-то исчезает и им становится совершенно все равно, что она уезжает... Почему так произошло? Потому что эти дети самой Анне больше ни для чего не нужны - механизм обольщения выключен.

Но зато включен другой механизм - самооправдания. И он тоже доведен Анной до совершенства. Тут вам и "решительное признание", и очаровательная краска до ушей, и покаяние в "невольном" грехе, и милое произношение некоторых ключевых слов, и "искреннее" сожаление". И вот как все это выглядит:

"- ... Ты знаешь, отчего я еду нынче, а не завтра? Это признание, которое меня давило, я хочу тебе его сделать, - сказала Анна, решительно откидываясь на кресле и глядя прямо в глаза Долли.

И, к удивлению своему, Долли увидела, что Анна покраснела до ушей, до вьющихся черных колец волос на шее.

- Да, - продолжала Анна. - Ты знаешь, отчего Кити не приехала обедать? Она ревнует ко мне. Я испортила... я была причиной того, что бал этот был для нее мученьем, а не радостью. Но, право, право, я не виновата, или виновата немножко, - сказала она, тонким голосом протянув слово "немножко".

<...>

- Да, Стива мне говорил, что ты с ним танцевала мазурку и что он...

- Ты не можешь себе представить, как это смешно вышло. Я только думала сватать, и вдруг совсем другое. Может быть, я против воли...

Она покраснела и остановилась.

- О, они это сейчас чувствуют! - сказала Долли.

- Но я была бы в отчаянии, если бы тут было что-нибудь серьезное с его стороны, - перебила ее Анна. - И я уверена, что это все забудется и Кити перестанет меня ненавидеть".

Ну вот видите! Оказывается, она чувствует себя такой виноватой перед Кити. Оказывается, она, сойдясь на балу с Вронским, имела самые благородные намерения - она думала сватать! Но что же делать, если Вронский потерял из-за нее голову?!

Кстати, о сватовстве. Это слишком надуманный предлог. Слишком. Во-первых, никто не просил (а без спросу такие вещи не делают). Во-вторых, все и так были уверены, что дело идет к свадьбе - зачем же сватать там, где уже и без того всё готово? И в-третьих, Анна чересчур постороннее лицо, чтобы заниматься сватовством.

Но Долли, ни разу в жизни никого не соблазнившая и даже не имеющая об этом представления, все эти слова принимает за чистую монету. Ведь Анна так искренна, она так дружески пришла ей на помощь, она так глубоко переживает за Кити - ну разве можно подозревать Анну в непорядочности? Да конечно нельзя!

И только одна Кити подозревает. Она не пришла на обед. Она не пришла проститься с Анной. Она точно знает: во всем виновата Анна. И только одна Анна знает, что Кити - догадалась об этом. И более того - что отныне Кити знает о ней *правду*, что она раскусила ее. Именно этого Анна никогда ей не простит. И она еще накажет ее за это...

*

Она возвращается в Петербург. Поезд трогается. "Слава богу, завтра увижу Сережу и Алексея Александровича, и пойдет моя жизнь, хорошая и привычная, по-старому".

Отметим: Анна сама признает, что с мужем у нее хорошая жизнь. Совсем не такая, какую она будет ее выставлять позже.

И тут ей становится *стыдно*. И это чувство настолько ей не нравится, что она даже оскорблена возникшим вдруг стыдом. Откуда же он взялся? "Она перебрала все свои московские воспоминания. Все были хорошие, приятные. Вспомнила бал, вспомнила Вронского и его влюбленное *покорное* лицо, вспомнила все свои отношения с ним: ничего не было стыдного".

Отметим: *покорность* Вронского вот уже во второй раз возникает в романе и возникнет еще не раз.

Итак, ничего стыдного в воспоминаниях об отношениях с Вронским Анной усиленно не обнаружено. А между тем внутренний голос (похоже, что это была совесть) упрямо говорит ей, что именно в этом месте ей и должно быть стыдно. Однако ее разум - в отличие от совести - ничего стыдного по-прежнему не находит.

Занятное наблюдение. Видит ли Анна правду, отчего ей стыдно? А вам было бы стыдно, если бы вы поступили с кем-то так же, как она с Кити? Ну так, в глубине души, на минуточку, понимали бы вы, что это грязный поступок, настолько грязный, что подобное не прощают, как скажет позже Долли? Затрудняетесь с ответом? Тогда поставьте себя на место Кити, и истина вам сразу будет ясна.

Так что Анна прекрасно понимает, за что ей должно быть стыдно. Вот только *не хочет* понимать. А потому убежденно лжет самой себе, что для стыда у нее нет никаких оснований.

Подъехали к станции, она вышла; была ночь, метель, даже буря, и тут к ней подходит... Вронский. Он поехал за ней! И опять она видит в нем "то выражение *почтительного восхищения*, которое так подействовало на нее вчера", и от этого его выражения ее охватывает "чувство радостной *гордости*". Вот до какой степени она может кружить головы людям - ну как тут не погордиться собой.

Итак, точки расставлены, и сейчас мы проведем небольшой лингвистический анализ. С его стороны - "почтительное восхищение", которое логически можно расчленить на две составные, и смысл сказанного не изменится: он испытывает почтительность и восхищение одновременно. С ее же стороны - "радостная гордость". А "радостная гордость" - это исключительно восторг от себя, и расчленить это выражение невозможно, ибо тогда взятая отдельно "радость" предполагала бы удовольствие видеть Вронского, но при этом оставшаяся в одиночестве "гордость" никак бы с "радостью" логически не монтировалась.

Вообще отношение Вронского к Анне, как я уже отмечала, постоянно характеризуется в романе одним ключевым выражением: *покорность*. Именно это чрезвычайно привлекает Анну как обещание полной власти над ним. "Почтительное восхищение" - из этой же серии, грань *покорности*.

Встреча кончается тем, что Вронский признается ей в любви, она умоляет его замолчать и уходит в вагон. Она засыпает в прекрасном настроении. Ее сон крепок и спокоен - в отличие от Вронского, который не спит всю ночь. Показательный штрих...

*

Утром, проснувшись, она вся в привычных хлопотах - о доме, муже и сыне. Ни одной мысли о Вронском нет, как будто и его самого, и даже романтической ночной встречи с ним никогда не было. В ее душе покой и предвкушение дома.

Поезд останавливается, она видит встречающего ее мужа, и вдруг... его уши вызывают в ней странное отвращение. Внезапно поплохевшие уши Алексея Александровича еще не раз появятся на страницах романа - и всегда в тот момент, когда Анне понадобится искусственно вызвать в себе неприязнь к мужу, неприязнь совершенно им не заслуженную, в связи с чем еще более сильную.

Встретивший ее муж все тот же - спокойный умный достойный порядочный человек. Но вот загвоздка: "Какое-то неприятное чувство щемило ей сердце, когда она встретила его упорный и усталый взгляд, как будто она ожидала увидеть его другим".

А следом возникает и еще одно чувство: "В особенности поразило ее чувство недовольства собой, которое она испытала при встрече с ним. Чувство то было давнишнее, знакомое чувство, похожее на *состояние притворства*, которое она испытывала в отношениях к мужу; но прежде она не замечала этого чувства, теперь она ясно и больно сознала его".

Итак, сначала недолгое чувство стыда за свое поведение, потом нечестная попытка увидеть мужа в неприятном свете и в связи с этой нечестной попыткой чувство недовольства собой. Вот только недовольство собой очень похоже на состояние притворства, в котором она сама же и пребывает в отношении к мужу.

Каким же образом недовольство собой (при этом Толстой подчеркивает: *давнее* недовольство!) могло оказаться похожим на состояние притворства? Ведь, казалось бы, такое честное чувство, говорящее о том, что Анна прекрасно дает себе отчет в том, что уже давно позволяет себе какие-то нехорошие поступки. Но дело в том, что каждый раз она быстро находит себе оправдание, постоянно перекадывая свою вину то на других, то просто на обстоятельства. И недовольство собой тут же становится притворством - дешевым покаянием, которое дает ей право на новый грех.

Но подумать только! Девять лет постоянного притворства... А ей не в тягость. Именно не в тягость, потому что еще только что, утром, после бала и ночной встречи с Вронским, она думала о доме и муже со всей приятностью! До чего лживая женщина, уму не постижимо.

Дома ее встречает сын - и он тоже разочаровывает ее. Она находит его хуже, неинтереснее, чем ей хотелось бы... Приехавшая графиня Лидия Ивановна, давний и преданный друг ее мужа с "прекрасными задумчивыми черными глазами", которая еще неделю назад нравилась Анне, отныне тоже разонравилась ей, а идея христианства, которой так увлечена Лидия Ивановна, и вовсе вдруг стала раздражать Анну...

Прослеживаете цепочку? Понятно теперь, откуда уши растут? Покорность Вронского, не любовь, а именно покорность, обещающая ей безраздельную власть над ним, - вот что начинает пока еще медленно, но неудержимо притягивать ее, возбуждая гордыню и порождая несправедливое недовольство в отношении и мужа, и сына, и вообще всего, что составляло ее жизнь.

Однако день протекает в привычных делах и заботах, а Вронский... А Вронский совершенно выпал из ее головы! Она и не вспоминает о нем - ни о бале, ни о внезапной встрече с ним у вагона, ни о его признании. Вронский выполнил свою задачу - он

приковал к ней всеобщее внимание и заставил всех говорить о ней, о ее блестящей победе над ним. И он больше ни за чем ей не нужен.

И только в четвертом часу дня - и это время не случайно! - она вспоминает бал и Вронского - и вспоминает с недоумением. "Что же было? Ничего" - рассуждает она.

Почему же она вспомнила-таки о ненужном ей больше Вронском и почему именно в это время? Очень просто. Потому что скоро с работы должен вернуться муж, и к этому времени она должна решить: говорить ему про бал или не говорить? Дойдут до него слухи (и в каком виде) или не дойдут? Будут у нее неприятности или не будут? Да и сам Вронский - он оказался слишком настойчивым, мало ли на что он способен... Так говорить мужу или не говорить?..

Собственно, уже сами рассуждения на эту тему подсказывают правильный ответ: если сомневаешься, значит, сказать обязательно нужно. И Анна прекрасно это понимает. Но сказать означает пресечь, лишит себя будущего удовольствия. Не лучше ли придумать какое-нибудь вранье и смешать его с правдой?

И тут она очень кстати вспоминает, что однажды при точно таких же обстоятельствах она уже как-то говорила мужу, что за ней ухаживал некий молодой человек. Но сказать это она постаралась так, чтобы ее поведение при этом выглядело вполне невинным. И ей это вполне удалось, и тогда муж уверил ее, что она ни в чем не виновата, поскольку, "живя в свете, всякая женщина может подвергнуться этому, но что он доверяется вполне ее такту и никогда не позволит себе унизить ее и себя до ревности".

Вот и удобный предлог, чтобы не говорить! Ведь муж сам уверил ее когда-то, что такое может случиться с каждой порядочной женщиной и не по ее вине.

Как же удобно, что на свете есть люди, которые тебе доверяют - в нужный момент манипулятор сумеет переложить на них ответственность за собственную вину. Вот спросит муж: да как же так, почему же ты мне ничего не сказала, почему не предупредила, почему поставила меня в такое трудное положение? А она ему в ответ с чувством незамазанного достоинства: так ты сам виноват, ты же сам сказал мне, что доверяешь и что могу подвергнуться, вот я и подверглась невинно!

"Стало быть, незачем говорить? Да, слава богу, и нечего говорить", - сказала она себе.

*

Итак, весь день она проводит дома, и дома, напоминая, ей очень хорошо. Никакой тоски по Вронскому, никаких воспоминаний о нем. Вронский, рассудила она, это обычный светский инцидент, "один из обычных ничтожных случаев светской жизни".

Ей легко и спокойно. Она с удовольствием ждет мужа домой. Он приезжает. Она горячо встречает его. Он спрашивает, что говорят в Москве о его новом законоположении, которое он провел. Эта тема очень его интересует, и он просил жену разузнать об этом. Но оказывается, что Анна напрочь забыла о его просьбе... Но, разумеется, он прощает ей эту маленькую оплошность. И вообще она очень мила с мужем, она находит его хорошим, правдивым, добрым человеком: "Все-таки он хороший человек, правдивый, добрый и замечательный в своей сфере, - говорила себе Анна, вернувшись к себе, как будто защищая его пред кем-то, кто обвинял его и говорил, что его нельзя любить. - Но что это уши у него так странно выдаются! Или он обстригся?"

Перед кем же она его защищала? Кто мог обвинять его? Кто мог сказать, что его нельзя любить? Да она сама и обвиняла. Зачем она это делала? Да совесть нечиста. Но заметим главное: хороший, правдивый, добрый... Это правда. Алексей Александрович именно таков. И он за это еще поплатится.

4. Встреча у княгини Бетси

"Она не может вести двойную жизнь, в отличие от другой героини романа, княгини Бетси. Ее правдивая и страстная натура не допускает обмана и тайн".

Ложь Набокова

Псевдокритики любят утверждать, что Анну погубило в том числе и отношение к ней Вронского - дескать, отношение его к ней было самое пошлое и заурядное, и дескать, такой недалекий человек, как Вронский, и не мог понять всей глубины ее израненного, стосковавшегося по большой и настоящей любви сердца. И в доказательство любят приводить вот эту цитату:

"В его петербургском мире все люди разделялись на два совершенно противоположные сорта. Один низший сорт: пошлые, глупые и, главное, смешные люди, которые веруют в то, что одному мужу надо жить с одною женой, с которою он обвенчан, что девушке надо быть невинною, женщине стыдливою, мужчине мужественным, воздержанным и твердым, что надо воспитывать детей, зарабатывать свой хлеб, платить долги, - и разные тому подобные глупости. Это был сорт людей старомодных и смешных. Но был другой сорт людей, настоящих, к которому они все принадлежали, в котором надо быть, главное, элегантным, красивым, великодушным, смелым, веселым, отдаваться всякой страсти не краснея и над всем остальным смеяться".

Да, на момент знакомства с Карениной Вронский именно таков. Обычный полковой ухажер, который якшается с полковыми же пьяницами и их замужними любовницами, да ездит с визитами до поздней ночи. Да и за самой Анной он начал столь страстно ухаживать вовсе не из-за вспыхнувшей любви к ней - никакой любви в нем не вспыхивало. Да, ее красота его очаровала, но еще больше прельстило его положение Анны в свете - ухаживать за высокопоставленной замужней женщиной считалось высшим шиком для офицера, это придавало ему веса и блеска в глазах окружающих. Однако чем глубже, чем серьезнее становится его чувство к Анне, тем более он меняется, а вместе с ним и его представления о жизни: он живет с одною Анной, не изменяя ей; он хочет обеспечить будущее своих возможных детей; он начинает приумножать свои деньги разумным ведением хозяйства и так далее.

У Анны тоже есть свои круги общения. Первый - "служебный, официальный круг ее мужа". Второй - "кружок старых, некрасивых, добродетельных и набожных женщин и умных, ученых, честолюбивых мужчин", этот кружок называют "совестью петербургского общества". (В скобках замечу, что понятие "старые женщины" здесь весьма условно - Долли уже в 33 года считается вполне старой женщиной, так что графине Лидии вполне могло быть под 40 или слегка за 40 лет. А могло быть и 50.) И, наконец, третий круг - "собственно свет, - свет балов, обедов, блестящих туалетов, свет, державшийся одною рукой за двор, чтобы не спуститься до полусвета, который члены этого круга думали, что презирали, но с которым вкусы у него были не только сходные, но одни и те же".

И с Анной также случается метаморфоза. Но только если Вронский становится лучше от своих внутренних перемен, то с Анной происходит совсем другая история. Второй кружок, которым так дорожил ее муж и который был ей и самой по душе все эти годы, все эти люди второго кружка - та самая "совесть общества" с центром в лице графини

Лидии Ивановны - становятся ей категорически неприятны, отныне она считает их всех лжецами и притворщиками.

Как такое могло произойти? Неужели это любовь к Вронскому так на нее повлияла - тот самый, по выражению Набокова, "поток белого света", который очернил все вокруг, начиная с ушей мужа и заканчивая сыном, которого она находит отныне хуже и неинтересней, а также и Лидией Ивановной тоже заканчивая, которая - да, имеет свои недостатки, но, положив руку на сердце, уж никак не может считаться плохим человеком? Нет, конечно. Просто это обычная защита манипулятора - свалить с больной головы на здоровую, приписать другим людям все то гадкое, что есть в самом манипуляторе.

Но зато отныне она дружит с княгиней Бетси Тверской, представительницей третьего круга, имеющей мужа и любовника, некоего Тушкевича. А Бетси Тверская никогда и близко не была образцом добродетели.

Дружба с ней начинается внезапно. Но это только на первый взгляд. Дело в том, что княгиня Тверская - двоюродная сестра Вронского. А что может быть удобней, чем как бы случайная встреча с Вронским в ее доме? Такой эффектный, такой пылкий, такой настойчивый и такой влюбленный в нее офицер - какое полезное украшение для Анны. Именно жажда самолюбования и заставляет ее поначалу искать якобы случайных встреч с Вронским. Но любая игра требует развития. Удовольствие быстро заканчивается, если не сделать следующий ход.

Вот сначала он просто смотрит на нее восторженно и покорно, а она всего лишь благосклонно позволяет. Но если обожателя не подогреть, он остынет. И однажды она отвечает ему таким же взглядом. Игра получает новую фазу. Они переглядываются. Но однажды обожание, которым она упивается, начинает требовать новизны. И тогда она снова делает ход - она позволяет ему говорить о любви. Потом и это станет скучным, и тогда, чтобы вновь получить эффект свежести, она сделает следующий виток - она ответит ему согласием, она сама скажет ему о любви. Игра станет острой, от нее начнет захватывать дух, скучная жизнь получит встряску. Вот что такое Вронский для Анны - возможность получать каскад острых впечатлений.

Для княгини Бетси разворачивающийся роман является также большим развлечением, так что она с удовольствием принимает парочку. И вот однажды в ее доме собирается общество. Разумеется, обсуждают Карениных - говорят, что Анна изменилась после своей поездки в Москву, что она привезла с собой "тень" - Вронского, и что ее муж глуп (оттого что не замечает интриги). Тут приходит Вронский, а следом, довольно скоро, и Анна. Завязывается двусмысленный разговор, со стороны Анны следуют волнительные намеки, Вронский их жадно впитывает, а потом разговор как бы внезапно переходит на Кити Щербацкую.

Кити Щербацкая! Та самая, которую она унизила на глазах у всех и у которой увела жениха, - она не дает Анне покоя. Она посмела не прийти к Долли, чтобы проводить Анну, посмела выказать небрежение к ней, посмела выказать свое нежелание с ней общаться. О, как же хочется сказать о ней гадость! Но лучше сделать так, чтобы эту гадость сказал о ней Вронский.

Это типичный прием манипулятора: методом умело построенных фраз вынудить доверчивого собеседника сказать желаемое, попутно выставив себя в ангельском обличье. И вот вам типичный прием манипулятора в действии (курсив и комментарии в скобках мои):

"Анна вдруг обратилась к нему:

- А я получила из Москвы письмо. Мне пишут, что Кити Щербацкая очень больна.

- Неужели? - нахмурившись, сказал Вронский.

Анна строго посмотрела на него. [святая женщина!]

- Вас не интересует это?

- Напротив, очень. Что именно вам пишут, если можно узнать? - спросил он.

Анна встала и подошла к Бетси. [*нарочно тянет время*]

- Дайте мне чашку чая, - сказала она, останавливаясь за ее стулом.

Пока княгиня Бетси наливала ей чай, Вронский подошел к Анне.

- Что же вам пишут? - повторил он.

- Я часто думаю, что мужчины не понимают того, что *неблагодарно*, а всегда говорят об этом, - сказала Анна, не отвечая ему. - Я давно хотела сказать вам, - прибавила она и, перейдя несколько шагов, села у углового стола с альбомами. [*вы неблагодарны, а я святая, святая женщина*]

- Я не совсем понимаю значение ваших слов, - сказал он, подавая ей чашку.

Она взглянула на диван подле себя, и он тотчас же сел.

- Да, я хотела сказать вам, - сказала она, *не глядя* на него. - Вы *дурно* поступили, *дурно, очень дурно*. [*ты видишь, какая у меня высокая нравственность?*]

- Разве я не знаю, что я *дурно* поступил? Но кто причиной, что я поступил так?

- Зачем вы говорите мне это? - сказала она, *строго* взглядывая на него. [*вот только не надо делать меня соучастницей*]

- Вы знаете зачем, - отвечал он смело и радостно, встречая ее взгляд и не спуская глаз.

Не он, а она смутилась. [*когда я смущаюсь, я выгляжу еще более нравственно*]

- Это доказывает только то, что у вас нет сердца, - сказала она. [*до чего же я святая женщина, так переживать за соперницу!*] Но взгляд ее говорил, что она знает, что у него есть сердце, и от этого-то боится его.

- То, о чем вы сейчас говорили, была ошибка, а не любовь. [*еще, еще говори! вот бы этой противной Кити услышать тебя сейчас!*]

- Вы помните, что я запретила вам произносить это слово, это гадкое слово, - вздрогнув, сказала Анна; [*ты видишь, как я вздрогнула? да я же люблю тебя, дурачок!*] <...> - Я вам давно это хотела сказать, - продолжала она, решительно глядя ему в глаза и вся пылая жегшим ее лицо румянцем, - а нынче я нарочно приехала, зная, что я вас встречу. Я приехала сказать вам, что это должно кончиться. Я никогда ни перед кем не краснела, а вы заставляете меня чувствовать себя виновною в чем-то. [*знай же: отныне ты один будешь во всем виноват*]

Он смотрел на нее и был поражен новою духовною красотой ее лица. [*этого-то мы и добивались*]

- Чего вы хотите от меня? - сказал он просто и серьезно.

- Я хочу, чтобы вы поехали в Москву и просили прощенья у Кити, - сказала она, и огонек замигал в ее глазах. [*если поедешь - пеняй на себя*]

- Вы не хотите этого, - сказал он.

Он видел, что она говорит то, что принуждает себя сказать, но не то, чего хочет. [*дурачок, именно это я и хочу тебе показать*]

- Если вы любите меня, как вы говорите, - прошептала она, - то сделайте, чтоб я была спокойна. [*святая женщина! просто святая!*]"

Далее лицо его сияет, он пылко признается ей в любви, она делает вид, что изо всех сил сопротивляется, что долг для нее превыше всего, но при этом она останавливает на нем взгляд... и взгляд ее полон любви. После чего, как бы мучительно собравшись духом, она снова убеждает его больше никогда не говорить ей о любви и вообще остаться друзьями - и взгляд ее при этом опять говорит о другом. В общем, **отталкивая приближаю** - еще один принцип манипулятора.

И тут Вронский произносит решающую фразу, сам того не понимая, что - решающую: "Ведь я прошу одного, прошу права надеяться, *мучаться*, как теперь..." Мучаться - то есть быть кем-то мучимым. Какая сладкая перспектива для мучителя! С этой минуты Анна окончательно уверена: она нашла свою жертву.

Тут появляется муж. "Оглянув жену и Вронского, он подошел к хозяйке и, усевшись за чашкой чая, стал говорить своим неторопливым, всегда слышным голосом, в своем обычном шуточном тоне, подтрунивая над кем-то".

Завязывается разговор. Но Анна и Вронский даже и не подходят к беседующим.

Разговор продолжается - Анна и Вронский продолжают все так же уединенно сидеть в уголке. Кто-то замечает, что это уже становится просто неприлично... Анна и Вронский сидят. Их поведение становится откровенно вызывающим, и это начинает всем действовать на нервы. Но Анна и Вронский продолжают сидеть... Теперь они начинают чуть ли не открыто всех раздражать - недовольные взгляды в их сторону усиливаются. Но Анна и Вронский не двигаются.

Муж Анны видит эти взгляды и это странное поведение жены, однако он единственный, кто ни разу не взглянул в их сторону, спокойно продолжая разговор.

Наконец, "заметив производимое на всех неприятное впечатление", княгиня Бетси подходит к Анне. И только после этого - только после этого! - Анна оставляет Вронского и идет к общему столу. "Алексей Александрович, просидел полчаса, подошел к жене и предложил ей ехать вместе домой; но она, *не глядя на него*, отвечала, что останется ужинать. Алексей Александрович раскланялся и вышел".

Почему же Анна так вела себя? Почему она столь откровенно продемонстрировала свою уединенность, тем более в присутствии мужа? Был ли в этом какой-то смысл? Да, был. Но очень глупый и мелкий. Просто эта ситуация щекотала ей нервы, создавая видимость настоящего события, центром которого была она, вот и все. Наполеон в стакане воды.

Дело в том, что у Анны очень скудная внутренняя жизнь, крайне бедная эмоциями. Да им и неоткуда взяться. Два источника эмоций - любовь к жизни и любопытство к бытию - в ней наглухо закрыты, она никого не любит и ее ничего не интересует, у нее есть только один страстный интерес в жизни - беспрестанно вызывать у внешнего мира восхищение ею и желание ей покориться. Но восхищение давно превратилось в рутину, а покоряться ей - при всей ее красоте - особо некому.

Вот почему обычные посиделки с Вронским (уже ставшие обычными, а потому мало интересными для нее) при появлении мужа она тут же превращает в острую ситуацию - чего не сделала бы ни одна женщина, не желающая приключений на свой зад. Но Анна - желает. Собственная же безопасность ее мало волнует, но вовсе не потому, что она такая увлекающаяся натура, с головой окунувшаяся в любовь, а просто потому, что, как всякий прирожденный лжец, она уверена, что всегда сможет выкрутиться и избежать расплаты.

Всеобщее раздражение она также чувствует - и тоже играет с ним. Всеобщее раздражение ее вполне устраивает, поскольку немедленно выделяет ее из толпы. Ведь какую бы светской львицей она ни была, какую бы красавицей ни представлялась, но таких все равно много. Вызывающее же поведение мгновенно вознесло ее на вершину рейтинга - всем надоевшие, а потому затихающие сплетни о ней получили новую пищу, она снова будет в центре внимания.

И она доводит ситуацию до верха неприличия: проторчав с Вронским на глазах у мужа так демонстративно и долго, что вызвала всеобщее раздражение, она еще и не поехала с ним домой! А потом еще и домой вернулась не скоро.

5. Объяснение с мужем

"Внутренний переворот в жизни Анны

нисколько не меняет расписания ее мужа, --
выполнив свои служебные обязанности
и все административные дела, он преспокойно
и степенно отправляется в спальню,
дабы получить свою порцию законных
супружеских радостей".

Ложь Набокова

Итак, муж в одиночестве возвращается домой. По дороге и уже дома он снова и снова возвращается к той атмосфере неловкости, которая явно создалась из-за уединенности Анны и Вронского. И хотя он лично ничего предосудительного в этой уединенности не находил (а не находил только потому, что привык верить Анне, с порядочными людьми такое часто случается), "но он заметил, что другим в гостиной это показалось чем-то особенным и неприличным, и потому это показалось неприличным и ему. Он решил, что нужно сказать об этом жене".

Он думает, что со стороны Анны это какой-то невинный промах, и он хочет просто пояснить ей это, чтобы в дальнейшем это не принесло ей неприятностей.

И вот он читает книгу, но книга на ум не идет. Время становится совсем уже поздним. Анны нет. Сна тоже нет, он ходит по комнатам взад-вперед. Мысль о возможной измене жены уже не кажется ему такой уж нелепой. Эта мысль приходит к нему впервые, и эта мысль его ужасает. В его голове сумбур. Он то уговаривает себя, что ничего не случилось, то убеждает себя, что эти шашни надо немедленно прекратить, а потом неуверенно напоминает себе, что ревность унижает жену. Он понимает, что в его жизни случилось что-то ужасное. А потом снова говорит себе, что его тревога бессмысленна.

Наконец после долгих хождений по комнатам и мучительных, страшных раздумий он приходит к выводу, что ее чувства к кому бы то ни было - "это дело ее совести", и стало быть, это относится к сфере нравственности, "подлежит религии", и стало быть, он не может ее судить, а может только предостеречь и указать опасность, поскольку он глава семьи - "лицо, обязанное руководить ею, и потому отчасти лицо ответственное".

Именно этот вывод - что это дело ее совести - и был первой ошибкой Алексея Александровича. Порядочные люди очень часто совершают подобный промах и еще долго верят в него - пока чужая разрушительная воля не изуродует их до неузнаваемости. Потому что порядочные люди судят по себе. Порядочным людям и в голову не приходит, что, когда речь идет о манипуляторе, *дело чужой совести* на самом деле оказывается *делом чужой бессовестности*.

Порядочным людям, брезгающим в силу своей духовной природы нравственными махинациями, и в голову не приходит, что они столкнулись с чужим нравственным подлогом, проще говоря - с подлостью.

Вот почему, в то время как жена Алексея Александровича вовсю развлекается нравственным шулерством, в нем - наряду с глубочайшим болезненным страхом и нарастающей болью - происходит глубокая душевная работа, которая приводит его к трудным и строгим духовным выводам: *это дело ее совести, он не имеет права ее судить*.

Наконец он слышит шаги жены - и ему становится страшно...

Анна входит, видит мужа и... смотрит на него с веселым недоумением! Она так мила и естественна, что как будто и не понимает вопросительно-ожидательного выражения мужа - да ведь она просто задержалась у подруги и теперь она просто хочет спать! "Анна говорила, что приходило ей на язык, и сама удивлялась, слушая себя, *своей способности лжи*. Как просты, естественны были ее слова и как похоже было, что ей

просто хочется спать! Она чувствовала себя одетою в непроницаемую броню лжи. Она чувствовала, что какая-то невидимая сила помогала ей и поддерживала ее".

Нет-нет, никаких серьезных объяснений не будет, никакой правды, никаких откровенных признаний - даже ради игры. Сейчас она и так полна впечатлений. А вот потом, когда запас искусственно получаемых эмоций опять истощится, тогда и придет время для откровенных признаний. Но не сейчас. Впрочем... смотреть, как мечется перед броней ее лживости муж, тоже забавно. Один уже мучается из-за нее, почему бы не помучить второго?.. Ну что ж, не будем ускользать от подозрений - наоборот, тонко растравим их.

И вот муж пытается говорить с ней, но она буквально не понимает, о чем это он ей толкует! Вот только не понимает как-то слишком заметно... И муж это видит - видит, что она намеренно "не хотела замечать его состояние" и что она намеренно "не хотела ни слова сказать о себе". Больше того - прекрасно видя его подозрения и беспокойство, она словно нарочно усугубляет их: "Он видел, что глубина ее души, всегда прежде открытая пред ним, была закрыта от него. Мало того, по тону ее он видел, что она и не смущалась этим, а прямо как бы говорила ему: да, закрыта, и это так должно быть и будет вперед".

Конечно, это грязная игра. Такая же грязная, как и на балу ее игра с Кити. И она прекрасно дает себе в этом отчет. Однако любой, даже начинающий, манипулятор знает: чтобы оправдать себя, нужно очернить другого. А для этого нужно всего лишь уверить себя, что жертва достойна подлости. Например, муж. Да, она обманывает его, и это нехорошо. Но почему бы и не обмануть человека, который сам обманывает ее? Вот он говорит, что он ее любит. Но ведь он лжет! "Разве он может любить? Если б он не слышал, что бывает любовь, он никогда и не употреблял бы этого слова. Он и не знает, что такое любовь".

Именно эти лживые слова - слова манипулятора, занятого всего лишь оправданием своей очередной подлости - и любят цитировать горе-литературоведы, рассказывая нам свои недалекие фальшивки про Алексея Александровича.

А между тем Алексей Александрович Каренин - лучший человек в романе. Именно он и является истинно духовной личностью, наиболее способной и умеющей любить. Да, у него есть недостатки. Да, он не всегда физически приятен - в моменты сильных душевных волнений он хрустит пальцами и его голос становится писклявым. Да, он не умеет воспитывать детей. Да, его можно довести до белого каления. Но при всем при этом он меньше всего думает о себе (а надо бы!), в самых трудных эмоционально уязвимых условиях он и не помышляет о мести, а находится в мучительном поиске духовной опоры, а в самокопаниях даже постоянно перегибает палку, и, разумеется, опять не в свою пользу, все время боясь оказаться то недостаточно справедливым, то недостаточно сострадательным к другим.

Наконец, мучительная и бессмысленная для Алексея Александровича попытка объясниться сходит на нет. Он еще что-то бормочет, сбитый с толку ее безмятежным видом и пораженный ее откровенным, чуть ли не показным враньем... Он еще что-то говорит, но уже совсем не то, что собирался сказать... Он еще что-то лепечет про то, что, возможно, его слова вызваны недоразумением, и если это так, то он просит ее извинить, но если... "но если ты сама чувствуешь, что есть хоть малейшие основания, то я тебя прошу подумать и, если сердце тебе говорит, высказать мне..."

Она слышит, как он беспомощно мямлит, и это ее веселит. "Мне нечего говорить. Да и... - вдруг быстро сказала она, с трудом удерживая улыбку, - право, пора спать".

Он вздохнул. И молча отправился в спальню.

В спальне он не смотрит на нее. Его губы сжаты. Он так долго пытался откровенно с ней говорить, а она так старательно лгала, избегая ответа, что его надежда иссякла. И Анна это прекрасно понимает. Однако именно теперь, когда шанс на то, что он снова

заговорит с ней, ничтожно мал, она вдруг решает сыграть в нечестную рулетку. Она загадывает: если он все-таки заговорит с ней снова, если он заговорит с ней в тысячный раз, то так и быть - она признается ему, ну а если не заговорит, что ж... тогда он сам виноват. Нужно было заговорить.

Разумеется, все это блеф, изначально нечестный подход. Понятно же, что вряд ли он снова заговорит. Так что она ничем не рисковала.

Она ждет. Но он молчит. Она долго ждет, а потом... забывает о нем - сладкие воспоминания о встрече с Вронским заполняют ее. Вдруг она понимает, что муж уснул - она выиграла в свою рулетку! " Поздно, поздно, уж поздно, - прошептала она с улыбкой". Поздно. Она не будет ни в чем признаваться ему.

*

Этот вечер оказался решающим для Алексея Александровича и его жены. Внешне все осталось в рамках сценария Анны: она всюду ездила и всюду встречалась с Вронским. Думается, что некоторые из этих встреч в точности повторяли опробованную у Бетси схему откровенного растравливания мужа.

Алексей Александрович предпринял еще несколько попыток объяснить с ней, но опять все напрасно - "на все попытки его вызвать ее на объяснение она противопоставляла ему непроницаемую стену какого-то *веселого* недоумения".

И каждый раз Алексей Александрович снова и снова уверяет себя, что "нужно попытаться еще раз, что *добротой, нежностью, убеждением* еще есть надежда спасти ее, заставить опомниться" - и он снова и снова пытается говорить с ней, но... "Но каждый раз, как он начинал говорить с ней, он чувствовал, что тот *дух зла и обмана, который владел ею*, овладевал и им, и он говорил с ней совсем не то и не тем тоном, каким хотел говорить".

Дух зла и обмана! То, что этот дух владел Анной, понятно. Но как понять, что этот дух овладевал и им? Да так и понять, что, когда вас провоцируют, всегда есть очень большой шанс, что вы поддадитесь на провокацию. Вам с наслаждением мучают - и вы страстно мечтаете отомстить обидчику. А обидчику только это и надо. Потому что как только вы ему отомстите, вы тут же начнете мучиться чувством вины перед ним - и тогда бери вас голыми руками.

Но жажда мести придет к Алексею Александровичу позже. А пока он просто врет сам себе: Анна продолжает практически открыто встречаться с Вронским, а муж сначала винит в этом себя, якобы это он так и не смог найти нужных слов, а потом и вовсе уверяет себя, что если Анна и влюблена во Вронского, то ничего серьезного между ними пока еще нет, и значит, можно терпеть дальше.

Так продолжается целый год...

6. Свершилось!..

"Союз Анны и Вронского основан лишь на физической любви и потому обречен".

Ложь Набокова

Вот уж совсем не поэтому. Их союз был обречен по трем причинам: 1) потому что покорность Вронского имела границы, а это совсем не устраивало Анну, 2) потому что Вронскому со временем все больше открывались ее чудовищные неискренность и

пустота, 3) потому что жизнь с наркоманом - это ад, а Каренина к концу романа предстает законченной морфинисткой, чего Набоков так и не удосужился заметить.

Но поговорим физической любви. Честно сказать, первая интимная сцена между любовниками меня потрясла.

"То, что почти целый год для Вронского составляло исключительно одно желание его жизни, заменившее ему все прежние желания; то, что для Анны было невозможною, ужасною и тем более обворожительною мечтою счастья, - это желание было удовлетворено".

Ну, с Вронским все ясно. Отметим здесь то, что касается Анны: половой акт с Вронским был для Анны *мечтою счастья*, при этом *обворожительною* мечтой. Разумеется, мечтою *ужасною* - нельзя же соглашаться сразу. И разумеется, *невозможною* - из той же серии. Однако счастье и обворожительность, смакуемые в мечтах и интригах целый год, наконец перевесили невозможность и ужас. Вронский в очередной раз предлагает - и Анна соглашается. Они едут к Вронскому, и там, трепеща и предвкушая, она позволяет себя раздеть, а потом и уложить на диван.

А теперь проведем следственный эксперимент. Положим, вы замужем, но вдруг вы влюбились. В другого. Вас одолела страсть. Допустим, вам совершенно не жалко мужа. И, допустим, совесть вас тоже совершенно не мучает - ведь это любовь, говорите вы, разве я должна стыдиться этого высокого чувства и разве я должна отказываться от него ради какой-то там унылой супружеской верности? Вас неудержимо влечет к вашему возлюбленному. Ваше чувство взаимно - и вы оба мечтаете о близости. И вот наконец порыв страсти кидает вас в постель. Вот он, предел ваших мечтаний, высшее счастье, которого вы так страстно желали все это время. Вы оба задыхаетесь от восторга. Вы смотрите друг на друга пылающими глазами, покрываете друг друга пылающими поцелуями, и вот вы уже оба предаетесь пылающим восторгам любви. Последние конвульсии блаженства - и вот вы уже... Минуточку. А что же, собственно, дальше? Обнимаете партнера ослабевшей от счастья рукой? Шепчете ему на ушко милые глупости? Смотрите на него томными и тем не менее сияющими глазами? Лежите без сил и легкая улыбка, как волшебная искра, блуждает по вашим губам? Или в вас немедленно шевелится раскаянье и тут же, спустя буквально секунду после оргазма, просыпаются совесть и стыд? И, не успев остыть от плотских утех, вы с рыданиями бросаетесь на пол и рвете на себе волосы?

Может такое быть? Честно говоря, мне крайне трудно поверить, что вы, здоровый человек, способны на такое странное поведение. В конце концов, даже если совесть и преследует вас каждые десять секунд, то все равно это не в природе человека - не успеваешь отдышаться наслаждением, в ту же секунду переключиться на раскаянье, да еще озвучив ее на полную громкость! В конце концов, против физиологии не попрешь, а она сейчас требует расслабления: *невозможно испытывать муки совести и оргазм одновременно*. И, в конце концов, ваш партнер ни в чем не виноват. В конце концов, вы сами поехали к нему и вам же самой только что, секунду назад, были так приятны его прикосновения. Так стоит ли портить другому человеку настроение в такие особенные мгновения? В конце концов, несколько минут совесть может и потерпеть. Да и вообще в эти несколько минут после оргазма совесть должна пребывать в естественной отключке.

Конечно. Именно так вы себе и скажете. Если, конечно, вы не манипулятор и своим поведением не преследуете совсем иную цель, - о которой ваш любимый даже и понятия не имеет...

А теперь посмотрим, что в подобной ситуации происходит у Вронского с Анной. А происходит что-то странное. Не успела на Вронском высохнуть даже первая капля пота

удовлетворенного желания, как Анна - вместо того чтобы хотя бы по-человечески улыбнуться ему (а уж потом рыдать и страдать) - немедленно устраивает ему дикую - дичайшую! - сцену с мучительными стенаниями про стыд и позор.

Такое впечатление, что она как будто нарочно ждала этого момента, чтобы напрочь изгадить всю радость Вронского от того, что вот уже год составляло "одно желание его жизни": она рыдает, ее голова опущена, она сидит согнувшись, и весь ее вид ужасен настолько, что Вронский стоит над ней - бледный, "с дрожащею нижнею челюстью", и умоляет ее "успокоиться, сам не зная, в чем и чем". И чем больше он ее уговаривает и трясется над ней, тем больше она угнетается и наконец прямо-таки падает с дивана на пол к его ногам. И весь ее вид при этом говорит Вронскому, как ей отвратительно даже само воспоминание об этом половом акте и какую преступной и униженной в связи с ним она себя чувствует.

И Вронский - честный неискушенный Вронский - глядя на все эти фантазмагорические страдания, начинает в ответ чувствовать себя буквально убийцей. "И с озлоблением, как будто со страстью, бросается убийца на это тело, и тащит, и режет его; так и он покрывал поцелуями ее лицо и плечи".

И она целует его в ответ, как своего сообщника, а потом прячет лицо. А потом, как бы с трудом пересилив стыд, она встает:

"- Все кончено, - сказала она. - У меня ничего нет, кроме тебя. Помни это.

- Я не могу не помнить того, что есть моя жизнь. За минуту этого счастья...

- Какое счастье! - с отвращением и ужасом сказала она..."

Зачем же ей понадобилось так изгадить Вронскому самые сладкие (самые естественно сладкие, сказала бы я) первые минуты радости? Ну, во-первых, чтобы изгадить. У Анны вообще такая манера - как можно быстрее испортить другому удовольствие. Но главное - тем самым лишить Вронского ощущения победы, ведь согласие женщины на секс всегда рассматривалось мужчинами как победа над ней, а разве может Анна позволить кому-то считать себя победителем в отношении нее?

Во-вторых, наглядно продемонстрировать Вронскому, что она совсем не та женщина, которой легко дается секс с любовником и к которой в связи с этим можно неуважительно относиться. Потому что в то время секс на стороне автоматически лишал женщину уважения к ней (и долгое сопротивление не являлось смягчающим обстоятельством), и прежде всего в глазах самого же любовника. Поэтому столь бурная страдальческая реакция Анны должна была убедить Вронского, что их совокупление не только не должно лишить ее уважения в его глазах, но даже и прибавить к ней уважения.

Ну, и в-третьих, и это самое главное, накрепко внушить Вронскому чувство вины и чувство ответственности. Она нарочно сразу же после полового акта как можно больнее ударила Вронского изощренным психологическим приемом, чтобы отныне каждый раз, ложась к ней в постель, он помнил о причиненной ей этим нравственной боли, и чтобы эта боль теперь каждый раз была ему сигналом к чувству вины - ведь это же он виноват в том, что Анна из-за любви к нему вынуждена была пойти на такое унижение, стыд и позор, как половой акт с любовником. "У меня ничего нет, кроме тебя. Помни это" - вот он, кодовый ключ к управлению Вронским. Ты меня приручил? Приручил. Ну вот и неси теперь за меня ответственность! Удобная позиция.

*

Она уезжает. Она приезжает домой. В ее душе смешаны три чувства - "стыда, радости и ужаса пред этим вступлением в новую жизнь". Но что-то прибавилось к этим чувствам. Что? Она не знает. (Замечу в скобках: знает. Просто не хочет знать.)

Вот уже несколько дней, думая над происшедшим и пытаюсь понять, что же она все-таки сделала на самом деле и как это повлияет теперь на всю ее жизнь, ее мысли начинают путаться, как будто разум нарочно уводит ее от ответа.

А действительно, что же она сделала *на самом деле*? Косвенный ответ дает сам Толстой (курсив мой): да, сама она не в силах прояснить свои мысли на этот счет, но зато во сне...

"Зато во сне, когда она *не имела власти* над своими мыслями, ее положение представлялось ей во *всей безобразной нагоде* своей. Одно сновиденье *почти каждую ночь* посещало ее. Ей снилось, что оба вместе были ее мужья, что оба расточали ей свои ласки. Алексей Александрович плакал, целуя ее руки, и говорил: как хорошо теперь! И Алексей Вронский был тут же, и он был также ее муж. И она, удивляясь тому, что прежде ей казалось это невозможным, объясняла им, смеясь, что это гораздо проще и что они оба теперь довольны и счастливы".

О чем же идет здесь речь? Да о том самом - о тайном желании Анны секса втроем. Это во-первых. И в принципе лично я ничего не имею против, ибо каждому, как говорится, свое. Во-вторых, это еще одно подтверждение того, что муж в сексуальном плане не был ей противен, даже наоборот - он является абсолютно равноправным участником ее эротических фантазий.

И только одно обстоятельство кажется мне здесь чрезвычайно странным - что эта эротическая фантазия посетила Анну буквально сразу же после того, как наконец-то сбылась ее мечта принадлежать любимому Вронскому. Уж слишком рано - неприлично рано! - ей стало мечтаться об иных сексуальных утехах. Она еще и с Вронским-то толком не была, их половой акт случился всего лишь впервые, а ей уже хочется групповых забав. Да так неудержимо хочется, что сон об этом начинает посещать ее *почти каждую ночь!*

Разврат - вот что прельщает ее. А секс втроем в то время, безусловно, считался развратом. Как и секс с любовником. Да, собственно, и секс с Вронским тоже был для нее не столько любовными отношениями, сколько развратом, одним из его видов, после которого ей тут же захотелось попробовать новый вид. Потому что, переспав с Вронским, она *уже* достигла своей цели - ощутила прелесть разврата, прелесть запрещенного удовольствия, и теперь Вронский - как способ достижения разврата - для нее пройденный этап. Вот вам и разгадка этих снов Анны.

С развратом, в отличие от любви, всегда так. Каждое повторение становится все скучней и скучней. "Чем бы еще пощекотать нервы?" - вот единственный вопрос, который мучает несчастных развратников. Еще одно удовольствие состоит в том, чтобы втянуть в это дело других. Во-первых, чужое участие оправдывает их собственную склонность к разврату. А во-вторых, расширяет возможности.

Но беда Анны в том, что желающих поучаствовать в этом разврате нет. Ни мужу, ни Вронскому подобная мысль даже и в голову не приходит. Ну, положим, с Вронским она бы справилась. Она уверена: она сумеет заставить его исполнять все ее прихоти. Но вот муж...

И мысль о муже застревает в ее голове.

Понимает ли сама Анна, чем на самом деле одержима ее душа? Понимает. Ведь, просыпаясь и каждый раз вспоминая свой сон, она прекрасно дает себе отчет в том, что этот сон - отражение ее настоящих мыслей, тех самых, которые она не в силах в себе определить и понимание которых она то и дело откладывает на потом. Почему? Потому что ей страшно. Ее настоящие мысли, воплощаемые в этом сне, кажутся ей кошмаром. Опасным и... неудержимо притягивающим ее.

7. На даче. Беременность.

"Конечно, нельзя забыть о Каренине, муже главной героини, сухом, добропорядочном господине, жестоком в своих холодных добродетелях, идеальном государственном служащем, косном бюрократе, лицемере и тиране, охотно принимающем поддельную мораль своего круга".

Ложь Набокова

Любовь всегда приумножает. Страсть отнимает. И первая потеря Вронского наступает незамедлительно - он отказывается от важного для его карьеры предложения, и только для того, чтобы остаться в полку и продолжать видеться с Анной. К тому же столь несерьезный отказ от лестного предложения вызвал негативное отношение к Вронскому со стороны влиятельных лиц, которые предлагали ему это место: его отказ их оскорбил. Отношения испорчены. И это еще одна потеря Вронского.

Мать и старший брат пытаются предостеречь Вронского, но, понятное дело, это только вызывает в нем злобу - еще ни один человек, потерявший от страсти разум, не прислушался к разуму других. Вот и Вронский думает так же: да что они понимают в любви, все эти люди?! Однако... "Он сердился на всех за вмешательство *именно потому*, что он чувствовал в душе, что они, эти все, были правы". И, думая об этом, он нет-нет да и испытывал *чувство омерзения* - вот только к кому, он не мог разобраться: "к Алексею ли Александровичу, к себе ли, ко всему ли свету, - он не знал хорошенько".

Удивительное совпадение! То Каренина никак не разберется в своих чувствах, а потом видит про них совершенно ясные сны, то ее любовник ну просто не в силах понять, кому адресовано его омерзение. Разумеется, он знает, просто, как и Анна, *не хочет* этого знать.

*

Наступает лето. Анна живет на даче. Ее муж, уставший от мучительной двусмысленности, ездит по заграницам, занимается государственными проектами и, не зная, как разрешить ситуацию, беспомощно принимает решение делать вид, что ничего не случилось. Вот только с женой своей он больше не спит...

В один из дней должны состояться скачки, в которых Вронский принимает участие и на которых должен присутствовать весь бомонд с государем во главе. На этот день у влюбленных намечено свидание. Вронский не видел ее уже три дня и соскучился. Он редко ездит к ней на дачу - из-за ее сына, перед которым ему стыдно.

На этот раз он все-таки приезжает к ней. И застает ее в глубоком раздумье. Что с вами? - спрашивает он. И тут начинаются обычные игры манипулятора. Он спрашивает - она демонстративно молчит. Сказать ему или не сказать? - думает она, глядя на Вронского. (А сказать есть чего, поскольку Анна беременна.) Не буду говорить, решает она, ведь он так увлечен предстоящими скачками, что не поймет всю важность этого события.

Однако весь вид ее по-прежнему остается задумчивым и даже слегка печальным. И Вронский это, конечно, видит... Скажите же, о чем вы думаете! - вот уж умоляет Вронский. Но она опять не отвечает. И только вопрошающе смотрит на него. Однако глаза ее при этом блестят и руки дрожат - и Вронский это видит...

Что же вами, спрашивает он, умоляю, скажите мне ради бога! Но она снова молчит. "Я не прощу ему, если он не поймет всего значения этого. Лучше не говорить, зачем

испытывать?" - думает она. Однако руки ее все больше и больше трясутся - и, разумеется, Вронский это опять-таки видит...

Наконец тревога Вронского искусно доведена ею до критической точки: "Ради бога!" - схватив ее за руку и уже чуть не коленях взывает перепуганный Вронский, и в ту же секунду ее решение внезапно меняется:

"- Сказать?"

- Да, да, да...

- Я беременна, - сказала она тихо и медленно".

Вронский бледнеет, отпускает ее руку, опускает голову... Это известие его явно не радует, более того - оно ему неприятно, он от этого известия в шоке. Странно, но именно такая его реакция Анну волне удовлетворяет. "Да, он понял все значение этого события", - подумала она и благодарно пожала ему руку".

Уж не знаю, за что тут можно было благодарить Вронского - может, Анна решила, что известие о ее беременности он воспринял как еще один упрек себе, тем самым избавив ее от необходимости самой углублять в нем чувство вины перед ней, но в любом случае на этот раз Анна ошиблась. Как бы она там себе ни думала, в любом случае он понял это известие совершенно иначе: "При этом известии он с удесятенною силой почувствовал припадок этого странного, находившего на него *чувства омерзения* к кому-то".

Вообще странная, конечно, любовь. Одному, не успев встать с дивана счастья, хочется секса втроем, а другой постоянно испытывает омерзение к кому-то. К удобному неведомому кому-то. И при этом оба постоянно говорят о любви.

Однако пришла пора что-то делать. Теперь уж точно нужен развод. Он целует ей руку, привычно покорно смотрит на нее, а потом непривычно категоричным голосом сообщает, что отныне их судьба решена. И тут опять начинается весьма любопытный диалог...

Он решительно уверяет, что пришла пора покончить с ложью, в которой они живут. Она *тихо* отвечает, что не видит никакого решения. На ее лице сияет *нежная улыбка*...

Он предлагает ей оставить мужа и открыто соединить их жизни. Она *чуть слышно* отвечает, что их жизни соединены и так...

Он уверяет, что надо совсем соединить! Она "с *грустною насмешкой* над *безвыходностью* своего положения" спрашивает: да разве есть выход из такого положения, да разве ж он есть? "Разве я не жена своего мужа?"

Он уверяет, что нужно решиться. Что это для нее все равно будет лучше, чем то ужасное положение, в котором она живет, да и вообще "я ведь вижу, как ты мучаешься всем, и светом, и сыном, и мужем".

"- Ах, только не мужем, - с *простою* усмешкой сказала она. - Я не знаю, я не думаю о нем. Его нет.

- Ты говоришь не искренно. Я знаю тебя. Ты мучаешься и о нем.

- Да он и не знает, - сказала она, и вдруг яркая краска стала выступать на ее лицо; щеки, лоб, шея ее покраснели, и *слезы стыда* выступили ей на глаза. - Да и не будем говорить об нем".

Слезы стыда и почему они *выступили*, мне понятно - беременная от любовника Анна продолжает разыгрывать беспрюграммную карту чистоты и духовности. Принцип прост: гадость делай, но краснеть не забывай. Мне здесь интересно другое - как она ловко воспользовалась моментом и приписала себе то, чего в ней не было и в помине! Ведь она сказала Вронскому правду (редкий случай, кстати) - она действительно и не думает о муже, не мучается им, не переживает из-за него, ей на него глубоко наплевать!

Но Вронский уже успел уверовать в ее святую доброту и сердечность (помните разговор у Бетси про Кити?), поэтому ее слова ("я не думаю о нем. Его нет") он приписывает ее высокой скромности, ее духовному совершенству ("Ты говоришь не искренно. Я знаю тебя. Ты мучаешься и о нем") и горячо уверяет ее в обратном.

Ну так почему бы и не воспользоваться моментом? И она моментально использует ситуацию - соглашается с полезной характеристикой, а заодно и чернит мужа: "Да он и не знает" (ну конечно я мучаюсь об нем, потому что я святая, а он черствый, холодный, равнодушный ко всему человек).

И вот эта-то фраза - фраза матерого манипулятора! - также самоуверенно и бездумно немедленно кладется нерадивыми критиками в копилку против Алексея Александровича.

А между тем это не первый разговор о разводе, который начинает Вронский. Однако каждый раз, как только он заводил об этом разговор, он наталкивался на странное недоумение с ее стороны, как будто она и понятия не имела о такой процедуре, как развод, и как будто она никак не могла понять, о чем он вообще ей говорит.

Но это еще не все.

Вронский отчетливо чувствовал - "как будто, как только она начинала говорить про это, она, *настоящая* Анна, уходила куда-то в себя и выступала другая, странная, *чуждая* ему женщина, которой он *не любил* и *боялся* и которая давала ему отпор".

Вот и еще одна, совершенно ясная подсказка Толстого истинной сущности Карениной. Две женщины. Одна - добрая, искренняя, глубоко чувствующая. Правда ли это? Нет. Такой она всего лишь показывает себя Вронскому. Но он ей верит, вот почему такую он называет *настоящей*. И другая - странная, и даже не чужая, а *чуждая* (колоссальная разница!), которая вызывает в нем страх и которую невозможно любить. Кстати, именно чуждой называла Каренину и Кити.

Которая же из них *настоящая*? Вторая. Об этом нам говорят поступки Анны. И они еще многое нам скажут о ней. И однажды Вронский тоже это поймет. А пока разговор между ними продолжается. И на этот раз Вронский говорит на удивление не робко, как в прошлые разы, а довольно уверенно - и Анна чувствует это...

Вот Вронский снова убеждает ее, что отныне они не могут оставаться в прежнем положении. Но что же делать? - снова удивляется она все с тою же "легкою насмешливостью". Вронский предлагает ей все рассказать мужу и уйти от него. В ответ на это в ее глазах зажигается "*злой свет*", и она с неприятной издевкой (поразившей Вронского) начинает пародировать голос и манеры мужа, представляя, что он ей скажет в ответ, и сводя все к тому, что он ее ни за что не отпустит, а скандал хладнокровно замнет. После чего снова поливает мужа ложью и грязью: "Это не человек, а машина, и злая машина, когда рассердится".

Зачем же она чернит мужа? Потому что она перед ним виновата - и именно ему она не может этого простить ("не прощая ему ничего за ту страшную вину, которою она была пред ним виновата"). И дело здесь не только в измене. А еще и в том, что Алексей Александрович является ее полным антиподом - на его белом слишком видно ее черное, и это ее неимоверно раздражает.

*

А между тем прошло уже больше года с тех пор, как Алексей Александрович в полном одиночестве и в страшных душевных мучениях пришел к выводу, что ее увлечение Вронским (а может быть, дело дошло и до измены, с ужасом думает Алексей Александрович) - это *дело ее совести*. В течение всего этого долгого времени до него постоянно доходят слухи о ее частых встречах с Вронским, а на все его попытки прояснить ситуацию она либо молчит, либо с изумлением делает вид, что говорить не о

чем. И все это постоянно жестоко травмирует его психику, постоянно ставит под удар его самолюбие, его человеческое достоинство, его репутацию.

Мысли о разводе неизбежно приходят к нему. Но он медлит. Не из мести или какой-то там подлости, как пытается представить это Анна, а опять-таки из-за глубоких переживаний о ней - что с ней будет, если он с ней разведется?.. Ведь она неизбежно пойдет по рукам, сначала Вронский, а потом, когда этот любовник ее бросит (а он бросит, уверен Алексей Александрович), появится следующий любовник... Имеет ли он, муж, право не думать о ее судьбе? Имеет ли он, муж, моральное право не нести за нее ответственность?

Вот какие мысли мучают его, добавляясь к тем страданиям, которые столь щедро обеспечивает ему Анна.

Он не знает что делать. Он не в силах остановиться на каком-то решении. А все его попытки поговорить с женой потерпели крах. И он с головой уходит в дела. Он больше ни разу не говорит ни о своих подозрениях, ни о своей ревности. Все бесполезно. Что ж... Он старался. Теперь пусть старается она! Теперь пусть она упрасивает его поговорить с ним!

Он замыкается в себе, становится холоден. Но при этом он так боится отпугнуть ее своей обидой на нее... но при этом он так боится, что она и правда примет его холодность за нежелание говорить с ней... что он ведет себя так, как будто он испытывает не мучительные подозрения, не глубокие страдания, не терзающий страх, а "только как будто имел на нее маленькое неудовольствие за тот первый ночной разговор, который она отклонила от себя. В его отношениях к ней был оттенок досады, но не более".

Ему страшно. Он настолько уязвлен, оскорблен и обижен - и этой изменой, и этим полным равнодушием к его страданиям, и этими непрекращающимися наглыми встречами, больно бьющими по его самолюбию, и этим ее упорным нежеланием ни о чем говорить, - что у него, всегда заботливого отца (и Толстой это подчеркивает) меняется даже отношение к сыну - с ним он теперь тоже холоден и как-то глупо ироничен. "Ему было слишком страшно понять свое настоящее положение, и он в душе своей закрыл, запер и запечатал тот ящик, в котором у него находились его чувства.

Здоровье его также ухудшается - это замечают все, даже Анна. Выражение его лица теперь гордое и строгое. Однако Толстой характеризует его как человека кроткого и смиренного. Откуда же это выражение неприступности? Это его самозащита. Он прекрасно понимает, что о нем и его жене всю сплетничают, что постоянными встречами жены с любовником он поставлен в самое унижительное положение. И этим своим видом он как бы заранее пресекает любую возможность проявления и этих насмешек, и фальшивой жалости к себе.

Однако за все это страшное, мучительное для него время он ни разу не унился даже до самой крошечной мести, ни одного грубого слова в ее адрес, ни одного презрительного жеста. Свое горе, свои обиды он переживает в одиночестве - в постоянном духовном борении с собой. И это вызывает в ней еще большую ненависть к мужу.

Вот только Вронский верит ей, а не ему, а потому принимает ее лживые слова о муже за чистую монету. Порядочные люди вообще склонны долго обманываться насчет тех, кого любят, и манипуляторы этим с удовольствием пользуются.

Итак, Вронский снова и снова убеждает ее, что прежде надо все сказать мужу, а уж потом действовать исходя из тех мер, которые этот, по представлению Анны, якобы холодный расчетливый себялюбец предпримет. Он даже согласен бежать с ней! Но она упорно сопротивляется. Нет-нет, она не хочет никуда бежать. И она не хочет уходить от мужа. Да почему же?! - удивляется Вронский. А потому, отвечает она, что она хочет остаться хорошей в глазах сына.

Неужели она так любит сына? Нет. Она вообще не любит своего сына. Но остаться хорошей в его глазах ей очень и очень надо. Потому что одно дело когда муж и сын отворачиваются от тебя - тогда ты исчадие ада, и уже никто в этом не сомневается. А другое дело когда сын противопоставлен отцу - тогда вопрос об исчадии остается спорным, а любой спор можно однажды и выиграть. Но дело даже не в этом, а в том, что она просто не хочет развода - вот и всё, и в ход идут любые отговорки, их миллион, и позже мы их все обязательно прочитаем.

В итоге она просит Вронского никогда больше не говорить с ней о разводе, все предоставить ей и слушаться ее. На всякий случай она выражает ему соболезнование, что ради нее он погубил свою жизнь (на самом деле это она делает все, чтобы погубить его жизнь, но ему она, конечно, внушает обратное). И он тут же начинает снова испытывать чувство вины за то, что она всем для него пожертвовала, и начинает казнить себя за то, что это из-за него она так несчастна.

Чувство вины, на которое был накрепко закодирован Вронский в их первую интимную связь, отныне вбито в него намертво. Он уже никогда не сможет оставить ее - даже тогда, когда розовые очки спадут с него и он увидит наконец настоящую, кошмарную сущность этой женщины.

Однако пора на скачки!.. Вронский уезжает. Но зато приезжает муж.

"Вот некстати; неужели ночевать?" - подумала она, и ей так показалось ужасно и страшно все, что могло от этого выйти, что она, ни минуты не задумываясь, с веселым и сияющим лицом вышла к нему навстречу и, чувствуя в себе присутствие уже знакомого ей духа лжи и обмана, тотчас же отдалась этому духу и начала говорить, сама не зная, что скажет".

Ну, то, что Анна начинает убедительно лгать ни минуты не задумываясь, для нас уже не новость. Ложь и обман привычны и легки ей. Она беременна, она только что продемонстрировала Вронскому страшную депрессию и дрожание рук - и вот она уже мило щебечет при виде мужа. И по ее радостному виду ни за что и не догадаешься, что эта женщина была в такой печали лишь час назад. Да, Анна умеет и показывать, и скрывать то, что считает нужным показать или скрыть. "Она говорила очень просто и естественно", подчеркивает Толстой, только слишком много (частая ошибка лжецов: стараясь скрыть ложь, они становятся слишком говорливы).

С ложью все понятно. А вот что же ей могло показаться таким *ужасным и страшным*, что могло выйти от этого? И от чего *от этого*? От внезапного приезда мужа и его решения остаться здесь ночевать, если он того пожелает? Но ведь спала же она с ним еще не так давно, прекрасно совмещая его и Вронского, и ничего ужасного в этом не было, ее даже сны эротические на данную тему посещали. Или...

Или она решила не предупредить Вронского о том, что приехал муж?! Стравить их? Ведь с Вронским у нее назначено свидание после скачек - "нынче, в час", то есть в час ночи! Тогда действительно все могло быть ужасно и страшно: ни о чем не подозревающий любовник поздно ночью приходит в дом, а там муж... Результат такого потрясения мог быть действительно непредсказуемым.

Кстати, эта ее мысль - стравить мужа с любовником, ни о чем последнего не предупреждая, - появится в романе еще раз. Поэтому и в данном случае эта версия кажется мне наиболее вероятной.

И вот Анна начинает всячески мужа обхаживать, демонстрируя ему ну очень большую радость по случаю его приезда - она выходит к нему, она щебечет "с веселым и сияющим лицом", она "говорила весело, быстро". Однако - "с *особенным* блеском в

глазах". Мы еще не раз встретимся с этим особенным блеском в ее глазах - и всегда это будет *злой* блеск. И сказано это будет Толстым ясно и прямо.

И вот она продолжает щебетать вокруг мужа, активно демонстрируя ему свою радость и удовольствие от его визита, даже просит его остаться на чай, даже интересуется его здоровьем, но... "Но Алексей Александрович теперь не приписывал этому тону ее никакого значения. Он слышал только ее слова и придавал им только тот прямой смысл, который они имели". Он уверен: ее радость показная, ее сердце занято другим, а ее слова лишь дань приличиям, лишь внешнее соблюдение их брака. И он привычно, как и всегда, пошучивает в ответ, но больше даже и не пытается искать в ее словах прежнюю искренность. Но зато она все так же весела и даже весьма убедительно собирается ехать с ним вместе на скачки, правда за ней Бетси собиралась заехать...

"- А, как это мило! - сказала она, подавая руку мужу и улыбкой здороваясь с домашним человеком, Слюдиным. - Ты ночуешь, надеюсь? - было первое слово, которое подсказал ей дух обмана, - а теперь едем вместе. Только жаль, что я обещала Бетси. Она заедет за мной".

Но муж почему-то не хватается за ее предложение поехать с ним, он уверен, что на самом деле она вовсе не хочет с ним ехать, и стало быть, все, что от него сейчас требуется, это тоже просто соблюсти приличия.

Ах Бетси, говорит он, ну раз Бетси, то я поеду один. Да, собственно, я и заехал-то к тебе не для того, чтобы вместе ехать, а чтобы денег тебе дать.

"- Тебе нужно, я думаю.

- Нет, не нужно... да, нужно, - сказала она, не глядя на него и краснея до корней волос.

- Да ты, я думаю, заедешь сюда со скачек.

- О да! - отвечал Алексей Александрович".

Тут появляется экипаж Бетси. Анна торопливо прощается, однако напоследок она снова (вот уже в *третий* раз!) говорит о том, что вечером она ждет мужа у себя - и за язык ее при этом никто не тянет:

"- Я иду, прощайте! - сказала Анна и, поцеловав сына, подошла к Алексею Александровичу и протянула ему руку. - Ты очень мил, что приехал.

Алексей Александрович поцеловал ее руку.

- Ну, так до свиданья. Ты заедешь чай пить, и прекрасно! - сказала она и вышла, сияющая и веселая. Но, как только она перестала видеть его, она почувствовала то место на руке, к которому прикоснулись его губы, и с отвращением вздрогнула".

8. Происшествие на скачках. Признание мужу

На скачки едут все, и Алексей Александрович тоже - нельзя не поехать. Он думает о том, что там будет Вронский, любовник его жены. И его жена, любующаяся своим любовником. Алексей Александрович ни за что бы не поехал туда. Но там будет государь... Стало быть, он обязан.

Анна из беседки видит мужа. Наблюдая за ним, она ведет внутренний монолог, упрекая мужа в ханжестве, в фальшивых чувствах и горячо уверяя себя, что его душа состоит лишь из одного честолюбия.

"Она еще издали почувствовала приближение мужа и невольно следила за ним в тех волнах толпы, между которыми он двигался. Она видела, как он подходил к беседке, то снисходительно отвечая на заискивающие поклоны, то дружелюбно, рассеянно здороваясь с равными, то старательно выжидая взгляда сильных мира и снимая свою круглую большую шляпу, нажимавшую кончики его ушей. Она знала все эти приемы, и

все они ей были отвратительны. "Одно честолюбие, одно желание успеть - вот все, что есть в его душе, - думала она, - а высокие соображения, любовь к просвещению, религия, все это - только орудия для того, чтобы успеть".

Остановимся на этом. Можете ли вы, честно заглянув себе в душу, с полной уверенностью сказать, что при встрече с сильными мира вы никогда старательно не выжидали от них благосклонного или хотя бы заинтересованного взгляда в свою сторону? Выжидали. И еще как. И можете ли вы на основании этого согласиться с тем, что вы плохой человек, что высокие соображения отныне вам чужды, а любовь к просвещению и ваши религиозные убеждения всего лишь средство, чтобы произвести нужное впечатление на нужных людей? Да никогда в жизни вы с этим не согласитесь! Но тогда почему же вы так бездумно соглашались с теми критиками, которые делали именно такой вывод в отношении Алексея Александровича, причем вывод, основанный исключительно на предвзятом мнении Анны, озабоченной лишь тем, какой бы еще предлог ей выдумать, чтобы оправдать вдруг вспыхнувшую ненависть к мужу, который ничего плохого ей не сделал, а старался всегда ее понимать и жалеть? Почему вы не заметили точной расстановки акцентов Толстого? А ведь они есть.

Вот они: Алексей Александрович и сам является для кого-то сильным мира - и ему заискивающе кланяются. Но вот он сам встречается с вышестоящими чиновниками - и никакого заискивания! Он лишь, как нюансирует Толстой, старательно выжидает их взгляда в свою сторону. Да, не выпендривается, не держится с ними на равных - но это и невозможно и нельзя, ему бы никто этого и не позволил. Обычный чиновничий ранжир. Нисколько не отменяющий ни доброты, ни порядочности, ни чести, ни совести.

И еще заметим: если бы Анна и вправду так думала о муже, то ей не нужно было бы в оправдание этого мнения постоянно сравнивать с ним себя - постоянно доказывая себе, что она лучше. И что же это за доказательства? Да весьма сомнительные: ""Я дурная женщина, я погибшая женщина, - думала она, - но я не люблю лгать, я не переношу лжи, а его (мужа) пища - это ложь. Он все знает, все видит; что же он чувствует, если может так спокойно говорить?"

Хм... Человек, который не любит лгать, который даже, как утверждает о себе Анна, *не переносит* лжи, - такой человек и не лжет. Анна же делает это постоянно. Во всем романе нет ни одного появления Анны, которое обошлось бы без ее лжи. И только в последней сцене, решив покончить с собой, она говорит о себе всю ужасную правду. Таким образом, она еще и еще раз приписывает мужу то, что свойственно ей самой.

А вот о том, почему Алексей Александрович медлит, почему он никак не решится изменить ситуацию, мы уже говорили - он боится совершить ошибку, он боится, что его решение роковым образом подтолкнет его жену в еще большую пропасть, и он продолжает страдать и терпеть ее выходки, не зная, как поступить. Все это есть в романе, все это многословно описано Толстым, поэтому достаточно лишь сопоставить эти слова Анны с описанием внутренних раздумий и сомнений Алексея Александровича, как тут же станет ясно, что Анна просто оговаривает мужа - в очередной раз. И это уже не удивительно.

Удивительно другое. С презрением отказывая мужу в уважении, она готова немедленно реабилитировать его в собственных глазах, но при одном условии: если он убьет Вронского! Ее любимого, между прочим. Еще раз прочитаем этот отрывок:

"Я дурная женщина, я погибшая женщина, - думала она, - но я не люблю лгать, я не переношу лжи, а его (мужа) пища - это ложь. Он все знает, все видит; что же он чувствует, если может так спокойно говорить? Убей он меня, убей он Вронского, я бы уважала его. Но нет, ему нужны только ложь и приличие", - говорила себе Анна, не думая о том, чего именно она хотела от мужа, каким бы она хотела его видеть".

Потрясающе, с какой легкостью она рассуждает о смерти Вронского - и всего-то в обмен на уважение к ненужному ей человеку. Но до чего хороша мысль! Вронский мертв (и бог с ним, найдем другого), убийца-муж в тюрьме, а она свободна. Да уж не этого ли она добивается в глубине души, бесконечно провоцируя мужа?..

А теперь обратим внимание еще на один важный момент. Но предварительно соберем все пункты в единое целое. Итак, муж давно не спит с ней. В эту ночь у нее назначено интимное свидание с Вронским. Муж заезжает к ней на дачу (перед сыном и перед слугами они все еще зачем-то делают вид, что все хорошо). Первая мысль Анны: ах, неужели приехал ночевать и как, мол, некстати... После чего она не только не пытается дать мужу понять, что его предполагаемая ночевка здесь некстати, как она утверждает, но еще и трижды горячо уговаривает его остаться ночевать. Он уезжает. На прощание она протягивает ему руку, он целует ей руку, и она испытывает отвращение к его поцелую.

И тут внимание! Это отвращение она испытывает *не сразу* - как только его губы прикоснулись к его руке, что было бы в принципе естественной и неконтролируемой реакцией при соприкосновении с ненавистным объектом. Отвращение она испытывает только после того, как муж скрылся из виду! то есть спустя вполне определенное время - "как только она перестала видеть его, она почувствовала то место на руке, к которому прикоснулись его губы, и с отвращением вздрогнула". Таким образом, совершенно ясно, что истинно физиологического отвращения к мужу к ней нет и в помине. Что она искусственно вызывает в себе это отвращение, сознательно нагнетая в себе желанную ненависть к мужу.

А теперь еще раз внимание! После всего этого она едет с Бетси на скачки. Там будет Вронский. И, казалось бы, она вся в мыслях о нем. Муж где-то там еще едет, а когда приедет и придет к ней в беседку, она будет откровенно и неприлично игнорировать его и вести себя с ним так, как будто его вообще не существует. Но это не так! Вот она сидит в беседке, вокруг нее люди, она мило беседует с ними, настроение у всех и сама атмосфера приподнятая, праздничная, кто-то делает ставки, постоянно мелькает имя Вронского... муж вот-вот должен приехать, и Анна... а она вся настроена на мужа! Она очень его ждет! Настолько, что даже еще издали, еще не увидев его, уже *почувствовала* его приближение, а потом не отрываясь *следила* за ним: "Она еще издали почувствовала приближение мужа и невольно следила за ним в тех волнах толпы, между которыми он двигался". Вот как он был ей важен на этих скачках. И что же дальше? А дальше пойдут те самые неконтролируемые кривлянья с намеренной демонстрацией игнора.

Муж проходит к ней в беседку. Ситуация несколько напрягается (благодаря Анне, понятное дело), но все пока еще более-менее ничего. Анна замечает, что Алексей Александрович как-то чрезмерно оживлен и словоохотлив. И она тут же с готовностью списывает это на его равнодушие. Однако все совсем не так - Алексею Александровичу нестерпимо больно и этими своими бесконечными разговорами сейчас он просто пытается заглушить свою боль. Имя Вронского постоянно повторяют вокруг. А жена откровенно не сводит с Вронского глаз. И вот он должен стоять рядом и все это видеть. Ну и что ему делать в такой ситуации? Но Анна не хочет понимать своего мужа. Да и не может, пожалуй. Она слишком лжива для того, чтобы понимать прямо противоположную ей натуру:

"Она не понимала и того, что эта нынешняя особенная словоохотливость Алексея Александровича, так раздражавшая ее, была только выражением его внутренней тревоги и беспокойства. Как убившийся ребенок, прыгая, приводит в движение свои мускулы, чтобы заглушить боль, так для Алексея Александровича было необходимо умственное движение чтобы заглушить те мысли о жене, которые в ее присутствии и в

присутствии Вронского и при постоянном повторении его имени требовали к себе внимания".

Наконец объявляют заезд Вронского. И Анна превращается в сплошное демонстративное внимание - она бледнеет, судорожно сжимает веер и буквально боится дышать. В общем, все ее поведение настоятельно говорит мужу о ее огромной любви к Вронскому. Что это? Не может сдержатъ эмоций? Извините, не верю. А как же тогда ей удалось не только сдержатъ чувство отвращения к поцелую мужа, но и испытать это отвращение тогда, когда муж уж точно бы этого не заметил? А ведь отвращение - это сильнейшая эмоция! И почему сейчас, когда муж стоит рядом, она не может сдержатъ чувств, предоставляя мужу любоваться на них? Ну хотя бы из жалости к мужу? Ну хотя бы из сострадания к нему?

Однако Анна совершенно не обращает на Алексея Александровича внимания. А он рядом, он все это видит, и ему опять больно. Она почувствовала его взгляд... "Она оглянулась на мгновение, вопросительно посмотрела на него и, слегка нахмурившись, опять отвернулась. "Ах, мне все равно", - как будто сказала она ему и уже более ни разу не взглядывала на него".

Вдруг Вронский упал. Анна громко ахнула - и вслед за тем "в лице Анны произошла перемена, которая была уже положительно неприлична. Она совершенно потерялась. Она стала биться как пойманная птица: то хотела встать и идти куда-то, то обращалась к Бетси". Но Бетси не слышит ее, и тогда муж (который с великим напряжением держит себя в руках) внешне совершенно спокойно учтиво предлагает ей руку, чтобы ее увести - как она и сама хотела, увести, чтобы не дать наблюдающим за всем этим сплетникам новой пищи для пересудов о ней, уберечь ее от праздно любопытствующих взглядов. Ибо он судит по себе, вот почему ему кажется, что ее чувства к Вронскому искренни и вряд ли бы она хотела выставлять свои переживания напоказ. И он спешит ей на помощь. Но... но Анна вдруг делает вид, что не слышит предложения мужа! И ее прилюдная истерика продолжается. Тогда муж, думая, что она и вправду не услышала его, предлагает ей руку во второй раз, но она "с *отвращением* отстранилась от него и, не взглянув ему в лицо, отвечала: - Нет, нет, оставьте меня, я останусь".

Через какое-то время приходит известие, что Вронский жив. Анна заплакала - и тогда муж как бы случайно загородил ее собой от любопытствующих... После чего в третий раз предложил ей руку (ну и терпение у него). Но тут уже Бетси, глядя на Анну и думая, что Анна все еще хочет остаться и ей нужна помощь сообщницы, предлагает ей свою карету. И тут вдруг, к изумлению Бетси, Анна... берет руку мужа и едет с ним! Странное поведение.

Почему же она так упорно отказывалась от помощи мужа, а потом совершенно внезапно приняла ее, отказавшись от помощи Бетси? И вообще что за глупое поведение? Глупое? Или все-таки ее импульсивность и нервность были искренни? Все-таки страх за любимого...

Вот так всегда и бывает: манипулятору незачем самому искать предлог - это за него с удовольствием делают другие. Разумеется, слезы манипулятора тоже бывают искренними. Но даже из самых искренних своих слез манипулятор обязательно извлекает выгоду - ровно в тот самый момент, как из его глаз показалась первая горестная слезинка. Такова его природа.

Поведение Анны на скачках - импровизация чистой воды. Она ведь не знала, что Вронский упадет. Но он упал. А рядом муж. Которому она с удовольствием трепала нервы еще задолго до того, как любовник упал с лошади, и это уже не было импровизацией, ибо нервы мужу она с удовольствием треплет давно и успешно. В сущности, Каренина, как и всякий одержимый природной злобностью и беспричинной ненавистью человек, обыкновенный энергетический вампир. Она питается тем, что

выводит человека из себя, любым методом. В случае с мужем она могла бы солгать (как делали все) или наконец сказать правду и тем избавить его от пытки. Но она выбирает третий путь - путь манипулятора: она и не лжет, но и не говорит правду, при этом усиленно выставляя свои отношения с любовником напоказ. И этот путь дает ей сразу две выгоды: долгосрочную пыточную перспективу и возможность вернуться, если не заладится с Вронским.

Однако дело еще и в том, что Анна глупа. Да, пошло глупа, и в свое время это подметит Константин Левин - подметит не скрываясь, в разговоре со Стивой, и вовсе не желая ее этим обидеть. Просто констатируя факт. А потому в ее жизни существует только одна маленькая глупая не цель даже, а жажда - заставить одних людей дергаться, держать их на мушке, водить их на нитке, упиваясь своим могуществом, и в связи с этим вынуждая других людей все время говорить о себе, упиваясь своим величием. Вот здесь-то и начинается импровизация.

В начале скачек у нее только одна цель - поиздеваться над мужем и продемонстрировать свою вседозволенность и безнаказанность другим. И ее истерика в связи с падением Вронского - из этой же серии, не больше. Муж дважды предлагает ей помощь, она дважды отказывается, все это видят и еще долго будут судачить об этом. Она уже готова отказать мужу и в третий раз, но тут совершенно некстати на выручку приходит княгиня Бетси.

Бетси наивно уверена, что Анна потому и хочет остаться, чтобы как можно скорей и точнее узнать о судьбе Вронского: здоров ли, и насколько здоров? И действительно, падение с лошади во время скачек не пустяк - сейчас жив, а через полчаса помер. И любая другая на месте Анны с благодарностью бы ухватилась за помощь Бетси, как раз и предоставляющей ей эту возможность - остаться и все узнать. Но только не Анна. Судьба Вронского на самом деле мало интересует ее. Она ведь все равно про него узнает - не сейчас, так потом, для Анны разница не велика. Но вот сейчас, когда она собиралась не менее, а то и еще более грубо отказать мужу в третий раз (а она собиралась), помощь Бетси вызывает в Анне еще одну присущую ей глупую черту, вернее принцип - поступать наоборот. Обязательно наоборот!

Это совершенно нездоровый, болезненный и чрезвычайно пустой принцип, в основе которого нет ничего, кроме желания противостоять. С этим еще не раз столкнется ее муж: она потребует развода (чужими руками) - и он согласится дать развод. Ах он согласен? Ну тогда не надо развода! Она потребует сына - и муж согласится. Ах он опять согласен? И она немедленно забудет про сына. Также этот принцип срабатывает в тех случаях, когда ей предлагается именно помощь - отказом от этой помощи она как бы демонстрирует, что такая женщина, как она, не может нуждаться в чьей-либо помощи.

То же произошло и сейчас. Если бы не Бетси, она отказала бы мужу и в третий раз (мне не нужна твоя помощь!). Но Бетси пришла на помощь - и чтобы отказать Бетси, она вынуждена была принять руку мужа.

И вот они едут в карете. Анна уверена: ее безобразное поведение на скачках обязательно заставит мужа заговорить с ней, хотя он уже давно оставил эту пустую затею. Но ведь тут явно чрезвычайный случай!.. Она побаивается предстоящего разговора с ним, ведь она вовсе не хочет уходить от такого удобного мужа. Она напряженно ждет.

И вот он заговорил. Но опять совсем не так, как хотел. Он хотел мягко. Он хотел тихо. Жалея ее и уважая (да-да!) ее чувства к любовнику, он хотел быть тактичным и кротким. Заметим: и это после всей эмоционально тяжелой для него самой сцены на скачках, которую устроила ему Анна! Но не успел он так заговорить, как в ответ тут же получил злобу - затаенную, но то и дело прорывающуюся злобу. И эта необоснованная злоба, упав на измученные нервы, мгновенно вывела его из себя, и вместо мягкого

доверительного разговора, как он и хотел, он лишь сухо - очень, очень сухо - сообщил ей, что она вела себя неприлично, и что он хотел бы, чтобы этого впредь не повторялось, и что он уже просил ее держаться в свете сообразно своему положению замужней дамы, чтобы пресечь сплетни, и что если некогда он говорил о внутреннем - о *деле ее совести*, то теперь же он говорит только о внешнем - о должном соблюдении ею приличий.

И тут ему становится страшно. Он вдруг понимает, о чем он говорит с ней сейчас, что именно он с ней обсуждает - ее внешнее поведение с любовником, уже только *внешнее!* Боже мой, так значит все-таки с любовником?! И он сам обсуждает с ней это?! Сам говорит ей, что требует от нее только одного - соблюдения внешних приличий, поскольку внутренние приличия уже давно ею не соблюдены?! Так что же получается, он знал об этом все это время?! Знал и сам скрывал это от себя?! Он в шоке.

Но он зря старается - она вовсе не слушает его. Она думает о Вронском. Бедный, как он там, здоров ли? ах! она так волнуется за него!.. Конечно, вряд ли он теперь, после всего этого, придет к ней сегодня ночью. Так что же получается, она зря так усиленно уговаривала мужа остаться у нее ночевать?.. А что если он теперь и вправду останется?! Она-то ведь хотела, чтобы пришли оба! Но если Вронский не придет, то зачем ей муж этой ночью?! И она демонстративно насмешливо улыбается словам мужа. Словам, в которых так явственно слышится крик о помощи, стон последней надежды - ему так страшно сейчас, что ужасно хочется, чтобы она сама, своими собственными словами, немедленно разуверила его в этом кошмаре, и пусть она даже снова солжет, но пусть она снова скажет, что все его подозрения смешны... И он торопится беспомощно намекнуть ей на это:

"- Может быть, я ошибаюсь, - сказал он. - В таком случае я прошу извинить меня.

- Нет, вы не ошиблись, - сказала она медленно, отчаянно взглянув на его холодное лицо. - Вы не ошиблись. Я была и не могу не быть в отчаянии. Я слушаю вас и думаю о нем. Я люблю его, я его любовница, я не могу переносить, я боюсь, я ненавижу вас...
Делайте со мной что хотите.

И, откинувшись в угол кареты, она зарыдала, закрываясь руками".

Да, это был смертельный удар. "Алексей Александрович не пошевелился и не изменил прямого направления взгляда. Но все лицо его вдруг приняло торжественную неподвижность мертвого, и выражение это не изменилось во все время езды до дачи".

И только уже возле дачи он - убитый, осмеянный, опозоренный человек - сказал ей последнюю, уже никому не нужную и из-за этого тоже немного смешную фразу, которую теперь он только и мог ей сказать:

"- Так! Но я требую соблюдения внешних условий приличия до тех пор, - голос его задрожал, - пока я приму меры, обеспечивающие мою честь, и сообщу их вам".

Он высадил ее, развернул карету...

Ну и наплевать. Она проходит в дом. Вскоре от Бетси приходит записка: "Я послала к Алексею узнать об его здоровье, и он мне пишет, что здоров и цел, но в отчаянии". Надо же, как Бетси торопится обрадовать подругу хорошей вестью, да она и впрямь уверена, что Анна всерьез переживает из-за любовника!

Итак, Вронский жив и даже цел, но в отчаянье. И неудивительно. Он проиграл скачки, а это большой удар по его самолюбию. Он упал, он мог погибнуть - это сильный стресс для всех и всегда. Он потерял лошадь, и хуже того - она умерла по его вине, и это самый болезненный момент для Вронского. Да, можно себе представить, какового сейчас Вронскому от всех этих пережитых несчастий.

А что об этом думает Анна? Сочувствует ли она своему любимому? переживает ли за него? Нисколько. Вот она получает записку от Бетси, из которой узнает, что Вронский в отчаянье, и вот ее первая мысль:

"Так он будет! - подумала она. - Как хорошо я сделала, что все сказала ему [мужу]". Она взглянула на часы. Еще оставалось три часа, и воспоминания подробностей последнего свидания зажгли ей кровь".

Вот так. Ни единой мысли о тяжелом душевном состоянии Вронского, никакого сочувствия к нему, никакого желания утешить и пожалеть - ничего! Он жив, он цел - значит, слава богу, совокупление не отменяется.

До какой же невыносимой степени пуста и глуха душа этой женщины, до чего же она духовный инвалид, что, кроме скудной мысли о скорых плотских утехах, ей и в голову не пришло подумать хотя бы о том, что, возможно, ее любовник сейчас больше всего нуждается в участии друга, а не в пылких намеках любовницы. Что, в конце концов, у него просто ноют ушибленные места и ему срочно нужен компресс. Нет. Ни одной подобной мысли. Я уж не говорю о ее мыслях про мужа, которому она с легкостью причинила жесточайшую боль, - с ним и без секса все ясно.

Впрочем, о муже она все-таки вспомнила: "Муж! ах, да... Ну, и слава богу, что с ним все кончено".

Кстати о признаниях мужу в карете. Занятная деталь. Вот муж искусственно скучным голосом читает ей лекцию о ее недопустимом поведении, а потом и сам ужасается истинному смыслу им сказанного и даже пытается повернуть надежду вспять: может быть, я ошибаюсь, говорит он... Нет, отвечает она, вы не ошибаетесь, я любовница Вронского, я его люблю, а теперь делайте со мной что хотите. После чего как бы в изнеможении откидывается в угол кареты и начинает рыдать.

Казалось бы, искренней не бывает, не так ли? Казалось бы, она выпаливает всю эту информацию мужу в лицо совершенно бездумно, как бы находясь в состоянии стресса, полученного в результате глубочайших потрясений на скачках... Но тогда почему, пребывая в этом неконтролируемом эмоциональном состоянии, когда человек действительно не способен адекватно мыслить, она говорит мужу... *не всю правду*? Почему она признается ему только в том, что она любовница Вронского, и *ни слова* не произносит о том, что она *беременна*? С чего вдруг такая выборочность да еще в таких близких понятиях, когда одно (любовница) автоматически тянет за собой другое (беременна от него)? Разве механизмы избирательности (да еще, повторяю, в столь близких понятиях) не должны отключаться в состоянии стресса? Должны. Стало быть, если эти механизмы присутствуют, значит, никакого стресса, никакого душевного волнения в ней не было и в помине. Все эти истерики фальшивы, все это одно только сплошное удовольствие - удовольствие пострадать, удовольствие насладиться очередным и прилюдным унижением мужа, удовольствие от того, что о ней опять будут говорить в свете.

А про беременность она скажет. Обязательно. Но потом. Она еще успеет использовать свою беременность в нужных ей целях.

9. Письмо к жене. Мост к примирению

Признание жены причинило Алексею Александровичу глубокую боль. К которой то и дело примешивалась... жалость к Анне - да-да, тут нет опечатки, не к себе, а именно к ней! И все-таки от наступившей ясности ему становится немного легче. Что ж. Он говорит себе - что ж, ну и слава богу, что все ясно, что это лучше, чем неизвестность или неясность, что отныне ее больше не существует для него, что она испорченная женщина без сердца и что он всегда, всегда, всегда это знал... Теперь, когда в его

положении была ясность, он новыми глазами смотрел в свое прошлое и ясно находил там все признаки ее испорченности, на которые раньше он закрывал глаза, объясняя их себе совсем иначе, чем было в действительности.

Он проходит весь путь от метаний, сомнений и нерешительности до полного отчаяние и злости - бессильной злости обманутого человека, обманутого по всем статьям - и открывшейся ему изменой, и прежним упорным молчанием в ответ на все его попытки выяснить отношения, и бесконечными уверениями, что его подозрения смешны.

В итоге после мучительных разговоров с самим собой он приходит к выводу, что отныне его должно беспокоить только одно - "как наилучшим, наиприличнейшим, удобнейшим для себя и потому справедливейшим образом отряхнуться от той грязи, которую она забрызгала его в своем падении, и продолжать идти по своему пути деятельной, честной и полезной жизни".

Какие разумные, какие правильные слова. Вот бы еще научиться следовать им. Вот бы еще заставить себя действительно их исполнить. И вот Алексей Александрович снова и снова уговаривает себя в своем, казалось бы, твердом решении: "Я не могу быть несчастлив оттого, что презренная женщина сделала преступление; я только должен найти наилучший выход из того тяжелого положения, в которое она ставит меня. И я найду его, - говорил он себе, хмурясь больше и больше. - Не я первый, не я последний".

Тяжесть обиды и унижения настолько велика, что ему даже начинает и вправду казаться, что отныне он относится к Анне презрительно и равнодушно. Он, с детства "физически робкий человек", даже доходит до того, что вспоминает о дуэли! "Алексей Александрович долго и со всех сторон обдумывал и ласкал мыслью вопрос о дуэли, хотя и вперед знал, что он ни в каком случае не будет драться". Во-первых, он, жертва, может быть сам убит обидчиком. Во-вторых, смерть Вронского не отменит его отношения к обидчице. В-третьих, его влиятельные друзья сделают все, чтобы дуэль не состоялась, и тогда вся эта затея с его стороны будет выглядеть дешевым фарсом, а ему это чрезвычайно претит.

Тогда он подумал о... разводе. Но опять выходило, что, дав ей развод, он тем самым только даст ей возможность соединиться с любовником и торжествовать. А ему сейчас ужасно хочется, "чтоб она не только не торжествовала, но получила возмездие за свое преступление", чтобы "она пострадала за нарушение его спокойствия и чести". Ему ужасно хочется ее наказать - так хочется, что он даже не в силах себе в этом признаться. Мечь! Она должна, должна хоть в чем-то быть несчастлива, как и он. И значит, есть только один выход - никакого развода, пусть остается при муже. Она хотела свободы? Она не получит ее.

О, если бы он знал в эту минуту, как он ошибается! Ибо развод нужен Анне меньше всего. И, стало быть, пребывая в неумелой (от отсутствия привычки) злорадной надежде и из мести не предложив ей развода, он только избавил ее от страха, что он захочет с ней развестись.

*

Приехав домой, он сразу же пишет к жене. В письме он уведомляет ее, что ни о каком разводе не может быть и речи, а что отныне в своем поведении она должна строго придерживаться рамок приличия ("В противном случае вы сами можете предположить то, что ожидает вас и вашего сына"), и что он предписывает ей вернуться в Петербург "не позже вторника".

Казалось бы, все эти строгие предписания и даже угрозы полностью соответствуют принятому решению - пресечь и наказать! Но увы... Алексей Александрович слишком для этого добр. А потому твердое решение, которое он всю дорогу намеренно разжигал в себе обидой, уже исчезло - от него нет и следа. А все это строгое, холодное и даже угрожающее письмо - не более чем "золотой мост для возвращения", то есть еще и еще одна попытка наладить с Анной совместную жизнь.

И вот он уже снова - тут же! - заботится о ней: вкладывает в письмо конверт с деньгами на ее текущие расходы... Словно забыв, что еще сегодня днем он же дал ей денег - и она взяла. И самое главное: он остается очень доволен тем, что сумел не забыть про деньги!..

Честное слово, порядочных людей нужно бить как можно сильнее - только это может помочь им вернуть здравомыслие.

*

Письмо написано, деньги вложены - золотой мост для ее возвращения перекинут. Но боль тяжела. Он смотрит на ее портрет. Вспоминает, как "насмешливо и нагло" она смотрела на него. "Поглядев на портрет с минуту, Алексей Александрович вздрогнул так, что губы затряслись и произвели звук "брр", и отвернулся".

Он пробует читать, но чтение не идет. Он ищет спасения в деловых бумагах, но это тоже не помогает. Боль съедает его. Он еще не знает, что дальше будет больней...

10. На следующее утро после признания

"Одна из самых привлекательных героинь мировой литературы, Анна -- молодая, прекрасная женщина, очень добрая, глубоко порядочная..."

Ложь Набокова

"Хотя Анна упорно и с озлоблением противоречила Вронскому, когда он говорил ей, что положение ее невозможно, и уговаривал ее открыть все мужу, в глубине души она считала свое положение ложным, нечестным и всею душой желала изменить его".

Как понять эту фразу в романе? Ведь она категорически не хочет развода с мужем! И вдруг - всей душой желает изменить... Как же так?

Ну, во-первых, здесь нужно учитывать буквально параноидальную склонность Анны к постоянным и при этом искусственно ею же созданным противоречиям. Вот примеры. Она с упорством и даже с озлоблением возражала Вронскому, когда тот убеждал ее, что ее положение ложно и нужно его изменить. Возражала? Ну и все, она его переспорила. И как только она его переспорила, она тут же с ним согласилась, но уже не как с его словами, а как со своим собственным убеждением. Только и всего. *Внимательно* прочтите роман и вы увидите, что у Анны откровенная мания, в основе которой неумная гордыня, жажда повелевать, выражаемая в бесконечном круговороте разрушений. Если кому-то что-то дорого - она обязательно это отнимет. Если у нее что-то попросят - она обязательно не даст. Если сказать ей, что вот этого делать нельзя - она обязательно это сделает. Если ее попросить о чем-то - она обязательно откажет. Если ее уговаривать поступить так-то и так-то - она обязательно поступит наоборот. Если ее предупредить, что вот здесь находится чья-то больная мозоль - она обязательно наступит. Если ей что-то предложить - она обязательно не возьмет. Если ей что-то не дать - она обязательно отнимет. Кити нужен Вронский? Она отнимет у нее Вронского. Вронский счастлив, заполучив ее в любовницы? Она изгадит ему удовольствие. Муж просит не афишировать ее связь с любовником? Она будет афишировать ее на каждом шагу. Муж предлагает ей руку? Она отбросит его руку. Бетси спешит ей на помощь? Она отринет помощь. Муж намекает на примирение? Она подольет масла в огонь. Муж согласен на развод? Она больше не хочет развода. Вронский настаивает, чтобы она все сказала мужу? Она ничего не скажет мужу.

Бес противоречия владеет ею. Она противоречит даже себе. По какой-то пустяковой надуманной причине она решает не говорить Вронскому про беременность - и, от души помучив его, говорит. Она решает не говорить мужу про свою связь с Вронским - и, поддавшись искушению при виде чужой слабости, немедленно выкладывает ему все (кроме факта беременности). Казалось бы, она все-таки поступила так, как того желал Вронский. И что же? Она ни слова не говорит об этом Вронскому!

"В этот же вечер она увидалась с Вронским, но не сказала ему о том, что произошло между ею и мужем, хотя, для того чтобы положение определилось, надо было сказать ему".

Почему же она ему не сказала? Мысль настолько интересная, что даже *она сама* задумывается об этом, но, как я и предполагала, не находит ответа. А ответ прост. Ведь Вронский хотел, чтобы она все рассказала мужу? Очень хотел. Ну вот. Поэтому он и не узнает об этом!

Но кроме болезненного духа противоречия на данное умолчание были и еще две причины. Первая из них, самая важная, - ее личный комфорт. Что выгодней? Остаться с мужем или уйти к любовнику? Конечно, остаться с мужем! Поэтому-то все другие дамы света усиленно скрывают от мужей свои любовные похождения - в отличие от Анны, которая свои отношения с Вронским усиленно мужу демонстрировала. Но только совсем не потому, что действительно хотела от мужа уйти. А потому, и я об этом уже говорила, что в ней постоянно борются две силы: здравый смысл и гордыня, к тому же усиленная болезненным духом противоречия и жаждой власти. Понятно, что в такой неравной схватке здравый смысл постоянно проигрывает.

И все-таки изменить свое положение она действительно жаждет, и очень даже страстно. Но как же его изменить? Жить с мужем она не желает. Развестись с ним и уйти к Вронскому она тоже не хочет. Замкнутый круг? Пока да. Но она уже предпринимала попытку разорвать его, и совсем недавно - когда усиленно зазывала мужа остаться на ночь, зная, что в час ночи должен прийти Вронский... Точно такую же провокацию позже она предпримет еще раз.

А сейчас она решает ничего не говорить любовнику о разговоре с мужем и о своем признании ему, чтобы все-таки дать себе шанс изменить почти загубленную ситуацию с мужем: "Когда она проснулась на другое утро, первое, что представилось ей, были слова, которые она сказала мужу, и слова эти ей показались так ужасны, что она не могла понять теперь, как она могла решиться произнести эти странные грубые слова, и не могла представить себе того, *что из этого выйдет*. Но слова были сказаны, и Алексей Александрович уехал, ничего не сказав".

Итак, ей страшно потерять те удобства, что дает ей брак, она жалеет, что вчера все рассказала мужу, и она боится, что после всей этой боли, что она причинила ему, он таки захочет с ней развестись. И при мысли об этом ей становится ужасно себя жалко.

Анна вообще очень любит себя пожалеть, тут ей просто нет равных - она настолько упивается жалостью к себе, ей так нравится предаваться искусственным, несуществующим страданиям, что она начинает с наслаждением фантазировать на эту тему. И вот - словно забыв о настоятельных просьбах Вронского оставить мужа и уйти к нему, как будто этих просьб и не было вовсе! - она уже со страстью придумывает себе, что она потому ничего не сказала Вронскому, что ей стало стыдно, что ее положение безвыходно, что муж выгонит ее из дома и предаст позору, и что ей будет некуда поехать, потому что она не нужна любовнику, что он не любит ее и что он уже начал ею тяготиться.

Разумеется, все это ложь, и она прекрасно знает об этом. Муж ее еще никуда не выгнал, и пока не известно, выгонит ли вообще (конечно, не выгонит!), а любовник ее обожает и сам неоднократно уговаривал ее оставить мужа и уйти к нему.

Однако жалость к себе, хотя бы и не имеющая по собой никакой почвы, кроме придуманной (как в данном случае), столь сладостна для Карениной, что вот уже и в реальности - вдруг, ни с того ни с сего, находясь под впечатлением всего лишь несуществующих страданий! - она начинает с наслаждением испытывать к Вронскому *враждебность*.

Складывается такое впечатление, что благодаря этим своим фантазиям она как будто нашла наконец долгожданный предлог для того, чтобы наконец позволить себе эту враждебность, чтобы наконец иметь на нее хоть какое-то моральное право. Искусственный, предельно надуманный, не существующий в реальности предлог, для которого не было абсолютно никаких оснований. Кроме одного - желания самой Анны испытывать эту враждебность. Ко всем. Постоянно генерировать, постоянно воспроизводить эту враждебность в своей душе.

В итоге она, как завязтый неврастеник, из-за совершенно (повторяю) пустой, надуманной, несуществующей причины доводит себя до головной боли и чуть ли не до беспамятства. Таким образом, можно утверждать, что помимо природных отрицательных качеств, а именно: врожденной склонности ко лжи, коварству и подлости - у Анны вдобавок совершенно явно наблюдается какое-то психоневрологическое заболевание, то ли психоз, то ли невроз, то ли истерия, не знаю что, но что-то явно в этом роде. Можно представить себе, как эти неприятные и опасные личные качества усугублялись подобным заболеванием - и еще больше усугубятся наркотиком.

И вот она уже сидит, опустив руки и голову и периодически содрогаясь всем телом, и только повторяя "боже мой", "боже". Однако это совершенно бессмысленные восклицания, никакой религии в них нет, подчеркивает Толстой, потому что "она знала вперед, что помощь религии возможна только под условием отречения от того, что составляло для нее весь смысл жизни".

Многие ошибочно думают, что здесь христианским законам противопоставлено прелюбодеяние Анны, что это от своих отношений с Вронским она не в силах отречься во имя религии. Однако это не так. В этих словах Толстого содержится чистая формула Карениной, которая намного точнее и строже ее прелюбодеяния: смысл ее жизни - весь смысл! - прямо противоположен христианским законам, то есть Богу. А если вспомнить, что Бог есть любовь, то Анна Каренина прямо противоположна любви. Смысл ее жизни - зло. И этот смысл ее жизни в конце романа Толстой откровенно сверит со смыслом жизни Левина, противопоставив их: Анна скажет о том, что жизнь - это *грязь* и *зло*, что душа у всех людей грязна и лжива, и значит, они ничем не лучше ее; Левин же, который тоже хотел покончить жизнь самоубийством оттого, что видел грязь и ложь жизни, вдруг придет к выводу, что жизнь - это то, чем ты сам ее наполнишь, и только ты сам волен наполнить ее *добром*.

Но вернемся к текущему событию. Наконец, доведя себя этими высосанными из пальца страданиями до нешуточного психоза, до головной боли, до содроганий всем телом и чуть ли не до беспамятства (!), ей вдруг приходит в голову, что у нее есть цель жизнь, и эта цель состоит в том, чтобы никто не смог разлучить ее с сыном. И значит, надо действовать! Надо бежать с сыном, пока их не разлучили!

Поведение дикое. Поведение совершенно патологическое. И вот уж она бежит к сыну и со слезами на глазах спрашивает его: "Ты любишь меня?", и этим чрезвычайно его пугает. Мало того, она еще и внимательно всматривается в его испуг, чтобы понять: "неужели он будет заодно с отцом, чтобы казнить меня? Неужели не пожалеет меня?"

Вот так. Ни секунды не пожалев маленького ребенка, она озабочена только одним: а пожалеет ли он ее.

И вот уже слезы буквально текут по ее лицу. А можно ли скрыть слезы, которые *уже текут* по лицу? Конечно, нет. И что же делает Анна? А она усиленно делает вид, что хочет скрыть от ребенка слезы: "Слезы уже текли по ее лицу, и, чтобы скрыть их, она порывисто встала и почти выбежала на террасу".

Какая омерзительная фальшивка. Сначала она пугает ребенка всем своим видом, внезапною приходом, чрезвычайно драматизированным вопросом и слезами, текущими по лицу. А потом, после всего этого, чтобы якобы не напугать малыша, который и так уже напуган, она вдобавок еще и порывисто вскакивает и стремглав несется от него прочь! Ну и что после этого должен сделать ребенок? Ну конечно успокоиться, блин...

Для чего же она все это вытворяет? Только для одного: заполучить в лице сына сообщника. Отныне сын навсегда запомнит: мама переживает, мама плачет, маме больно - маму нужно пожалеть. Не папу - он ведь не выставляет своих страданий напоказ, а маму.

Тут снова приходит записка от Бетси - она зовет Анну приехать, у нее будут гости, в том числе и некто Стремов - давний противник по службе ее мужа. Но она уже в таком состоянии, что решает не ехать. Ведь ей надо бежать! В Москву! Спасать себя, чтобы ее не разлучили с сыном! А главное - не позволить мужу первым нанести удар по ее самолюбию, не позволить ему победить, сделать так, чтобы последнее слово осталось за ней!

Она торопливо пишет мужу записку: ""После того, что произошло, я не могу более оставаться в вашем доме. Я уезжаю и беру с собою сына. Я не знаю законов и потому не знаю, с кем из родителей должен быть сын; но я беру его с собой, потому что без него я не могу жить. Будьте великодушны, оставьте мне его".

Подумав, она выкидывает из письма фразу о великодушии. И действительно, финал "без него я не могу жить" теперь смотрится гораздо эффектней.

Опять-таки удивительно. Только что она была в совершенно невменяемом состоянии, вся во власти диких фантазий, но как только дело дошло до ее персоны, она вдруг резко выходит из истерического состояния и начинает ясно мыслить: выражение "будьте великодушны" она находит слишком унижительным для себя и переписывает все, чтобы этой фразы не было даже в зачеркнутом виде. Вот как выглядит эта сцена в романе:

"До сих пор она писала быстро и естественно, но призыв к его великодушию, которого она не признавала в нем, и необходимость заключить письмо чем-нибудь трогательным остановили ее. "Говорить о своей вине и своем раскаянии я не могу, потому что..." Опять она остановилась, не находя связи в своих мыслях. "Нет, - сказала она себе, - ничего не надо", и разорвав письмо, переписала его, исключив упоминание о великодушии, и запечатала".

Итак, великодушие в нем она категорически не признает, тем не менее каждый раз именно этим якобы несуществующим великодушием и пользуется - точно так же, как продолжает пользоваться и его деньгами (милу краснея при этом). Кстати, а зачем он продолжает давать ей деньги? Уж не из великодушия ли, которое она в нем так яростно отрицает? Из великодушия же он согласится позже взять всю вину на себя, отдать ей сына, а потом забрать к себе их дочь, от которой откажется и Вронский... Из великодушия же все это время, пока позволяли ему нервы, пока чаша его страданий не переполнилась, он мучительно сомневался в разводе, не желая снимать с себя высокой ответственности мужа за свою жену.

При этом "говорить о своей вине и своем раскаянии" она почему-то не может. Почему? А потому что. Тут ее мысль запинается. Тут в голове у нее почему-то начинает мутиться и связь в мыслях напрочь теряется. И это неудивительно. Она вообще не любит говорить о своей вине. Она вообще самым удивительным образом не признает двух очевидных вещей в своей жизни - великодушия мужа и своей вины перед всеми. А вот "необходимость заключить письмо чем-нибудь трогательным" остановила ее ненадолго - она таки заключила письмо весьма трогательными словами о сыне.

После чего решила, что и Вронскому тоже следует написать. Она выводит первую фразу: "Я объявила мужу". И на этом останавливается... Она решает, что эта фраза груба и неженственна ("Это было так грубо, так неженственно").

То есть опять-таки уточним: спустя пару минут после истерики она становится абсолютно адекватной во всем, что касается ее личности, ее имиджа - и вот уже во второй раз она внимательно отслеживает то, как она будет выглядеть в записке, какое впечатление произведет!

Кстати. Она ведь несколько ранее решила ничего не говорить Вронскому о своем разговоре с мужем. И вдруг - "я объявила мужу". Почему же она меняет свое решение? А она его не меняет. Она о нем в этот момент забыла. Ей вообще все равно, каким было ее первое решение. Потому что ни одно ее решение вообще не содержит в себе никакого здравого смысла и принимается, отменяется или меняется в зависимости только от одного условия: устроит это ее гордыню, самолюбие и тщеславие на данный момент или нет.

Вот и сейчас - у нее была какая-то идея с запиской ко Вронскому, но первая же фраза, которую она написала, вдруг напомнила ей, что ее признание мужу Вронский может расценить как исполнение ею воли самого Вронского, его желания, чтобы она все рассказала мужу. Еще чего! Ничьей воли она исполнять не намерена - это другие должны исполнять ее волю, ее капризы, ее желания. Да, но что же тогда написать Вронскому?! Чем же объяснить ему свое бегство в Москву?! Какую найти причину?! А нет больше никакой причины.

И что же она делает после этого? А после этого она ищет предлог, чтобы... *разозлиться* на Вронского! Для чего? А чтобы вообще ему не писать, раз уж другого объяснения для отъезда не нашлось - пусть мучается неизвестностью, то-то испугается, когда ее не найдет!

Но ведь это нехорошо - так пугать человека? Ведь это подло - заставлять переживать за себя без всякой причины? Конечно, подло. Поэтому ей и нужен предлог для злости, а злость ей нужна для того, чтобы оправдать свою подлость - чтобы теперь уже и Вронский (вслед за мужем) стал человеком, который попросту не заслуживает порядочного к себе отношения. И вот уже ей "вспомнилось его спокойствие, и чувство досады к нему заставило ее разорвать на мелкие клочки листок с написанною фразой".

Хороша досада - весь листок в клочки, да еще в мелкие, вон как остановиться не могла!

И она принялась собирать вещи в дорогу.

*

Сборы в разгаре, но тут курьер привозит письмо и деньги от мужа. Тот самый *золотой мост*, дающий еще один шанс восстановить отношения. И снова возникает странность. Вернее, закономерная странность, ибо с этого момента поведение Анны можно легко просчитать (поведение манипулятора предсказуемо).

Вспоминаем: если ей не дают - ей это становится очень надо. Но если то, что еще минуту назад было ей очень надо, ей все-таки дать - это тут же становится ей

совершенно не нужно. Потому что дали. Потому что не нужно добиваться. А раз больше не нужно добиваться, то какая же в этом ценность?

Еще утром она *ужасно раскаивалась* в своем признании мужу - ей хотелось, чтобы все эти слова "были как бы не сказаны", то есть чтобы все было по-старому и чтобы все преимущества, которые давал ей брак, остались при ней. Таким образом, она боялась, что у нее что-то отберут - и это "что-то" становилось ей очень нужным. Теперь же, получив от мужа письмо, из которого было ясно, что ее никто никуда не собирается выгонять и никто ничего у нее не собирается отнимать, а вместо этого ей всего лишь предписывают вести себя отныне строго в рамках приличий (и это не только справедливо, но и наиболее легко из того, на что только ей можно было рассчитывать), - то есть внезапно получив то, что ей и было нужно и что она боялась потерять, вместо благодарности или хотя бы вздоха облегчения она тут же приходит к выводу, что на нее обрушилось вовсе не радостное известие, о котором она боялась даже мечтать, а ужасное несчастье, "какого она не ожидала".

И это хорошее для нее письмо, вместо того чтобы успокоить ее, тотчас становится для нее источником новых выдуманных страданий. Как только страх за себя и за свое положение в обществе исчез, решение мужа категорически перестало ее устраивать и даже кажется ей "ужаснее всего, что только она могла себе представить".

Чем же оно так ужасно, это письмо с деньгами, этот золотой мост, эта нежданная удача? А тем, оказывается, что муж, оставляя за ней всё - ее честное имя, свои деньги, а также все права и удобства, - посмел потребовать за это только одного - чтобы она прекратила его унижать своей связью на стороне. Справедливо? Вполне.

Однако Анна тут же приходит к выводу, что ее муж "низкий, гадкий человек". И ей становится ужасно неприятно, что другие люди почему-то считают его "религиозным, нравственным, честным, умным человеком". Но ведь они потому думают о нем так хорошо, рассуждает Анна, что они не видят того, что видела она - "они не знают, как он восемь лет душил мою жизнь, душил все, что было во мне живого, что он ни разу и не подумал о том, что я живая женщина, которой нужна любовь. Не знают, как на каждом шагу он оскорблял меня и оставался доволен собой".

Потрясающая наглость! Оказывается, муж должен был, по мнению Анны, не только дать ей деньги и положение в обществе (а эти два фактора имеют для Анны крайне большое значение - даже и сейчас она не хочет это терять), но еще и обязан свечку поддержать! еще и предоставить ей все условия для ее встреч с любовником! на том основании, что она живая женщина и ей нужна любовь. Между прочим, муж тоже живой человек. И от любви он бы тоже не отказался.

А что это за история с оскорблениями и удушением всего живого в ней? Да нет никакой истории. Все это ложь и оговор. Анна за мужем все эти годы жила как у Христа за пазухой: даже и сейчас, еще день назад, Алексей Александрович просил от нее только одного - соблюдения *внешних* приличий. Просил! То есть трахайся со своим любовником, но избавь меня от насмешек надо мной. Это что, такая ужасная просьба? Да ее пороть надо было, а не просить. С его стороны - одно только терпение, попытки понять и простить. С ее стороны - одни претензии, жалобы, наговоры, ложь. Вот и сейчас - из дома не выгнал, денег не лишил, позору перед обществом не предал. Ну так и получай за это - "низкий, гадкий человек", "на каждом шагу оскорблял" и "оставался доволен собой". Да за что?! Да ни за что. Просто свои качества она перекладывает на мужа, вот и все. Это она сама такая, и мы это уже не раз видели: это она оскорбляла мужа на каждом шагу и оставалась очень довольна собой. И мы это еще не раз увидим.

А далее в рассуждениях Анны снова появляется уже знакомая нам мысль: "Убил бы он меня, убил бы его, я все бы перенесла, я все бы простила, но нет, он..."

Совершенно понятно, что если бы муж убил ее, то переносить ей было бы уже нечего. Таким образом, абсурдность логики сказанного умышленно прикрывает главное. И это главное заключается в том, что себя в эту фразу она вставила исключительно ради придания своим словам некоего подобия объективности, на самом же деле она опять говорит об убийстве одного Вронского. И это уже вторая ее мысль о его убийстве... Случайность? А вы тоже случайно и при этом как минимум дважды запросто рассуждаете о том, чтобы вашего любимого убили и вот тогда вы бы уж точно уважали убийцу? Думаю, что истинно любящему даже предположение об этом покажется кощунством. А вот Анне эта мысль приходит в голову с завидным постоянством... А если мы еще вспомним, как она завлекла мужа остаться на ночь, прекрасно зная, что в эту ночь к ней должен прийти любовник, и при этом рассуждала о том, как все может оказаться страшно и ужасно, то ее навязчивая мысль об убийстве Вронского может еще раз подсказать нам догадку, что она этого убийства подсознательно ждет, потому и доводит мужа до белого каления.

Впрочем, обозвав мужа "низким, гадким человеком", не достойным ее уважения, потому что он не хочет убить Вронского, она тем не менее очень довольна тем, что этот "низкий" и "гадкий" человек все-таки не станет с ней разводиться и не лишит ее всех благ, как она того боялась, а вон даже и денег снова прислал (и она снова взяла).

В общем, она согласна на золотой мост. Согласна, чтобы ее спасли и вытащили из этого дурацкого болота, в который завлекло ее самодурство. Но нужен красивый предлог. Благородный и трагический. А то как-то пошло получается - жена погуляла с любовником, испугалась наломанных дров, а потом вернулась. И вот она уже уверяет себя, что она не будет уходить от мужа к любовнику не потому, что она счастлива остаться гранд-дамой и сохранить положение в свете, а потому только, что муж не отдаст ей сына - и, конечно, нарочно не отдаст, чтобы этим сделать ее несчастной, потому что "он знает, что я не брошу сына, не могу бросить сына, что без сына не может быть для меня жизни даже с тем, кого я люблю, но что, бросив сына и убежав от него, я поступлю, как самая позорная, гадкая женщина, - это он знает и знает, что я не в силах буду сделать этого".

Однако все это пустые слова - очень скоро она бросит сына. И преспокойно заживет с любовником. И она это прекрасно понимает. Ну, а пока в своих грехах она обвиняет мужа: "Я знаю его, я знаю, что он, как рыба в воде, плавает и наслаждается во лжи".

После чего ее снова одолевает великая жалость к себе: "Боже мой! Боже мой! Была ли когда-нибудь женщина так несчастна, как я?.." Ну и, опять распалившись, опять искусственно взвинтив себя, она высокомерно заявляет, что не даст ему этой возможности, что она разорвет эту паутину лжи, которой он хочет ее опутать! - и даже кинулась было сочинять ему надменное письмо, как вдруг...

Как вдруг она ясно поняла, "что то положение в свете, которым она пользовалась и которое утром казалось ей столь ничтожным, что это положение дорого ей, что она не будет в силах променять его на позорное положение женщины, бросившей мужа и сына и соединившейся с любовником" - и значит, ни о каком надменном письме не может быть и речи, и значит, гордыню свою нужно засунуть куда подальше до лучших времен, потому что положение в свете для нее важней, чем любовник, а значит, важней и той самой любви, которой она так умело оправдывала свои поступки и во имя которой неустанно поливала мужа грязью.

Однако курьер ждет ответа. Но она не любит брать ответственность на себя - очень не любит, поэтому она тут же прикидывается слабой нерешительной женщиной: "Что я могу решить одна? Что я знаю? Чего я хочу? Что я люблю?".

Ей нужен кто-то, на кого она могла бы свалить эту ответственность. А на кого ее можно свалить? На Вронского. И вот, в очередной раз введя себя в истерическое состояние, и опять до такой степени, что у нее опять начало двоиться в душе (!), она приходит к выводу, что должна немедленно увидеть Вронского и что для этого нужно поехать к Бетси. Она начисто забыла, что у Бетси Вронского нет, поскольку она сама не захотела к ней ехать, и он знал об этом.

Но курьер ждет. И тут, как только дело опять коснулось ее благополучия, здравомыслие буквально чудесным образом снова возвращается к ней, и она хитроумно пишет только одну - крайне осторожную! - фразу: "Я получила ваше письмо".

Никаких согласий, никаких отказов - никаких решительных действий.

*

Приехав к Бетси, она вдруг вспоминает о том, что Вронского здесь сегодня не будет, и состояние тревожной неизвестности усиливается в ней. Но... "но она была в туалете, который, она знала, шел к ней"! И только из этой пустой причины - из желания покрасоваться - она остается.

Бетси, делая вид, что ничего не знает про их связь, помогает Анне отправить Вронскому записочку о встрече в другом месте. А пока должна прийти некая Лиза Меркалина, которая также имеет любовника. И вот Анна, крайне озабоченная своей судьбой, в нарушение светских приличий напрямую задает вопрос, как эта самая Лиза намерена повести себя с мужем, в случае если тот узнает о ее изменах. Этот вопрос неприличен донельзя. Бетси уходит от ответа, но Анна настаивает - она спрашивает *трижды*. Бетси внимательно смотрит на нее... и под видом обычных сплетен наконец дает ей совет: "Лиза - это одна из тех наивных натур, которые, как дети, не понимают, что хорошо и что дурно. По крайней мере она не понимала, когда была очень молода. И теперь она знает, что это непонимание идет к ней. Теперь она, может быть, нарочно не понимает".

Итак, инструкция получена: быть наивной и ни за что не понимать, что хорошо, а что плохо.

11. Объяснение с Вронским

А каково было утро после скачек и после ночного визита к Анне у Вронского? А Вронский подсчитывал деньги - срочно, "не бреясь и не купаясь". И выходило, что денег не так уж много. Он решил занять денег у ростовщика и продать скаковых лошадей. "Потом, достав из бумажника три записки Анны, он перечел их, сжег и, вспомнив свой вчерашний разговор с нею, задумался".

Анна, в нынешнем представлении Вронского, была порядочной женщиной. По двум причинам: потому что он ее любил и потому что свою любовь она подарила не кому-нибудь, а ему. Распространенная ошибка. Поэтому "он готов был заставить говоривших молчать и уважать несуществующую честь женщины, которую он любил".

Муж этой женщины, по мнению Вронского, "был в жалком положении", но это были его проблемы. Понятно, что он имел право вызвать Вронского на дуэль, и к этому Вронский был готов с первой минуты (и, кстати, собирался красиво выстрелить в воздух).

Однако в его отношении к Анне последнее время появилось и нечто новое. Вчера, в первую минуту, когда она объявила ему о беременности, он решительно потребовал, чтобы она оставила мужа. Но на следующее утро... он уже не был так уверен в правильности этого решения - "теперь, обдумывая, он видел ясно, что лучше было бы обойтись без этого".

Ясно выражаясь, Вронский не хочет, чтобы Анна уходила от мужа, ведь это неминуемо создаст ему сложности, тогда как нынешнее положение его вполне устраивает. Вот только признаться в этом он боится даже самому себе - вроде как некрасиво получается... Да и вообще, для совместной жизни Вронскому нужно "иметь деньги", а у него их не так уж и много, но главное - ему придется выйти в отставку. И это последнее соображение ему особенно болезненно. Вронский амбициозен, ему хочется продвижения по службе - это его глубоко тайный и чрезвычайно страстный интерес. Но вот уже слишком давно - с того самого первого его отказа от предложения - ему ничего больше не предлагают, и это является его неотвязной душевной болью. Связь с Карениной на какой-то период придала ему блеску, что на время успокоило его честолюбие (во всем этом он признается сам), но теперь к этой связи все привыкли, а честолюбие осталось.

И вот Вронский торгуется с собой: "Выйдя в отставку, я сожгу свои корабли. Оставаясь на службе, я ничего не теряю. Она сама сказала, что не хочет изменять своего положения".

Таким образом, ответственность за образовавшееся положение он пытается спихнуть на Анну. И такое решение приводит его наконец в прекрасное расположение духа.

Он получает записку от Анны и едет к ней на свидание. Он еще не знает, что его ждет. Он видит: она серьезна и строга. И его прекрасное расположение духа исчезает как не бывало.

"Она прошла молча несколько шагов, собираясь с духом, и вдруг остановилась.

- Я не сказала тебе вчера, - начала она, быстро тяжело дыша, - что, возвращаясь домой с Алексеем Александровичем, я объявила ему все... сказала, что не могу быть его женой, что... и все сказала".

Заметим: говоря так, она уже знает, что не уйдет от мужа, что она не хочет от него уходить, "что она не в силах будет пренебречь своим положением, бросить сына и соединиться с любовником", и что она сама хочет, чтобы все осталось по-прежнему. Вот только нести ответственность за это перед Вронским она категорически не желает. А потому снова лжет себе, снова играет в дурацкую рулетку "угадай то, не знаю что", как когда-то она загадывала и с мужем: что если вот сейчас Вронский ей скажет все-таки уходить от мужа - и при этом (на всякий случай она усложняет задачу) скажет не как-нибудь, а "решительно, страстно" и "без минуты колебания"! - то она немедленно сделает это (а как же сын? значит, она все-таки может его оставить несмотря на свои громкие слова?). А вот если не скажет, или скажет не так, как ей хочется, то делать нечего - сам виноват, надо было правильно угадывать.

И Вронский именно это и говорит, вот только... как и загадывала Анна, не слишком страстно и не очень решительно (он думал о дуэли). Это и является для Анны поводом не уходить от мужа - свалив ответственность за это на неправильный тон Вронского. При этом, хотя она и сама, повторяю, в тайне души не хочет уходить от мужа, она опять начинает чувствовать к Вронскому злобу ("ему показалось, что глаза ее со странною злобой смотрели на него из-под вуаля").

А Вронский, даже и не догадываясь о том, что его тон не соответствовал ее ожиданиям (чему она очень рада), думает о том, что раз уж муж в курсе, то дуэль теперь наверняка состоится; и еще о том, что он благородно выстрелит в воздух; и еще о том, что в глубине души ему не хочется, чтобы Анна уходила от мужа, поскольку это сулит ему большие личные потери, но что он, конечно, никогда не скажет об этом вслух... И она это *чувствует*. И ей это не нравится. Потому что ей - можно желать сохранить все удобства и преимущества своей нынешней жизни, но Вронскому - нельзя. Единственным желанием Вронского, по ее мнению, должно быть желание бросить свою жизнь к ее ногам. Но, кажется, он сам еще не слишком в этом уверен... И

вот она смотрит на него "со странною злобой", а потом меняет тактику - голос ее становится дрожащим и жалобным, и вот она уже с трудом удерживает слезы.

И, разумеется, Вронский немедленно говорит, что все к лучшему, что теперь ей уж точно надо оставить мужа. Тогда она тут же вспоминает заготовленный предлог насчет сына и с готовностью сообщает Вронскому, что она не может уйти, потому что не может жить без сына. Тогда он уверяет ее, что уйти от мужа все же лучше, чем "продолжать это унижительное положение", которое унижительно прежде всего для нее. Тогда она тут же уверяет его, что с тех пор как она его полюбила - то есть полюбила именно его! - для нее больше не существует в этом ничего унижительного и что она даже горда своим положением... и она разрыдалась.

Вронскому, естественно, становится ужасно ее жаль и он тут же снова и снова винит себя в ее несчастьях. Слабым голосом он еще раз говорит про развод. Анна не менее слабым голосом уверяет его, что развод не возможен.

Собственно, на этом сцена исчерпывает себя. В глубине души Анна остается довольна: она опять сумела вызвать жалость к себе, внушить Вронскому чувство вины, а главное - не потерять того положения и блеска, которое она имела благодаря мужу.

12. Возвращение к мужу

"Но честная несчастная Анна не надевает этой вуали, чтобы скрыть обман".

Ложь Набокова

Анна возвращается к мужу во вторник, как он и предписывал ей. И не просто во вторник, а во вторник *утром*. Таким образом, она демонстрирует полное послушание, а главное (манипулятор из всего извлекает выгоду), она хочет успеть объясниться с мужем до его ухода из дома на службу - ей не терпится выяснить, насколько ее положение осложнено.

Она приезжает, но муж не встречает ее. Это что-то новенькое... Она ждет, что он зайдет к ней в комнату. Он не заходит. Она выходит в столовую в надежде встретить его там! Но и в столовой он тоже не появляется. Ну, что делать... И тогда она сама "с решимостью направилась к нему".

Войдя в его кабинет, она сразу поняла по его лицу, что он думал о ней. Ага. Это хорошо. Значит, не равнодушен.

"Увидав ее, он хотел встать, раздумал, потом лицо его вспыхнуло, чего никогда прежде не видала Анна, и он быстро встал и пошел ей навстречу, глядя не в глаза ей, а выше, на ее лоб и прическу. Он подошел к ней, взял ее за руку и попросил сесть.

- Я очень рад, что вы приехали, - сказал он, садясь подле нее, и, очевидно желая сказать что-то, он запнулся. Несколько раз он хотел начать говорить, но останавливался..."

В общем, все импульсивное поведение Алексея Александровича говорит об искренности, о том, что его "золотой мост" был неслучаен, что он действительно рад ее видеть, что он готов все забыть, что он хочет примирения и что ее приезд он расценивает как добрый знак с ее стороны. И, видя такое доброе, такое искреннее к себе отношение, ей даже становится его *жалко*. Один раз за весь роман.

"Я хотела уехать в Москву", - говорит она. Зачем она это говорит? Чтобы ему стало жалко ее. И чтобы ему стало жалко ее потерять. Впрочем, ему и так жалко. Но надо же закрепить эффект.

"- Нет, вы очень, очень хорошо сделали, что приехали, - сказал он и опять умолк".

Он буквально не в силах говорить, он очень взволнован, он ждет, что с этой встречей все плохое исчезнет наконец - ведь она приехала и даже сама пришла в его кабинет!

И вот, видя, как он взволнован, как он хочет мира с ней и как она ему небезразлична, а главное, вполне успокоившись насчет своего будущего, что же делает Анна?

Правильно. Она немедленно бьет мужа в больное место!

"- Алексей Александрович, - сказала она, *взглядывая* на него и *не опуская* глаз под его устремленным на ее прическу взором, - я преступная женщина, я дурная женщина, но я то же, что я была, что я сказала вам тогда, и приехала сказать вам, что я не могу ничего переменить".

(Чем-то эта ситуация напоминает мне ее первую ночь с Вронским - ему тогда тоже было хорошо... но мы помним, чем это для него тогда кончилось.)

Разумеется, в очередной раз получив эту внезапную оплеуху, этот удар под дых, настроение Алексея Александровича резко меняется. Ну надо же! Он опять как дурак был добр и мягок, он был искренне готов забыть про ее любовника, он был готов все простить и начать жизнь с ней сначала, он так переживал, он был так взволнован - и вот она приехала, и вот она согласилась остаться в его доме и все от него взять, и вот она снова говорит ему о любовнике!

Он весь похолодел...

Он с ненавистью смотрит ей прямо в глаза. Он говорит, что игнорирует эти ее беспардонные уточнения, что ему плевать на ее любовника - до тех пор, пока его честь не затрагивается в свете, и что он предпримет все меры, чтобы оградить свою честь, если Анна снова будет компрометировать его своим поведением в обществе.

Кажется, он высказался предельно ясно? Кажется, смысл сказанного им предельно понятен? Но только не Анне! Из всего сказанного она с *удивительным* вниманием уловила лишь *одну* важную для нее фразу: "И поэтому я только предупреждаю вас, что наши отношения должны быть такие, какие они всегда были".

И этой фразе она вдруг придает совершенно иной смысл - настолько иной, что он вообще выпадает из эмоционального контекста сказанного им: ей вдруг приходит в голову, что он говорит о сексе!

"- Но отношения наши не могут быть такими, как всегда, - робким голосом заговорила Анна, с испугом глядя на него".

Интересно, с чего это ей пришло такое в голову? Неужели она забыла, что муж и так уже давно не спит с ней? К чему это свалившееся как снег на голову уточнение? Или, успокоившись, она вспомнила про любимую забаву мучить мужа? Или к удовольствию помучить снова и снова подсознательно примешивается идея стравить мужа и Вронского? Ведь именно это она и пыталась сделать всего несколько дней назад, так что мысль об этом еще горяча.

И она продолжает:

"- Я не могу быть вашей женой, когда я... - начала было она".

Но затравленный, вернее - умело растравленный муж перебивает ее "злым и холодным смехом". Обида и гнев переполняют его, ему хочется хоть что-то противопоставить ее гнусным заявлениям, защитить себя, отомстить, и он преисполняется сарказма:

"- Должно быть, тот род жизни, который вы избрали, отразился на ваших понятиях. Я настолько уважаю или презираю и то и другое... я уважаю прошедшее ваше и презираю настоящее... что я был далек от той интерпретации, которую вы дали моим словам".

Но, услышав эту ядовитую отповедь, Анна только "вздохнула и опустила голову", как бы говоря: вам должно быть стыдно бить лежащего...

Но сарказм еще кипит в нем, да и правда, сколько же можно пощечины получать, пора и отпор дать:

"- Впрочем, не понимаю, как, имея столько независимости, как вы, - продолжал он, разгорячаясь, - объявляя мужу прямо о своей неверности и не находя в этом ничего предосудительного, как кажется, вы находите предосудительным исполнение в отношении к мужу обязанности жены?"

А вот это уже интересно! Да уж нет ли тут намек на тот самый групповой секс, который некогда снился Анне *каждую* ночь? И она задает ему прямой вопрос:

"- Алексей Александрович! Что вам от меня нужно?"

Но увы - он говорит совсем не то, что ей надо. И хуже того. Разозленный ее странными выпадами, он теперь и вовсе запрещает ей видеться с Вронским, хотя еще несколько минут назад был готов презрительно закрыть на это глаза. Впрочем, он и сейчас буквально заставляет себя изменить решение на более жесткое, и это отчетливо видно по его словам:

"- Мне нужно, чтоб я не встречал здесь этого человека и чтобы вы вели себя так, чтобы ни свет, ни прислуга не могли обвинить вас... чтобы вы не видали его. Кажется, это не много. И за это вы будете пользоваться правами честной жены, не исполняя ее обязанностей. Вот все, что я имею сказать вам. Теперь мне время ехать. Я не обедаю дома".

Разговор закончен. (Отметим в скобках: о своей беременности Анна и на этот раз не произнесла ни словечка...)

13. Провокация

Итак, вот окончательное условие мужа: чтобы любовник не приходил в его дом, чтобы она не виделась с любовником в обществе и... (сказано через паузу) чтобы вообще не виделась. За это она получает: прежнее положение в обществе, деньги и отсутствие секса с мужем как неприятную для нее часть совместной жизни.

Таким образом, оставшись с мужем, она автоматически соглашалась с этими условия. Но я была уверена: приняв, она их незамедлительно нарушит. И она их нарушила. Она уверена: никто не смеет ей ничего запрещать, никто не смеет ставить ей какие бы то ни было условия.

И Анна немедленно продолжила видеться с Вронским вне дома - и муж это знал. Таким образом, сплетни, а значит, унижение и подрыв его репутации продолжились. Я уж не говорю про душевную боль. А также про самолюбие и ревность. Однако он терпит - как терпят все жертвы манипуляторов в надежде, что их мучитель - видя хорошее к себе отношение - однажды чудесным образом испытает чувство стыда за себя, а также чувство признательности к жертве за ее доброту и долготерпение, а проща говоря - глупость, а потом возьмет да и станет вести себя хорошо.

Вот и Алексей Александрович повторяет ту же ошибку: "Алексей Александрович ждал, что страсть эта пройдет, как и все проходит, что все про это забудут и имя его останется не опозоренным".

Анна в свою очередь тоже ждала, что вся эта ситуация - которую она сама создала и которая целиком зависела от нее - как-нибудь чудесным образом разрешиться.

Вронский тоже ждал - подчиняясь Анне.

*

Уже была середина зимы, т.е. с момента последнего объяснения с мужем прошло примерно четыре с половиной месяца. Итак, четыре с половиной месяца Анна преспокойно продолжает встречаться с любовником, мужу об этом постоянно докладывают, тем не менее никаких скандалов, никаких интересных сцен по этому поводу он ей опять не устраивает - в той самой надежде, что эта страсть вот-вот пройдет. И его поведение мне очень понятно. Очень трудно расстаться с человеком, которого любил, очень трудно перестать надеяться, что он вот-вот вернется к тебе. И Анна всю этим пользуется - и ей не стыдно.

Уточним: четыре с половиной месяца Анна, оставаясь в доме мужа и продолжая пользоваться всеми благами этого положения, систематически нарушает единственное (и, замечу, вполне справедливое) условие, которое поставил ей муж. Зачем она это делает? Ведь она не хочет развода. Ведь она испугалась потерять все преимущества брака с Алексеем Александровичем. Неужели и правда это любовь к Вронскому, которого она предпочла бы видеть мертвым ради уважения к мужу? Отнюдь.

Анна - натура сложная. В ней перемешаны такие понятия, как высокомерие, своенравие, мстительность, жажда личного комфорта, стремление к неограниченной власти над жертвой, сермяжная хитрость, самолюбование и малое наличие ума, к тому же она то ли истеричка, то ли психопатка. Какая из характеристик в какой момент возьмет в ней верх и продиктует поступок, не знает даже она сама. Почти всегда эти личные качества накладываются друг на друга, создавая и вовсе неконтролируемый коктейль, усиленный явным психоневрологическим заболеванием.

Вот и сейчас: ей запрещают - и она обязательно нарушит, обязательно поступит по-своему, наплевав на всех и на все, а заодно и на последствия своего поведения. Тем более что сермяжная хитрость подсказывает ей, что в случае чего она все свалит на Вронского и на свою неземную любовь к нему. Но это еще не все. Все та же сермяжная хитрость давно нашептывает ей, что было бы действительно неплохо изменить ситуацию в свою пользу - оставшись либо вдовой, либо женой арестанта, а заодно удовлетворив свое тщеславие и самолюбие (ах, только такую женщину, как она, можно ревновать до смертоубийства!). Однако первая попытка - ночь после скачек - сорвалась. И тогда она придумывает еще одну омерзительную провокацию...

*

Вронский получает от Анны записку: "Я больна и несчастлива. Я не могу выезжать, но и не могу долее не видеть вас. Приезжайте вечером. В семь часов Алексей Александрович едет на совет и пробудет до десяти".

И тут Толстой прямо говорит нам, что даже Вронскому эта записка показалась несколько... хм... непонятной. И что Вронский даже с целую минуту размышляет над *странностью* сказанного ею - "что она зовет его прямо к себе, несмотря на требование мужа не принимать его". Ибо Вронский все-таки понимает, что зазывать любовника в дом, тем более после всей этой крайне болезненной для мужа истории, не только не прилично, но и попросту бессовестно. И любую другую женщину он бы за это презирал. Но только не Анну - ведь Анна делает это из любви к нему, а это меняет дело, рассуждает Вронский.

Поэтому - несмотря на очевидную бессовестность предложения - он решает поехать. Однако случайно заснул и проснулся уже в половине девятого. Быстро вскочил и

кинулся к Анне. И без десяти минут девять он уже был у дома Карениных - то есть вся поездка заняла у него 15 минут (8:50-8:30=20, но мы вычтем 5 минут на то, что он оделся, вышел, сел в карету и т.д.).

У подъезда он видит карету, и его первая мысль: не дождавшись, она собирается ехать к нему! Но увы - это совершенно не то.

Он входит в дом. Швейцар удивленно смотрит на него, но Вронский не придает этому значения. А зря. Потому что "в самых дверях Вронский почти столкнулся с Алексеем Александровичем"! Ну что ж... столкнулись так столкнулись. Они раскланиваются и расходятся. И Вронский думает ему вслед, что из-за этого внешне спокойного поведения мужа он и вынужден чувствовать себя обманщиком. А вот если бы муж вел себя беспокойно, то Вронский себя обманщиком не чувствовал бы. Удобная философия.

Итак, он проходит в дом. Он слышит ее удаляющиеся шаги и понимает, "что она ждала его, прислушивалась и теперь вернулась в гостиную". Отметим: стало быть, она слышала, как он вошел и как одновременно вышел ее муж!

Он идет следом в гостиную, и она немедленно, я бы даже сказала - торопливо, устраивает ему сцену за... опоздание! После чего смотрит на него восторженным взглядом и уверяет, что совершенно не может ссориться с ним.

Вронский удивляется: а каким же это, собственно, образом он умудрился встретиться с мужем, если, судя по записке Анны, его не должно было быть дома уже в семь часов? На что Анна пренебрежительно отмахивается: "Он был и вернулся и опять поехал куда-то. Но это ничего. Не говори про это". После чего так же торопливо устраивает ему... сцену ревности.

В том, что это провокация чистой воды, у меня нет никаких сомнений. Даже Вронский засомневался, удивившись предложению Анны. Но разберем ситуацию. О том, что приводить любовника в дом мужа нехорошо и даже подло, я не буду больше говорить, это элементарно. Но намеренно сталкивать их лбами (а это было намеренно) - зачем? Думаю, для того, чтобы дуэль все-таки состоялась. И серьезная дуэль, со смертоубийством или хотя бы с попыткой его. Если намеренно доведенный до отчаянья муж убьет Вронского, то пойдет в тюрьму, сделав Анну свободной. Если Вронский убьет мужа, свобода ей тем более гарантирована. А то, что Вронский, который уже не раз думал о дуэли (вот настолько ситуация была серьезна и оскорбительна!), собирался выстрелить в воздух, так это она даже не рассматривает - она уверена: она сумеет убедить Вронского поступить так, как нужно ей. Но для этого их нужно стравить. Нужна провокация. И она зовет Вронского запиской!

Так вот.

Допустим, муж действительно уходил из дома в семь часов и действительно должен был отсутствовать до десяти. И допустим, он действительно вернулся. Но тогда почему она не отправила любовнику записку о том, что муж вернулся и визит отменяется?! Ведь до Вронского езды всего 15 минут!

Да потому и не отправила никакой записки, что предупредить Вронского не входило в ее планы. Да и вообще муж скорее всего все это время вообще никуда не выходил - он был дома, а выйти должен был как раз около девяти. Чтобы поехать в оперу.

И все это время Анна ждала, что ее любовник приедет и неминуемо встретится с мужем. Но время шло, Вронского все не было, и вот уж муж собрался уходить... Неужели план сорвется? И Анна с тревогой наблюдает за собирающимся уйти мужем, беспокойно прислушивается к его передвижениям по дому, все время находясь где-то поблизости от него, прокрадываясь как тень... ах, неужели Вронский не приедет?! неужели ничего не случится?!

И вот уже муж собирается выйти в дверь... как вдруг дверь открылась и кто-то вошел... Вронский!.. Ну слава богу, успел. И тогда она потихоньку прокрадывается в гостиную - именно это и слышит Вронский, слышит ее удаляющиеся шаги...

А далее она устраивает ему сцену за опоздание! Да помилуйте. Здравый смысл подсказывает, что ведь и хорошо что опоздал, и было бы еще лучше, если бы еще больше опоздал, чтоб уж точно не встретиться с якобы вернувшимся и еще не успевшим снова уехать мужем! Разве не так? Разве не должна она была сказать: как жаль, что ты не опоздал еще на чуть-чуть, - вместо того чтобы устраивать сцену за опоздание?

Однако происходит совсем другое - *даже не соизволив предупредить Вронского о присутствии мужа, она еще и ругает его за опоздание!* А на резонное удивление Вронского, откуда взялся муж, она попросту отмахивается: "Это ничего. Не говори про это". Что вполне понятно: ей нечего ответить любовнику. Ну не признаваться же ему, что она нарочно подстроила эту встречу.

А чтобы Вронский не заметил, что он так и не получил ответа на свой законный вопрос и чтобы вообще поскорее забыл об этом, она и устраивает ему сцену ревности. Так что все просто.

Кстати о ревности. "Эти припадки ревности, в последнее время все чаще находившие на нее, ужасали его и, как он ни старался скрывать это, охлаждали его к ней".

Далее Вронский отмечает, что она вообще изменилась за последнее время (они общаются уже больше двух лет), и не только физически (беременность), но и *нравственно*. Он и раньше ловил в ее взгляде злобу, теперь же злобы стало в ней еще больше.

Заметим: ревность ее, которая *ужасает* Вронского, это вовсе не страх потерять любимого, ее ревность - это страх потерять *контроль над ним*. Подтверждение этой моей мысли легко найти в словах самой Анны, вот что она говорит Вронскому: "Я думаю, что я не ревнива. Я не ревнива; я верю тебе, когда ты тут, со мной; но когда ты где-то один ведешь свою непонятную мне жизнь..."

После этого она берет вязанье и вдруг... начинает безобразно передразнивать мужа, ерничать, изображая, как он столкнулся с Вронским в дверях, - и, поиздевавшись всласть над мужем, она *весело* засмеялась тем *милым* грудным смехом, который был одною из главных ее прелестей".

А тут и Вронский возмущается, а что это, дескать, твой муж не хочет вызывать меня на дуэль, как будто я обманщик какой, а не приличный человек, который просто спит с чужой женой и потому приходит в дом к мужу на свидания с ней:

"Как он может переносить такое положение? Он страдает, это видно", - говорит Вронский.

"- Он? - с усмешкой сказала она. - Он совершенно доволен".

Ну, мы-то с вами уже неоднократно видели, как Алексей Александрович якобы *совершенно доволен*, а потому не поверим Анне (тем более что даже и Вронскому заметно, что муж страдает!) и уличим ее в очередном наговоре. А также еще раз посмотрим, как свою собственность лживость она с удовольствием приписывает мужу:

"Разве я не знаю его, эту ложь, которою он весь пропитан?.. Разве можно, чувствуя что-нибудь, жить, как он живет со мной? Он ничего не понимает, не чувствует. Разве может человек, который что-нибудь чувствует, жить с своею преступною женой в одном доме? Разве можно говорить с ней? Говорить ей ты? - И опять она невольно представила его: - "Ты, ma chere, ты, Анна!"

Но и этого ей мало! Ее муж как ее нравственный антипод не просто раздражает ее, но вызывает в ней жгучую ненависть: "Это не мужчина, не человек, это кукла!"

При этом ее опять ужасно раздражает, что все, знающие Алексея Александровича люди, думают о нем совершенно наоборот. Однако в качестве подтверждения своей якобы правоты ей совершенно нечего этому противопоставить, а потому она голословно изрекает: "Никто не знает, но я знаю".

А дальше она говорит свою излюбленную фразу: "О, если б я была на его месте, я бы давно убила, я бы разорвала на куски эту жену, такую, как я..." Вот только Вронский из этой фразы... полностью выпадает. А ведь раньше - и дважды! - в кандидаты на куски ею были записаны двое: она и Вронский. Но сейчас, говоря это своему любовнику, она ни словом не упоминает его, а только себя. Что естественно. Вряд ли Вронскому понравилось бы мысль о его убийстве. Ну и ладно. Ведь все равно же, говоря эту фразу, она таким образом снова и снова внушает Вронскому, что она исключительно высокоморальная и к тому же весьма искренняя личность, которая вынуждена жить в нравственной грязи исключительно из любви к нему и по его вине, но которая ни словом не упрекнет в этом истинно виновного...

"- Ты не права и не права, мой друг, - сказал Вронский, стараясь успокоить ее. - Но все равно, не будем о нем говорить. Расскажи мне, что ты делала? Что с тобой? Что такое эта болезнь и что сказал доктор?"

Но Анна опять уже настолько распалена злобой к мужу, что не может остановиться: "Она смотрела на него с насмешливою радостью. Видимо, она нашла еще смешные и уродливые стороны в муже и ждала времени, чтоб их высказать".

Издевки над мужем, передразнивания и кривлянья, злобная ревность - именно эти нравственные изменения к худшему и отметил в ней Вронский.

Он переводит разговор на ее болезнь, о которой она ему писала. И тут жалость к себе опять заливает ее с ног до головы. Она говорит, что умрет при родах. Причем говорит не сразу, а с долгими словесными вензелями и бубликами - вскользь, в обход, все больше и больше нагнетая на Вронского страху. При этом уверяя, что вовсе и не хотела говорить ему о своей скорой смерти, "но ты заставил меня".

Однако Вронский ее не заставлял. Он просто спросил, когда ждать родов, и это был его единственный вопрос. Так что он никак не заставлял ее говорить про ее скорую смерть. (Впрочем, это слишком мелкая уловка манипуляторов. Хотя и вполне ими усвоенная.) Тут он, понятное дело, начинает волноваться, хотя здравый смысл и убеждает его, что для волнения нет причин. Она же вздохом рыдает и торопливо говорит всякие благородно-жалостливые слова: "Я умру, и очень рада, что умру и избавлю себя и вас", чем доводит Вронского до тихой истерики.

14. Решение о разводе

А что же муж? А муж после внезапной встречи с Вронским едет, как и запланировал, в оперу. Кстати, это еще одно косвенное доказательство того, что в семь вечера ни на какой совет он из дома не выезжал и ниоткуда не возвращался-Анна прекрасно знала, что муж поедет в оперу, и главное - в котором часу поедет. Потому и позвала Вронского, чтобы столкнуть их лбами. А вот вернуться домой Алексей Александрович действительно должен был в десять вечера, сразу же после оперы, на которую и собирался заглянуть к девяти часам.

Разумеется, никакого удовольствия от оперы у него и в помине нет. Он думает только о своем очередном унижении, диком, оскорбительном унижении - что любовник его жены находится в его доме, мало им продолжающихся встреч на стороне, и что это уже перешло все границы.

После оперы, вернувшись домой, он внимательно осматривает вешалку на предмет военного пальто. Пальто исчезло. Ага. Значит, Вронский уже ушел. Алексей Александрович идет к себе в комнату и ходит там взад и вперед - *до трех часов ночи*. То

есть пять часов кряду! "Чувство гнева на жену, не хотевшую соблюдать приличий и исполнять *единственное* поставленное ей условие - не принимать у себя своего любовника, не давало ему покоя. Она не исполнила его требования, и он должен наказать ее и привести в исполнение свою угрозу - требовать развода и отнять сына".

Алексей Александрович не спал всю ночь. После этой чудовищной провокации с приездом в его дом любовника, устроенной Анной, его нервы находятся на пределе - "и его *гнев*, увеличиваясь в какой-то *огромной* прогрессии, дошел к утру до *крайних пределов*".

Что же это за крайние пределы у Алексея Александровича? Они у него очень странные. Он, казалось бы, уже точно решил, что будет развод, и он даже поспешно оделся и решительно пошел к жене - вот только по дороге он очень боялся потерять этот гнев... а вместе с ним и "энергию, нужную ему для объяснения с женою". То есть весь его гнев на самом деле есть не что иное, как очень большая обида - и она готова немедленно испариться, если его жена опять хоть немножко намекнет ему, что между ними еще возможно хоть какое-то подобие счастья.

Однако его удивительный гневный вид все-таки сумел обмануть Анну - думавшую, "что она так хорошо знает своего мужа". Из чего я делаю вывод, что подобный гнев был совершенно ему не свойственен. Его столь необычный вид ей страшен - он нахмурен и мрачен, рот презрительно сжат, а "в походке, в движениях, в звуке голоса его была решительность и твердость, какие жена *никогда не видала в нем*".

Решительным жестом он подходит к столу и пытается забрать из ящика письма к ней Вронского. Она быстро лжет, что писем там нет, и затворяет ящик. Но он грубо отталкивает ее и выхватывает портфель с бумагами. Она пытается вырвать портфель, но он снова грубо отталкивает ее. Да... такого с ним еще не было! Как же его побороть? Она с удивлением смотрит на него, а потом в ее взгляде появляется... *робость*.

"- Я сказал вам, что не позволю вам принимать вашего любовника у себя.

- Мне нужно было видеть его, чтоб...

Она остановилась, не находя никакой выдумки".

Вот вам и еще одна ложь. "Честная" Анна, так ненавидящая ложь, лжет на каждом шагу!

Странно также и то, что, позвав Вронского, она не придумала заранее никакого приличного предлога, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств как-то оправдать его приход. Но Анне, как она самоуверенно считала, никакой предлог в данном случае и не нужен был - она ведь полагала, что хорошо знает своего мужа, что этот мягкий добрый человек в отношениях с ней вообще не способен на решительность и твердость, а также на тот гнев, с которым она столкнулась в нем впервые. Да и недалекость ума не позволяет ей просчитывать свои действия аж на два шага вперед.

Поэтому она судорожно ищет, что бы такое соврать, но соврать тут совершенно нечего, все слишком очевидно. И тогда она переходит к следующему излюбленному методу манипуляторов - к *робости*. После чего незамедлительно жмет на чужую порядочность - она говорит, что он оскорбляет ее только потому, что она не может ему ответить. Он парирует, что оскорблять можно честного человека, но не ее. Тогда она тут же упрекает его в жестокости. На что муж справедливо замечает: "Вы называете жестокостью то, что муж предоставляет жене свободу, давая ей честный кров имени только под условием соблюдения приличий. Это жестокость?"

И он совершенно прав. Не руби сук, на котором сидишь. Не унижай человека, чей хлеб ты ешь. Он совершенно прав - и Анну распирает злоба: "Это хуже жестокости, это подлость, если уже вы хотите знать! - со взрывом *злости* вскрикнула Анна и, встав, хотела уйти".

Но муж с силой хватается за руку: "Подлость? Если вы хотите употребить это слово, то подлость - это бросить мужа, сына для любовника и есть хлеб мужа!"

И он опять совершенно прав. Или уходи, или соблюдай условия. Или хотя бы приличия. Но Анна еще не проиграла, в ее рукаве давно припасен мощный козырь - ее предполагаемая смерть при родах. Тем более что муж еще вообще не знает про ее беременность.

Итак, взять наскоком, надавив на чужую порядочность, не удалось. Значит, будем давить на жалость. А Алексей Александрович как раз тот самый человек, который в отличие от Анны имеет совесть, а потому и умеет жалеть других. И вот Анна покорно нагибает голову и говорит тихим голосом:

"- Вы не можете описать мое положение хуже того, как я сама его понимаю, но зачем вы говорите все это?"

Разумеется, муж взвизгивает от этих упреков:

"- Зачем я говорю это? зачем? - продолжал он так же гневно. - Чтобы вы знали, что, так как вы не исполнили моей воли относительно соблюдения приличий, я приму меры, чтобы положение это кончилось".

На ее прекрасных глазах тут же появляются слезы жалости к себе, и она печально и многозначительно говорит мужу, что скоро все действительно кончится, да-да, ждать не долго.

Она говорит это о своей предполагаемой скорой смерти. Но муж понимает эти слова как намек на то, что все уже решено и без него, что он опоздал и что на его решение уже все давно чихали, и он снова взвизгивает: "Оно кончится скорее, чем вы придумали с своим любовником!"

Тогда Анна с тихой печалью укоряет мужа: "Алексей Александрович! Я не говорю, что это невеликодушно, но это непорядочно - бить лежачего".

От такой бессовестности Алексей Александрович начинает аж задыхаться, он настолько возмущен наглостью этого укора, что даже путается в словах: "Да, вы только себя помните, но страдания человека, который был вашим мужем, вам не интересны. Вам все равно, что вся жизнь его рушилась, что он пеле... пеле... пелестрадал".

Анна слышит эту путаницу, и ей становится смешно. И она немножко посмеялась. Но, конечно, немедленно перестала и даже испытала к нему минутную жалость - приятную необременительную жалость: жалко, да, говорит она себе, "но что ж она могла сказать или сделать?". И она лишь опускает голову и молчит.

Алексей Александрович тоже молчит - он пребывает в таком эмоциональном накале, что не может прийти в себя. Он пытается взять себя в руки. Он пытается скрыть от нее, что ему - в его и без того трудном эмоциональном состоянии - был унизителен ее смех, когда он от волнения не мог сразу выговорить слово. Он пытается скрыть от нее, как ему больно и тяжело. А ему настолько больно и тяжело, что его глаза даже мутны от этой внутренней тяжести. Он даже не в силах контролировать свою речь - и когда он заговорил, то стал как-то шатко подчеркивать интонационно случайные, "произвольно избранные, не имеющие никакой особенной важности слова"...

И этого оказалось достаточно, чтобы Анна немедленно отказала ему в своей жалости. "Нет, это мне показалось, - подумала она, вспоминая выражение его лица, когда он запутался на слове пелестрадал, - нет, разве может человек с этими мутными глазами, с этим самодовольным спокойствием чувствовать что-нибудь?"

И она снова тычет ему в самое больное место - снова и вслух намекая на то, что у нее есть любовник и что она будет с ним встречаться:

"Я не могу ничего изменить, - прошептала она".

В общем, тяжелая сцена заканчивается тем, что доведенный до белого каления Алексей Александрович выносит вердикт: он возбуждает дело о разводе, сам уезжает в

Москву и отправляет сына к сестре. Она умоляет его оставить ей сына. Он непреклонен и хочет уйти. Но она удерживает его:

"- Алексей Александрович, оставьте Сережу! - *прошептала* она еще раз. - Я более ничего не имею сказать. Оставьте Сережу до моих... Я скоро рожу, оставьте его!

Алексей Александрович вспыхнул и, вырвав у нее руку, вышел молча из комнаты".

15. Визит к адвокату. Роды. Катарсис

"Его искренность и доброта продлятся недолго, и когда Каренин попытается добиться развода (который не очень изменил бы его жизнь, но так много значит для Анны) и вдруг столкнется с неприятными осложнениями, он просто-напросто откажется действовать дальше, ни на минуту не задумавшись о том, что значит для Анны его отказ. Более того, он находит удовольствие в своей праведности".

Ложь Набокова

Складывается впечатление, что Набоков читал не роман, а буквы. Как можно было не заметить прямо сказанного о том, что это именно Анна не хотела развода на тот момент?! Что она его всячески избегала, манипулируя потерей сына? А когда муж во второй раз согласился отдать ей сына - и таким образом единственное препятствие к разводу с ее стороны было устранено, то она и сына не забрала, и опять не развелась! Хотя на этот раз нужно было быть круглой идиоткой, чтобы не развестись на таких необычайно выгодных условиях, какие согласился предоставить ей муж, - если уж ты так мечтала о разводе.

Причиной же, по которой Алексей Александрович решил отложить дело о разводе, т.е. теми самыми "неприятными осложнениями", как их называет Набоков, было то, что при разводе нужно было заявить о факте прелюбодеяния и таким образом поставить крест на пока еще официально честном имени Анны. Вот что остановило его - забота об Анне. В ущерб себе, между прочим. И когда он был снова доведен Анной до того состояния, что мысль о разводе снова пришла ему в голову, он и на этот раз тяжело свыкался с этой мыслью - однако был готов поступить так, как того требовали интересы Анны, хотя с какой стати он должен был так поступать? С какой стати он должен был брать ее вину на себя и чернить свое имя? Ладно бы еще она поступала с ним по-человечески - так ведь нет, она вела себя с ним как садистка и последняя дрянь.

Про недолгую искренность и доброту Алексея Александровича, которые нашел вдруг Набоков, и говорить нечего - это вопиюще пустое поверхностное заявление, недостойное уважающего себя литературоведа, не говоря уж о докторе и профессоре от русского языка.

А вот удовольствие от своей праведности Алексей Александрович действительно испытывал - но вовсе не в том уничижительном контексте, который приписывает ему литературоведческий начетчик Набоков. Но полней об этом мы поговорим позже.

*

Итак, оскорбление, унижение и обида, нанесенные Анной, были на этот раз настолько велики, что несмотря ни на какие попытки Анны вызвать к себе жалость он начинает дело о разводе.

В контексте моего исследования вся сцена его визита к адвокату важна одной деталью: Алексей Александрович замечает, что глаза адвоката "прыгали от неудержимой радости, и Алексей Александрович видел, что тут была не одна радость человека, получающего выгодный заказ, - тут было торжество и восторг, был блеск, похожий на тот зловещий блеск, который он видал в глазах жены".

Зловещий блеск... Зло, злоба - в романе эти слова постоянно сопровождают Анну. Она унижает и оскорбляет мужа - и в ее глазах он видит зловещий блеск торжества и восторга от своего могущества. Да, она правильно выбрала две свои жертвы. Муж - добрый, отзывчивый, глубоко порядочный человек, склонный к самокопаниям: над таким можно долго и безнаказанно издеваться. И любовник - недалекий, покорный, внушаемый, не имеющий духовного стержня, а потому легко поддающийся под ее влияние: из него можно долго вить веревки.

Однако противодействие копится. Чаша *страдания* у мужа и чаша *терпения* у любовника однажды наполнятся до краев... И однажды они увидят ее в истинном свете. Именно этого поражения она и не сможет пережить. Наркотик же безмерно усугубит ее отвратительные природные качества и довершит разрушение личности.

*

Здоровье Алексея Александровича, сломленного горем, предательством и подлостью жены, резко падает - это замечают все. В итоге и в делах у него тоже начинает не ладиться. Он пропускает подлый ход своего недруга Стрёмова, и тактика этого хода очень похожа на поведение Анны. Я не буду на этом останавливаться, скажу только, что это еще одно подтверждение тому, что натура Алексея Александровича не приспособлена к подлостям - он совершенно бессилён перед чужой низостью и не способен вовремя ее распознать. В результате проект Алексея Александровича полностью дискредитирован, а место, на которое он метил, скоро получит Стрёмов.

А вот еще одна очень важная деталь в пользу Алексея Александровича. Он едет в Москву. Там он по стечению обстоятельств встречается с Долли. И Долли, выслушав его и увидев всю глубину его страданий - действительную глубину настоящих и при этом совершенно им не заслуженных страданий (это замечал и Бронский) - потрясается этим страданиям и в отличие от Анны жалеет его всей душой. Не на минуту жалеет, как Анна, и не ища при этом повода как можно быстрее перестать жалеть - опять-таки как Анна, а жалеет глубоко, сочувствуя и сострадавая. Долли слушала его всем сердцем, она смотрела в его мутные от внутренней боли глаза, и ей даже не нужно было говорить, что он ужасно несчастлив - она сама понимала это.

И глядя в измученное лицо Алексея Александровича, она впервые задумалась: а так ли уж невинна Анна, какую она хочет себя показать? И ее вера в Анну поколебалась...

И все-таки она просит его простить Анну. Но он не в силах. "Я не злой человек, я никогда никого не ненавижу, но ее я ненавижу всеми силами души и не могу даже простить ее, потому что слишком ненавижу за все то зло, которое она сделала мне! - проговорил он со слезами злобы в голосе".

Заметим: не с торжествующим *злым блеском* в глазах, как у Анны, а со *слезами злобы* - в *голосе*. То есть с едва удерживаемыми рыданиями, бессильными что-либо изменить.

*

Вечером он вдруг получает от жены депешу: "Умираю, прошу, умоляю приехать. Умру с прощением спокойнее".

Но он ей больше не верит. "Он презрительно улыбнулся и бросил телеграмму. Что это был обман и хитрость, в этом, как ему казалось в первую минуту, не могло быть никакого сомнения".

Итак, он уже научился не верить ни одному ее слову. Он уже знает: "нет обмана, пред которым она бы остановилась". Он уже понимает, что каждое ее слово преследует какую-то нехорошую игру, и ничего больше. Чего же она теперь добивается, думает Алексей Александрович, чего ей от меня надо, чего она хочет? "Узаконить ребенка, компрометировать меня и помешать разводу, - думал он".

И все-таки мысль о ее возможной смерти растревожила его. Однако не та мысль, что он потеряет ее - об этом он уже и не думает вовсе, больше того: его боль настолько сильна, что он уже и сам хочет, чтобы она наконец умерла, - так всякая жертва мечтает о смерти своего мучителя. Бесконечная цепочка обид, которые она методично наносила ему, нескрываемое злобное торжество, которые он видел в ее глазах, когда она причиняла ему боль, зловещий блеск во взгляде, обещающий продолжение мучений, - все это настолько изранило его, что мысль о ее возможной смерти даже приносит ему облегчение. И все-таки...

"А если это правда? - сказал он себе. - Если правда, что в минуту страданий и близости смерти она искренно раскаивается, и я, приняв это за обман, откажусь приехать? Это будет не только жестоко, и все осудят меня, но это будет глупо с моей стороны".

Ах, как ему хочется, чтобы она наконец раскаялась перед ним! Чтобы признала, как она была жестока и равнодушна к нему, - хотя бы в минуту смерти. А вдруг именно в минуту смерти она действительно хочет повиниться перед ним? Да, это бы смягчило его страшные раны... Но что если это очередной обман?.. Эта мысль сидит в нем гвоздем. Он слишком научен горьким - горчайшим! - опытом. Он больше ни на секунду не верит ей. И все-таки...

Он решает: "Если ее болезнь есть обман, то он промолчит и уедет". Но если... "если она действительно больна, при смерти и желает его видеть пред смертью, то он простит ее, если застанет в живых, и отдаст последний долг, если приедет слишком поздно".

Прощение! Он снова думает о возможности простить ее. Решено, он немедленно едет в Петербург. И он... больше не думает об этом.

*

Проезжая по утреннему пустынному Невскому, он думает о том, что "смерть ее развяжет сразу всю трудность его положения". Он желал этого и страшился себя, что способен этого желать.

Приехав, он узнает, что Анна еще вчера разрешилась от бремени девочкой. Он побледнел - "он ясно понял теперь, с какой силой он желал ее смерти". Он узнает, что здоровье Анны плохо - родильная горячка. Доктора уверяют, что надежды нет. В облегчение последних страданий ей дают морфин... И он тут же испытывает "некоторое облегчение от известия, что есть все-таки надежда смерти".

Вронский тоже здесь. Он сидел в ее кабинете и плакал. И Алексею Александровичу становится... жалко Вронского.

У Анны бред. Она говорит кому-то невидимому, что Алексей Александрович обязательно простит ее. Внезапно она приходит в себя и вдруг видит мужа - "она сжалась, затихла и с испугом, как будто ожидая удара, как будто защищаясь, подняла руки к лицу". Она торопливо говорит, что теперь она все поняла, что в ней живет

другая, что она сама ее боится, но что теперь, в эту минуту, она настоящая и она просит у мужа прощения.

Безусловно, в минуту смерти может произойти нравственное очищение, и человек может вдруг увидеть правду о себе и признаться в этом. Но, думается, что это морфин - страшный наркотик с эффектом мгновенного привыкания, -оказал на нее глубокое воздействие, возбудив в ней поначалу, как во всяком начинающем наркомане, ярко окрашенные острые положительные эмоции. Иначе как объяснить, что, оставшись в живых, она незамедлительно вернулась к себе прежней?

Алексей Александрович страшно взволнован - "он видел глаза ее, которые смотрели на него с такою умиленною и восторженною нежностью, какой он никогда не видал в них". И он стоял перед ее постелью на коленях и рыдал как ребенок.

"Душевное расстройство Алексея Александровича все усиливалось и дошло теперь до такой степени, что он уже перестал бороться с ним; он вдруг почувствовал, что то, что он считал душевным расстройством, было, напротив, блаженное состояние души, давшее ему вдруг новое, никогда не испытанное им счастье. Он не думал, что тот христианский закон, которому он всю жизнь свою хотел следовать, предписывал ему прощать и любить своих врагов; но радостное чувство любви и прощения к врагам наполняло его душу".

Она просит Вронского подойти. Она просит Алексея Александровича подать ему руку и простить его. Она просит доктора дать ей морфину. К полночи она впала в беспамятство.

Эти два дня в ожидании смерти Анны полностью переродили Алексея Александровича. Он пережил мучительный катарсис. Он стал другим человеком.

На третий день для Анны появилась надежда. В этот день Алексей Александрович вошел в комнату, где сидел Вронский. Понимая, что он может быть смешон в глазах любовника, он тем не менее твердо признается ему в том, что да, он хотел развода, - да, желание мстить преследовало его, - да, он желал ее смерти. Но теперь все изменилось - он увидел ее и все ей простил. Простил совершенно. Что ему открылось счастье прощения и что он молит Бога оставить ему только одно - это открывшееся счастье.

Рыданье мешает ему говорить. Вронский смотрит на него. То, что сказал Алексей Александрович, простой и довольно плоской натуре Вронского было совершенно непонятно - ни само состояние Алексея Александровича, ни его мысли и чувства. "Но он чувствовал, что это было что-то высшее и даже недоступное ему в его мировоззрении".

16. Вронский. Попытка самоубийства

"...не буду распространяться о попытке Вронского покончить с собой после разговора с Карениным у ее постели. Это слабая сцена. <...> Это незначительное событие вклинивается в тему сна-смерти, которая проходит через всю книгу и стилистически нарушает красоту и глубину самоубийства Анны. Если я не ошибаюсь, в главе о последнем путешествии героини в ее памяти ни разу не всплывает попытка Вронского покончить с собой. Не странно ли это? Анна должна была бы вспомнить

о ней, задумав свой собственный роковой план.

Толстой-художник понимал, что тема самоубийства Вронского звучит в иной тональности, что она другого оттенка и тона, решена совсем в ином ключе и стиле и художественно не связана с предсмертными мыслями Анны".

Ложь Набокова

В этом отрывке внезапно прозревший Набоков демонстрирует буквально чудеса наблюдательности: не странно ли, вопрошает Набоков, что в последней сцене самоубийства Анна не вспоминает о подобной же попытке Вронского покончить с собой? Из чего и делает дикий вывод, что Толстой, видите ли, понимал что-то там такое, что однажды и должен был понять Набоков, и что эти две сцены имеют якобы разный оттенок, тон и стиль.

Ну, во-первых, про оттенок, тон и стиль - это всего лишь пустые и мертвые литературоведческие красоты, ибо каждая сцена в романе не случайна, а стало быть, обязательна и несет определенную и крайне важную смысловую нагрузку. Во-вторых, Анна и не должна была в последней сцене вспомнить про попытку самоубийства Вронского - и вовсе не потому, что эти две сцены решены в каком-то там разном ключе и стиле (они решены в одном ключе). А потому, что эта трагическая попытка Вронского оставила Анну совершенно равнодушной, ибо ей на Вронского глубоко наплевать - как было наплевать на его чувства и переживания в сцене с неудачными скачками, на его карьеру, как позже будет наплевать на его увлечение земледелием. Ей наплевать на Вронского точно так же, как ей будет глубоко наплевать на собственную новорожденную дочку, да и на сына тоже, я уж не говорю про мужа. Анне наплевать на всех, кроме себя.

И никакой красоты в ее самоубийстве не будет - как нет никакой красоты ни в чем самоубийстве. А выискивать в самоубийстве красоту - это настолько чудовищная пошлость, что у меня просто нет слов.

В романе рассматриваются три попытки самоубийства, и все они имеют свою внешнюю причину, хотя суть их одна - неумная гордыня.

Левин всерьез задумывал покончить с собой - из мучительной невозможности найти смысл жизни; его спасло обретение веры в бога, что позволило ему увидеть наконец в себе корень зла - ту самую гордыню, высокомерие, которым поражен даже этот лучший персонаж романа.

Вронский пытался покончить с собой - из стыда, а также из страха, что в глазах окружающих он теперь будет осмеян и унижен - точно так же, как был по вине Анны осмеян и унижен презираемый всеми муж, который вдруг вознесся на недостижимую нравственную высоту и тем поменялся с Вронским местами. Типичный образец гордыни.

И наконец Анна - бросается под поезд вовсе не потому, что Вронский ее разлюбил, а совсем по другой причине, о которой мы уже давно и подробно говорим и о которой скоро все окончательно выясним. Но и здесь суть происшедшего - гордыня, и только она.

Разные формы этого порока, его губительное воздействие и причины, по которым гордыня поселяется в душе - вот что такое эти три попытки суицида в романе. И все эти три случая сделаны так, что каждый из них дает своему участнику возможность настоящего катарсиса, переосмысления себя, каждый поставлен перед выбором: отказаться от гордыни и жить (а отказ от гордыни возможен только с обретением в душе бога), либо умереть во имя гордыни.

Таким образом, сцена с Вронским не просто выполнена Толстым в одном ключе и стиле, но и прекрасно связана с намеренным и полным забвением этого события Анной в конце романа - связана не только художественно, но и глубоко психологически. И никакой слабости в этой сцене нет и быть не может - наоборот, эта сцена запоминается и оказывает сильнейшее эмоциональное воздействие, расставляя акценты и формируя более глубокое понимание происходящего.

Теперь о Вронском. В сущности, при всех его достоинствах (доброта, строгое соответствие принятому в его круге не такому уж и плохому кодексу чести, способность взять ответственность на себя) он пошляк. Связь с Анной в глубине души он рассматривал как возможность блеснуть этим. Он чувствовал себя обманщиком за то, что спит с чужой женой, но с удовольствием презирал за это не себя, а мужа и был уверен, что легко перестать считаться обманщиком, если разрешить дело дуэлью, на которой он еще и собирался покружиться, благородно выстрелив в воздух.

В нем постоянно происходит подмена нравственных ценностей. Вот и сейчас, потрясенный словами Алексея Александровича, хотя и не понимая их значения, он тем не менее чувствует себя "пристыженным, униженным, виноватым и лишенным возможности смыть свое унижение".

Этот жалкий, вызывающий насмешки муж вдруг "вознесен на внушающую подобострастие высоту, и этот муж явился на этой высоте не злым, не фальшивым, не смешным" - каким то и дело выставляла его Анна, "но добрым, простым и величественным". И теперь они словно поменялись местами. "Вронский чувствовал его высоту и свое унижение, его правоту и свою неправду. Он почувствовал, что муж был великодушен и в своем горе, а он низок, мелочен в своем обмане". И самолюбие Вронского жестоко, мучительно страдает.

На фоне великодушия Алексея Александровича к этому страданию прибавляется и стыд перед Анной. Ведь его недолгая страсть к ней уже начала охлаждаться. Теперь же поведение Анны во время ее болезни глубоко потрясло его - ему кажется, что именно теперь он увидел ее настоящую душу, такую же благородную, как и у Алексея Александровича. И ему стыдно, что он поддался ее злобности и усомнился в ней. А посему выходило, что из них трех он оказался единственно скверным. Именно эту мысль - что он хуже всех, что он даже хуже этого распоследнего и никем не уважаемого мужа - он и не может пережить.

Также и третья мучительная мысль не оставляет его - он вспоминает глаза Анны, "с нежностью и любовью смотрящее не на него, а на Алексея Александровича". И от этого он чувствует себя в этой истории еще смешней и глупей в глазах окружающих.

Наконец, он думает о том, что теперь, признав в своем муже достоинство и духовное величие, она бросит его. Что теперь и в ее глазах именно он, а не муж, смешон и жалок.

Мучительный стыд, унижение, осознание поправленного достоинства пронзает его. Он взял со стола револьвер и задумался. Так стоял он минуты две, а потом выстрелил себе в сердце.

Конечно, этот поступок трагический. Однако это вовсе не отменяет его внутренней сути - все той же пошлости. Да, катарсис не обошел и Вронского. Глубоко прочувствовав всю низость и стыд своего поведения, которое прежде всего, по мысли Вронского, отразится теперь на отношении к нему окружающих, он был ошеломлен и сломлен - точно так же, как в свое время был унижен, ошеломлен и сломлен Алексей Александрович. И, не умея выйти из этого состояния, не умея оценить себя и свои поступки в безжалостном свете внутренней честности, которая привела бы его к внутренним же изменениям, Вронский выбрал смерть.

Однако он выжил. И что? И ничего. Как только он начал поправляться, он тут же - с абсолютно спокойной совестью! - решил, что этой своей попыткой самоубийства "как

будто смысл с себя стыд и унижение, которые он прежде испытывал". Что отныне он может с чистой совестью смотреть на Алексея Александровича. И что у него больше нет причин чувствовать себя униженным. И что, стало быть, он может спокойно вернуться к своим прежним поступкам. Вот вам и весь катарсис.

Попытка самоубийства явилась для него всего лишь тем самым удобным искуплением греха, после которого можно грешить дальше. Невероятная пошлость такого отношения к искуплению даже не приходит ему в голову.

Поэтому, как только он получил возможность увидеться с Анной (которая опять позвала его в дом мужа - нагло используя новые христианские принципы Алексея Александровича), он немедленно пошел к ней - спокойно и даже с чувством полного на это права повторив свой предыдущий поступок. И на этот раз даже не озаботившись, дома ли муж, и не оскорбит ли мужа очередной приезд в его дом любовника жены - ведь Алексей Александрович сам сказал, что у него теперь есть счастье прощения, значит, он теперь все им простит - значит, им все позволено...

И Вронский пошел. И даже ни на секунду не задумался: а почему это Анна, которая, казалось бы, также пережила полное нравственное перерождение, с таким прежним откровенным неуважением к мужу снова зовет его в мужнин дом?..

17. Возвращение зла. Дело о встрече с Вронским

"В иные минуты он [Каренин] способен на добрые порывы, на широкий жест, но быстро забывает об этом и ради них не может поступиться своей карьерой".

Ложь Набокова

Во-первых, поступиться своей карьерой от него никто и не требовал. Во-вторых, благодаря Анне - благодаря откровенно наглым встречам с любовником - Алексей Александрович был выставлен на всеобщее посмешище, в связи с чем так и так потерял карьеру. Но, как человек, который никогда не служил ради карьеры, а всегда стремился использовать свой служебный рост во благо России, он этого и не заметил.

А вот добрые порывы, на которые он способен, составляют весь роман, а не "иные минуты", как бесстыдно солгал профессор Набоков.

*

С момента болезни Анны прошло два месяца. За это время Алексей Александрович понял, что все произошедшее было ошибкой... Раскаянье жены было недолгим. Он это видел по ее возобновившейся непонятной ненависти к нему. Однако его прощение и жены и Вронского было настоящим и осталось в нем, принеся ему полное утление страданий и душевный покой.

"Он вдруг почувствовал, что то самое, что было источником его страданий, стало источником его духовной радости, то, что казалось неразрешимым, когда он осуждал, упрекал и ненавидел, стало просто и ясно, когда он прощал и любил".

Он понял вдруг, откуда рождалась в нем ненависть и жажда мести - ему было жалко себя. Теперь же он глубоко жалел других - и Анну, и стрелявшегося Вронского, и сына. И жалость к другим убивала в нем жалость к себе, принося глубокий духовный покой.

К новорожденной же девочке - дочке любовника жены! - он испытывал не только жалость, но и нежность. Он по несколько раз в день (!) ходил в детскую и подолгу любовался ребенком, которому именно он буквально спас жизнь. "Сначала он из одного чувства сострадания занялся тою новорожденною слабенькою девочкой, которая не

была его дочь и которая была заброшена во время болезни матери и, наверно, умерла бы, если б он о ней не позаботился, - и сам не заметил, как он полюбил ее".

Откуда же взялась в нем эта любовь? Из поступков, из действий, которые, в свою очередь, заставило его совершить сострадание к ребенку - без этих поступков (а не просто жалостливых слов!) девочка бы погибла. Природой его жалости была любовь. В отличие от другой жалости - жалости к себе, природа которой гордыня.

Итак, два христианских принципа: "подставь другую щеку", "отбирают кафтан, отдай и рубашку" - были восприняты им на глубине души. Однако он понимал, что кто-то обязательно постарается этим грязно воспользоваться - и как тогда этому противостоять, и нужно ли, и в каких пределах? И еще понимал, что эти грязные манипуляции могут быть слишком сильны и настойчивы - и как тогда уберечь в себе эти принципы, чтобы, пытаясь выжить, вовсе не отказаться от них?..

*

Итак, кризис прошел, и вот его итоги: Вронский стрелялся, Алексей Александрович стал другим человеком, раскаянье Анны оказалось слишком коротким. И вот...

"Когда прошло то размягченье, произведенное в ней близостью смерти, Алексей Александрович стал замечать, что Анна боялась его, тяготилась им и не могла смотреть ему прямо в глаза. Она как будто что-то хотела и не решалась сказать ему и, тоже как бы предчувствуя, что их отношения не могут продолжаться, чего-то ожидала от него".

Чего же она боялась в муже? Она боялась в нем того нового человека, каким он стал. Именно этим человеком она и раньше тяготилась, а теперь и подавно. А вот в глаза ему она не может смотреть потому, что ей было неловко за то, что в момент кризиса она просила у него прощенья и призналась в своей вине перед ним. Ибо кризис прошел, и зло вернулось к ней.

Анна опять, как и всегда, озабочена исключительно собой. Все остальное ей попросту не интересно. Ей уже намного лучше, она даже принимает гостей, но вот про новорожденную она... совершенно забыла. Она не просит принести девочку, не интересуется ее здоровьем.

А девочка заболела... Но Анне об этом даже и не докладывают - прислуга про эту мать уже все прекрасно поняла. И только одному Алексею Александровичу есть дело до этого ребенка.

С утра, как обычно (!) он заходит в детскую (кстати, его никто не просит об этом, он делает это сам), распоряжается вызвать врача, уезжает по делам, а вернувшись, сразу же снова идет в детскую и спрашивает у гувернантки, что сказал доктор и почему девочка все еще кричит - *страдает*, как он выразился ("Но она все страдает, - сказал Алексей Александрович, прислушиваясь к крику ребенка в соседней комнате"). Гувернантка уверяет, что причиной плохая кормилица. Но Алексей Александрович не удовлетворяется ответом - он подробно расспрашивает. После чего входит в комнату девочки и дополнительно советуется с няней, то есть подходит к вопросу не абы как, а обстоятельнейшим образом. Няня согласна насчет кормилицы, и тогда он снова распоряжается вызвать доктора - теперь уже осмотреть кормилицу.

Таким образом, налицо целый ряд поступков, и каждый из них требует душевного внимания и горячего желания помочь.

Он спрашивает у няни, почему про кормилицу не сказали раньше. "Кому ж сказать? Анна Аркадьевна нездоровы всё, - недовольно сказала няня". Это недовольство направлено именно на Анну Аркадьевну - слуги прекрасно все понимают: выражение "нездоровы всё" сказано с подтекстом, с сарказмом, ведь болезнь-то давно прошла, вот уж и гостей давно принимает, да уж больно выгодно продолжать прикидываться нездоровой. Алексей Александрович и сам чувствует досаду на жену за то, что она совершенно забыла о девочке. Из-за этого ему даже не хочется идти к жене. Однако он все же идет.

У Анны гости - княгиня Бетси Тверская. У дверей он случайно слышит обсуждение Вронского: Бетси сообщает ей, что тот уезжает навсегда, в Ташкент, и она уговаривает Анну встретиться с ним напоследок. Но, как уже можно догадаться, если ее уговаривают, то она обязательно не согласится. И точно! Анна высказывает нежелание встречи с Вронским. Бетси убеждает - Анна продолжает отказывать, попутно демонстрируя ей свои высокие духовные принципы. Именно демонстрируя, всего лишь производя *нужное* впечатление. А главное - не желая брать ответственность за эту встречу на себя.

Но встретиться с Вронским ей хочется - ведь он стрелялся, а это безусловно добавляет ей блеска в свете, ставя ее на недостижимую высоту, и вот он уезжает навсегда - разве можно упустить столь романтическое свидание? Но что же делать? А все очень просто: надо заставить самого Алексея Александровича разрешить ей эту встречу. А вот и он кстати.

И вот он входит, и Бетси тут же собирается уходить (она терпеть не может Алексея Александровича, да и он ее, мягко говоря, недолюбливает - и вообще, и в частности после того, как она предоставляла свой дом для свиданий его жены с любовником). Но Анна решительно останавливает подругу - она желает в ее присутствии пересказать мужу их разговор. Она краснеет... Ей как бы трудно говорить... И вот, как бы собравшись духом, она объявляет Алексею Александровичу, что она не хочет и не может иметь от него никаких тайн, что граф Вронский отбывает в Ташкент по службе и хотел бы прийти и проститься с ней, но что она только что объявила Бетси, что не может его принять.

Однако, говоря это, она *не смотрит* на мужа. И совершенно понятно почему - потому что ее слова совершенно не соответствуют ее истинным намерениям. И это немедленно проявляется в мелочах. Вот, к примеру: она утверждает, что не может принять Вронского и что это именно ее решение (при этом, заметьте, принять всего лишь *не может*, а не "*не хочет*"). Однако Бетси, прекрасно понимая, что это всего лишь привычная ей игра в искренность, а никак не сама искренность, и тут приходит Анне на помощь и поспешно уточняет:

"- Вы сказали, мой друг, что это будет зависеть от Алексея Александровича, - поправила ее Бетси".

Но услуга Бетси оказалась на этот раз медвежьей, и Анна торопится замазать опасное впечатление от слов подруги: нет-нет, уверяет она, это я сама, я не могу его принять, да это ни к чему и не...

Тут она внезапно остановилась "и взглянула *вопросительно* на мужа". И совершенно понятно почему. Потому что Бетси сказала правду! И сейчас Анна очень надеется, что муж возьмет на себя ответственность за этот безнравственный поступок - и ей не придется даже просить его об этом, а он сам с христианским смирением и милосердием разрешит ей свидание с Вронским - ведь Алексей Александрович стал другим человеком, не так ли? Ведь он живет по христианским законам - а разве они не предписывают ему подставлять другую щеку? Разве долг христианского смирения не обязывает его отныне смиренно принимать у себя любовника жены?

И она вопросительно смотрит на мужа. Но в этот момент он не смотрел на нее. А теперь, после ее слов о том, что она не хочет и не может иметь от него никаких тайн и что она сама не может принять Вронского - после этих ее слов он подвинулся к ней и хотел взять ее руку. Жест направленного добросердечия и доверия. В ответ же она... отдернула руку! Почему? А потому что муж, видите ли, верит ей, муж как последний дурак даже не хочет догадываться, чего на самом деле она сейчас от него ждет - чтобы он своим христианским согласием покрывал ее гнусное намерение и чтобы таким образом оно перестало быть гнусным - он не хочет этого понять! А раз не понимает, то и не делает. И за это она испытывает к нему отвращение. Однако, сделав над собой усилие, все же заставила себя пожать руку мужа. И муж все это... заметил.

Тут снова вмешалась Бетси. Уж очень роман Анны с Вронским развлекает ее - так жаль, если очередная мыльная серия не состоится. И вот Бетси горячо уверяет Алексея Александровича, что она очень любит и уважает его, что она считает его "за истинно великодушного человека", а потому советует ему принять Вронского - ведь именно так, уверяет Бетси, и обязан поступить истинно великодушный христианин.

Анна молчит. Все уже сделано руками Бетси, и теперь она затаенно ждет решения мужа. Но тут происходит осечка - Алексей Александрович вдруг не пожелал брать на себя ответственность за это решение.

"- Благодарю вас, княгиня, за ваше участие и советы. Но вопрос о том, может ли, или не может жена принять кого-нибудь, она решит сама.

Он сказал это, по привычке с достоинством приподняв брови, и тотчас же подумал, что, какие бы ни были слова, *достоинства не могло быть в его положении*. И это он увидел по сдержанной, злой и насмешливой улыбке, с которой Бетси взглянула на него после его фразы".

Итак, попытка использовать простодушие и порядочность мужа, для отвода глаз забросав его комплиментами, провалилась, и Бетси немедленно награждает его злой и насмешливой улыбкой - и правильно, речь-то опять идет о любовнике, речь идет о том, чтобы под давлением фальшивой искренности и используя новые принципы Алексея Александровича вынудить его на очередное унижение собственного достоинства.

Бетси уходит. Анна *испуганно* смотрит на мужа, и ее лицо *заплакано*. В трудную минуту Анна любит прибегать к испугу на заплаканном лице - это всегда действует на тех, кто склонен к доброте и жалости к другим.

Однако на этот раз Алексей Александрович такое выражение понял по-своему. Он понял эти слезы не как вымогательские оплакивания невозможности встретиться с Вронским, а как трудную борьбу с собой и как дань ее решению не принимать Вронского - после тех ее слов, сказанных ему в момент кризиса, он еще верит, что она действительно решила не принимать любовника. А ее испуг он приписывает тому, что Анна переживает за то, что она невольно, с подачи Бетси, подняла опасную и неприятную для мужа тему Вронского.

И Алексей Александрович торопится ее успокоить: он кротко говорит ей, что благодарен ей за ее доверие к нему и еще более благодарен ей за ее решение, которое она приняла. И что он тоже, как и она, считает визит Вронского ненужным, поскольку раз уж он все равно уезжает, то и...

"Да уж я сказала, так что же повторять? - вдруг перебила его Анна с *раздражением*, которое она *не успела удержать*". Быстро спохватившись, она меняет тон: "Не будем никогда говорить про это, - прибавила она спокойнее".

Разумеется, Алексей Александрович это раздражение прекрасно замечает, однако опять-таки приписывает его по-человечески понятным эмоциям (все-таки любовник и все-таки решила не принимать... переживает, наверно). И он снова решает ее дружески поддержать:

"- Я предоставил тебе решить этот вопрос, и я очень рад видеть... - начал было Алексей Александрович.

- Что мое желание сходится с вашим, - быстро dokonчила она, раздраженная тем, что он так медленно говорит, между тем как она знает вперед все, что он скажет".

На самом деле она раздражена совсем не этим. Она раздражена тем, что попала в свою собственную ловушку. Ведь она только лишь делала вид, что готова отказаться от визита Вронского! И делала она этот вид только для того, чтобы в ответ, видя такое благородство и жертвенность с ее стороны, Алексей Александрович немедленно совершил бы ответное действие такого же благородства и жертвенности - и со слезами умиления на глазах согласился бы на визит любовника. Ведь она уже отказалась, и ведь он же видит, как ей хочется увидеться с Вронским! Так разве теперь, после ее благородного отказа, он не должен сам предложить ей это? Но этого не произошло - ее отказ принят мужем за чистую монету, а ее раздражение вызывает в нем лишь повышенную терпеливость - как к человеку, которому трудно идти по новому пути.

И вот, опять лишь кротко вздохнув в ответ на ее раздражительность, он снова пытается найти общую тему. Он вспоминает про ее дочку. Ему так приятно думать о ней. Ему кажется, что его забота о ребенке смягчит Анну.

"- А я сейчас послал за доктором, - сказал Алексей Александрович.

- Я здорова; зачем мне доктора?"

Действительно. Разве кто-то еще, кроме нее, может нуждаться в заботе?

Да нет, это для дочки, без всякой задней мысли спокойно поясняет Алексей Александрович, она кричит, ей голодно, молока не хватает. И тут Анна с ужасом понимает, как она прокололась - да разве можно родной матери настолько забыть о своем ребенке? И она тут же кидается в атаку (как известно, нападение - лучшее средство защиты):

"- Для чего же ты не позволил мне кормить, когда я умоляла об этом? Все равно (Алексей Александрович понял, что значило это "все равно"), она ребенок, и его уморят. - Она позвонила и велела принести ребенка. - Я просила кормить, мне не позволили, а теперь меня же упрекают.

- Я не упрекаю...

- Нет, вы упрекаете! Боже мой! зачем я не умерла! - И она зарыдала".

А ведь он ее действительно ни в чем не упрекал. Упреки мерещатся ей самой - это ее нечистая совесть заставляет ее слышать их. Ну и, понимая, что все это ее поведение выглядит нелепо, и все-таки еще боясь вывести мужа из его долготерпения, она быстро просит прощенья за свою раздражительность и несправедливость...

Но увы. Слишком велик и разителен контраст в ее поведении, и он говорит о многом. Слишком большую и почти нескрываемую ненависть к себе со стороны выздоровевшей Анны чувствует он все эти дни.

"Нет, это не может так оставаться", - решительно сказал себе Алексей Александрович, выйдя от жены".

*

Ненависть в эти дни он чувствует отовсюду. Он чувствует, что его новые жизненные принципы - принципы прощения - никому не нравятся, и что в отношении жены все от него чего-то ждут, и Анна в том числе, и он никак не мог понять чего. И в ответ на их ненависть в нем поднимается злоба.

Чего же ждала от него Анна? Она ждала, что отныне его новое отношение к жизни, его приобретенное "счастье прощения" позволит ей безнаказанно совершать любую

низость и что теперь в отношениях с мужем ей вообще не нужна будет никакая совесть - ведь теперь муж должен с радостью прощать ей всё. Другие ждали от него того же, заранее презирали Алексея Александровича и мечтали посмотреть на этот бесплатный цирк.

Но вот беда. Алексей Александрович, переживший духовное возрождение через нравственное страдание и открывшееся ему счастье прощать, верит, что в момент близости к смерти и ей тоже открылся точно такой же путь, что ее раскаянье было глубоким и искренним, и что после такого раскаянья она уже не сможет быть прежней. Именно поэтому он и предоставил ей право решать самой, звать или не звать Вронского, - это был акт духовного доверия к ней.

И вот теперь, после визита Бетси почувствовав всю силу не только прежней, но даже и возросшей ненависти Анны к себе, он вдруг понял, чего же именно она от него хочет - чтобы, повторю еще раз, своим бесконечным прощением он помогал ей оправдывать ее низость. И он... Он согласен на это. Только бы дети, которых он в отличие от Анны действительно любит (и в частности эта крошечная девочка, к которой он так глубоко успел привязаться), остались при нем, только бы не срамить их разводом.

Он согласен. Малодушие? Да, малодушие. Он и сам знает это. Но он слишком привязан к детям. Он их любит.

Что ж. Надо ей Вронского? Пусть приезжает. Пусть делают что хотят.

18. И снова дело о разводе. Вымогательство

"У постели Анны, еще не оправившейся после родов и уверенной в близкой смерти (которая, однако, ее минует), Каренин прощает Вронского и пожимает ему руку с истинным христианским смирением и великодушием. Вскоре он опять изменится, станет холодным и неприветливым..."

Ложь Набокова

В предыдущей главке мы уже видели, что если кто и изменился в худшую сторону после болезни Анны, то это сама Анна. Поэтому упрекать Алексея Александровича в том, что в ответ на вновь возникшую и уже с трудом скрываемую страшную ненависть с ее стороны он опять становится "холодным" и "неприветливым" к ней, это по меньшей мере глупо. А каким надо быть с человеком, который тебя ненавидит? Довольным и приветливым? Я бы хотела посмотреть на человека, который, встречая откровенную ненависть в свой адрес, становится к ненавистнику только приветливей и теплей.

*

Итак, Анна больше не может с ним жить. Она больше не может выносить его великодушие - ее от него тошнит. Слишком велик стал контраст - на его фоне ей стало слишком видно ее ничтожество. Да, она и ногтя его не стоит, как позже именно так признается брату и сама Анна. И теперь остаться с мужем возможно для нее только при одном обстоятельстве - если она станет таким же человеком, как он. Но тогда... это будет слишком скучная жизнь. Нет-нет, она не вынесет такой жизни. Ей слишком нравится зло - оно искусственно насыщает ее пустую жизнь остротой эмоций и ощущением могущества. Нет-нет, она не может с ним жить, теперь ей это совершенно

ясно. Развод? Но она не хочет развода... Она просто хочет уйти от мужа. Вернее, не так: она хочет и с мужем остаться и к любовнику уйти!

Однако, чтобы уйти к любовнику, ей все-таки нужен предлог... И развод - самый приличный предлог из всех, хотя и не более чем предлог. Развод понарошку. Хорошее решение. Но пусть на всякий случай об этом ему скажет кто-то другой... Например, брат. Тогда она всегда сможет сослаться на то, что брат попросту превысил свои полномочия...

А тут и брат легок на помине. И вот она (заметьте: ни словом не говоря о разводе!) рисует Стиве мрачную картину своей несчастливой жизни с мужем и для пущего эффекта намекает в конце, что у нее нет другого выхода, кроме как... смерть, потому что она "погибла, погибла" - и даже "хуже чем погибла". После чего снова намекает, что единственный выход для нее - смерть.

Стива пугается. И, пытаясь ее успокоить, начинает наконец говорить то, что и нужно Анне. Что она вышла замуж за человека намного старше ее... что вышла не по любви... что это была ошибка ("Ужасная ошибка!" - тут же фиксирует Анна)... что она имела несчастье полюбить другого...

После каждой фразы он останавливается, ожидая возражений. Но возражений нет.

И вот Стива весьма осторожно, как ему кажется, уводит сестру от опасных мыслей о смерти и плавно подводит ее к другому решению - к разводу. После чего, во избежание ошибки и прежде окончательного упоминания о разводе, задает ей прямой вопрос - точно так же, как и Алексей Александрович всю жизнь пытается задать ей прямой вопрос:

"- Теперь вопрос в том: можешь ли ты продолжать жить с своим мужем? Желает ли ты этого? Желает ли он этого?"

Но Анна очень не любит прямых вопросов. И Анна вовсе не хочет развода. И Анна начинает юлить и выкручиваться - только бы не сказать ничего определенного, только бы не дать возможности сослаться на ее прямые слова:

"- Я ничего, ничего не знаю.

- Но ты сама сказала, что ты не можешь переносить его.

- Нет, я не сказала. Я отрекаюсь. Я ничего не знаю и ничего не понимаю.

- Да, но позволь...

- Ты не можешь понять. Я чувствую, что лечу головой вниз в какую-то пропасть, но я не должна спасаться. И не могу.

- Ничего, мы подстелим и подхватим тебя. Я понимаю тебя, понимаю, что ты не можешь взять на себя, чтобы высказать свое желание, свое чувство.

- Я ничего, ничего не желаю... только чтобы кончилось все.

- Но он видит это и знает. И разве ты думаешь, что он не менее тебя тяготится этим? Ты мучишься, он мучится, и что же может выйти из этого? Тогда как развод развязывает все, - не без усилия высказал Степан Аркадьич главную мысль и значительно посмотрел на нее".

Вот оно! Нужное решение высказано - и высказано *не ею*. Теперь в случае чего она всегда может сослаться на то, что была слишком расстроена, чтобы хоть что-нибудь понимать в предложении Стивы.

Но все-таки свое согласие как-то нужно исхитрится дать понять. При этом как бы и не давая согласия. Как бы *да* и как бы *нет*. И что же делает Анна? А она мастерски производит тройную комбинацию: 1) она ничего не отвечает, то есть ничего не произносит вслух, 2) она отрицательно качает головой [нет-нет, она не хочет этого], 3) но при этом ее лицо просияло счастьем [да-да, она очень этого хочет].

Брат чувствует себя великим психологом, он доволен, и главное - дело о разводе он берет на себя. Решено: он немедленно идет к Алексею Александровичу!

И как же реагирует на это Анна? *Молча*. Вот только в глазах ее появился знакомый блеск: "Анна задумчивыми блестящими глазами посмотрела на него и ничего не сказала"...

19. Согласие на развод

"Анна пытается вырваться на волю из фальшивого, бездушного мира. Обманывать мужа, как делали "порядочные женщины" ее круга, никем за это не осуждаемые, она не может. Развестись с ним тоже невозможно: это означает отказаться от сына. Сережу, горячо любящего мать, Каренин не отдает ей - из "высоких христианских побуждений".

Вранье из Учебника русской литературы

Сейчас мы увидим, кто и кого и кому не отдает. И по каким причинам. И не отдает ли вообще. А пока припомним, что обманывать мужа Анна очень даже могла - она преспокойно делала это целый год, да еще и на глазах у мужа, а на все попытки Алексея Александровича поговорить, на все его просьбы сказать ему правду и тем избавить от мучений, она отвечала веселым недоумевающим взглядом.

*

Стива с "несколько торжественным лицом" идет к Алексею Александровичу. Сам Алексей Александрович в это время взволнованно расхаживает по кабинету, и его глаза тусклы - два верных признака его глубокого душевного волнения. От него не укрылось отвращение к нему Анны, он снова чувствует ее странную ненависть к себе, и он понял ее истинное желание насчет визита Вронского. И он пришел к выводу, что так продолжаться не может.

Он пишет Анне письмо - он предлагает ей прямо, не таясь и не боясь, высказать свое желание, чего же она от него хочет. Таким образом, он снова предлагает Анне то, чего она с таким искусством всегда торопится избежать - *самой* высказать свое желание, *самой* совершить нужный ей поступок и *самой* нести за него ответственность.

Входит Стива и при виде Алексея Александровича внезапно ощущает два непривычных ему чувства: смущения и робости. И это так странно для него, что Стива даже не смог поверить, "что это был голос совести, говоривший ему, что дурно то, что он был намерен делать".

Таким образом, Набоковым пропущена еще одна прямая подсказка Толстого, не оставляющая сомнений в истинных характеристиках героев: при встрече с Алексеем Александровичем, к которому он пришел с дурными намерениями, полностью одобренными Анной, Стива чувствует укол совести. Вот и Анна при взгляде на мужа чувствует то же самое (семейка-то одна), поэтому она и не может больше с ним жить, само присутствие Алексея Александровича заставляет ее постоянно вспоминать о совести, вернее о собственной бессовестности.

Но вернемся к Стиве. Внезапный и редкий гость в душе Степана Аркадьича - голос совести - отнюдь не мешает ему приступить к дурному делу (правда, немного краснея при этом - как и Анна, когда она брала деньги от Алексея Александровича). И для

начала он лжет - уверяя Алексея Александровича в своей искренней любви к нему и своем безмерном к нему уважении (совсем как княгиня Бетси).

В ответ Алексей Александрович все с теми же тусклыми глазами (повторяю: верный признак глубоких внутренних мучений) подает ему свое письмо к Анне. И Стива читает: "Скажите мне вы сами, что даст вам истинное счастье и спокойствие вашей души. Я предаюсь весь вашей воле и вашему чувству справедливости".

Письмо повергает Стиву в изумление. Письмо слишком прямо требует от Анны прямо же озвучить свое решение. "Я желаю знать, чего она хочет", - говорит Алексей Александрович. Но именно этого Анна и не желает говорить. И Стива тут же приходит ей на помощь - и начинается игра под названием "скажи это сам":

"Я боюсь, что она сама не понимает своего положения. Она не судья, - оправляясь, говорил Степан Аркадьич. - Она подавлена, именно подавлена твоим великодушием. Если она прочтет это письмо, она не в силах будет ничего сказать, она только ниже опустит голову".

Алексей Александрович теряется. Да, говорит он, но если она так уж ничего не понимает, то как же тогда узнать, чего она хочет?!

И Стива немедленно и с большой искренностью уверяет Алексея Александровича, что все зависит исключительно от него одного, что это именно он должен прямо указать те меры, которые он находит нужными: "...от тебя зависит указать прямо те меры, которые ты находишь нужными, чтобы прекратить это положение".

Но как прекратить? - удивляется не слишком догадливый Алексей Александрович. Стива с большой живостью напоминает: "Было время, когда ты хотел разорвать..."

Этой фразой он пытается внушить Алексею Александровичу мысль, что это ведь *он* хотел развода, что однажды это ведь уже было *его* решением, и значит, сейчас это тоже должно стать исключительно *его* решением. Хотя, уверяет Стива, Анна этого тоже, конечно, хочет, да, но ведь она, уверяет Стива, ни за что этого не скажет, ведь она, уверяет Стива, так и будет мучиться всю жизнь, но ни за что не захочет обидеть Алексея Александровича предложением развода, а разве он хочет мучить ее всю жизнь? Тем более что, уверяет Стива, мучиться всю жизнь она будет исключительно по его вине - ведь это он не захотел догадаться. Тем более что она и сейчас так ужасно мучается, бедняжка, и ведь ни за что не скажет об этом.

Алексей Александрович сморщивается от волнения. Он понимает: развод возможен только в одном случае - если будут представлены доказательства прелюбодеяния Анны. Но если она так страдает... Имеет ли он право усугубить ее страдания? Так что же, взять ее вину на себя?

И вот он, невинный человек, всерьез думает об этом. Чувство собственного достоинства и религиозные соображения противятся в нем наговору на себя. Прелюбодеяние противно его нравственным убеждениям. Таким образом, взять на себя чужую вину будет нечестно по отношению к самому себе - а чем он хуже Анны? Почему он должен расплачиваться за то, что совершил другой человек? Но этот другой - Анна, которую он... *любит*. А он все еще любит ее. И которую он *простил*.

И вот теперь - после прощения - опозорить ее кажется ему еще большим ужасом, чем опозорить себя. И как быть с сыном? Оставить с собой? Но это будет похоже на мщение. Отпустить его в чужую семью? Но как будут там с ним обращаться? Да и девочка, дочь Вронского... ведь Анна заберет ее, а он так ее полюбил! Да и сама Анна - имеет ли он нравственное право давать ей развод? Ведь когда Вронский бросит ее (уверен Алексей Александрович), она заведет себе нового любовника и так дойдет до самого дна - имеет ли он право не думать об этом и разводом обрекать ее на дальнейшее падение?

Все это были давние мысли Алексея Александровича. Сейчас, слушая Стиву, он не верил ни одному его подлому слову, и все-таки он чувствовал, что есть некая могучая сила, которой он никак не найдет имени, но очень похоже, что эта грубая сила есть чужая воля, стремящаяся ко злу, и что эта темная сила заставит его подчиниться...

А Стива между тем продолжает выторговывать наилучшие для сестры и совершенно несправедливые для Алексея Александровича условия развода - он тонко демонстрирует полную покорность Анны и ловко подчеркивает великодушие Алексея Александровича: "Вопрос только в том, как, на каких условиях ты согласишься сделать развод. Она ничего не хочет, не смеет просить тебя, она все предоставляет твоему великодушию".

И Алексей Александрович *правильно* понимает Стиву: бессовестно прикрываясь его великодушием, они, брат и сестра, хотят только одного - чтобы он взял стыд на себя.

И только еще подумав о стыде, Алексей Александрович закрывает лицо руками как от позора. И Стива, имеющий такую же бесстыдную натуру, как и Анна, еще позволяет себе нагло утешать его.

Но Алексей Александрович перебивает его и совершает наконец ту самую ошибку против себя, которой от него и хотели:

"- Да, да! - вскрикнул он визгливым голосом, - я беру на себя позор, отдаю даже сына, но... - но не лучше ли оставить это? Впрочем, делай, что хочешь..."

И он, отвернувшись от шурина, так чтобы тот не мог видеть его, сел на стул у окна. Ему было горько, ему было стыдно..."

Однако вместе с горечью и стыдом он испытывает "радость и умиление пред высотой своего смирения". На самом деле именно сейчас никакой высоты не было. И никакого смирения тоже. И никакого отношения к христианскому принципу "подставь другую щеку" все это также не имело.

На самом деле произошла банальная история: два подлеца посредством умелых нравственных подлогов и намеренного растравливания в Алексее Александровиче гордыни (а он тоже подвержен ей, как и всякий человек, о чем и написан роман) попросту добились своего: не сумев противостоять их натиску, Алексей Александрович попросту подменил понятия и в качестве моральной компенсации выдал свою позорную капитуляцию за высоту смирения.

Об этом тут говорит следующее. Настоящее смирение не думает о плате за себя, а тут произошла именно плата: Алексей Александрович тут же испытал радость и умиление пред собственной духовной высотой. Настоящее же смирение никогда себе не умиляется и никакой своей высоты не подсчитывает, тем более не испытывает никакой радости по этому поводу - настоящее смирение естественно, ему не за что себя хвалить.

А вот принцип "подставь вторую щеку" вовсе не означает, что ты должен переступить через себя и стать лжесвидетелем. Лжесвидетельство - это преступление, а не христианская благость. Лжесвидетельство - это покрывание греха, попустительство. Ибо покрывание греха ведет к безнаказанности, а ведь именно безнаказанность и заставляет человека гибнуть в конечном итоге. И никакой идеи спасения в покрывательстве нет.

Кроме того, он был обязан подумать о сыне и честно признаться себе в том, что если Анна смогла запросто забыть о новорожденной дочке, то ни о какой любви ни к дочери, ни к сыну, ни к кому бы то ни было еще с ее стороны речи быть категорически не может, а все эти просьбы отдать ей сына есть только попытка с ее стороны скрыть как раз отсутствие любви к сыну (как осуждаемый в обществе нравственный дефект). И, стало быть, отдавать сына не любящей его матери, да еще обрекать его на положение пасынка - это преступление по отношению к сыну.

Но что сделано, то сделано. Итак, Анна - в результате некрасивых манипуляций в расчете на чужое великодушие и умело играя на жалости к себе - получает свободу, честное имя и сына, а Алексея Александровича получает чужой стыд, незаслуженно опозоренное имя и пустой дом.

Стива ласковым голосом уверяет Алексея Александровича, что Анна обязательно оценит его великодушие и в порыве гнусности даже сообщает, что "видно, это была воля божия".

Но, сказав так, он и сам тут же почувствовал (у Стивы хороший литературный слух), что это звучит как-то глупо. Не подло, заметьте, а всего лишь глупо! Ну что ж, Стива умеет себя любить - и он "с трудом удержал улыбку над своею глупостью".

*

Согласие на развод тут же развязало Анне руки - она сочла, что уж теперь-то она точно вправе звать своего любовника в дом своего великодушного мужа. Вронский тоже не стал беспокоить себя вопросами морали - ведь он уже стрелялся, а значит, по мнению Вронского, никакой подлости на нем больше и нет. И вот он, даже "не спрашивая, когда можно, где муж" (тонко уточняет Толстой), тут же понесся к Карениным.

Происходит бурная сцена встречи, очень романтическая, с надрывом. Они решают жить вместе и немедленно уехать в Италию поправлять здоровье Анны: "Да, я очень слаба, - сказала она, улыбаясь. И губы ее опять задрожали".

Это еще одно кодирование Вронского: она слаба, она очень слаба (ты запомнил, что я слаба?), при этом ее губы дрожат (ты понимаешь, что я нуждаюсь в твоей жалости больше других?).

В процессе обоюдного восторга Анна вдруг прагматично сообщает (и это удивляет Вронского - как она может в такую высокую минуту думать о таких практичных вещах?), что Алексей Александрович согласен на развод, "что он на все согласен", но что Анна разводиться... не будет.

Учитывая, что муж идет целиком на все ее условия, такое ее решение по меньшей мере странно. Чем же она объясняет свой странный отказ от развода? Ну, поскольку причин для отказа у нее теперь уже совсем никаких нет, то она объясняет его... высокими материями. Дескать, потому не буду разводиться, что "я не могу принять его великодушие". И еще, дескать, потому, что "мне теперь все равно" - типа раз мы наконец вместе, то мне больше нет дела до таких пустяков, как развод.

Но вот подозрительный нюанс: эти два якобы высоких и якобы искренних соображения она высказывает "задумчиво", а главное - "глядя мимо лица Вронского". То есть врет.

Нет, вовсе не эти причины заставляют ее отказаться сейчас от развода. Настоящая и единственная причина в том, что развод ей невыгоден. Ведь такой глубоко порядочный и поистине безмерно великодушный человек, как Алексей Александрович, да еще с его деньгами и связями, на дороге не валяется - и выгодней оставить его про запас.

Манипуляторы вообще любят оставлять людей про запас - авось пригодятся. Ведь в случае чего к такому удобному мужу всегда можно будет вернуться, надавив на жалость, а он всегда примет и снова даст все, что нужно, задаром и почти без усилий.

Так чего же хочет Анна на самом деле? Грубо говоря, она хочет полной свободы от нравственности.

Еще одна причина отказа в том, что Анна, как и всякий нечестный человек, судит по себе. И если муж вдруг согласен на развод, да еще на таких ужасных условиях, то вдруг

он сам этого хочет, вдруг у него есть на это какие-то скрытые от Анны причины? Нет уж, пусть на всякий случай все остается как есть.

В дополнение она говорит еще одну ложь: "Я не знаю только, что он решит об Сереже". Это неправда - она прекрасно знает, что Сережу при разводе он отдает ей. Об этом знают все, даже Стива. Однако здесь скрыта еще одна причина, по которой она не желает развода: ведь если развод состоится, то ей действительно придется забрать сына к себе. А вот этого ей как раз совсем и не хочется. Зачем ей лишняя обуза?

Ну, и теперь, дважды солгав, ей нужно на всякий случай отвлечь Вронского от истины, которая могла-таки блеснуть в его голове. И она немедленно выдает свою коронную фразу: "Ах, зачем я не умерла, лучше бы было!" - и слезы струятся по ее щекам. А чтобы выглядеть совсем уж многострадально, она тут же улыбается - как бы через силу и как бы сквозь слезы как бы говоря: ты видишь, как я стараюсь не огорчать тебя, любимый?

Но не будем верить ее слезам, лучше подчитаем очередные потери теперь уже Вронского. Как мы помним, Вронский крайне амбициозен, это его первейшая страсть, однако ради Анны он снова отказывается от лестного и крайне нужного ему назначения в Ташкент. Ведь Анна в Ташкент не поедет, это ясно. Чего ей делать в Ташкенте? А то, что Ташкент нужен ее любимому, на это ей глубоко наплевать.

Очередной отказ от назначения вызывает теперь уже крайнее неодобрение у начальства. Тогда Вронский, понимая, что на карьере - после второго отказа - можно ставить крест, подает в отставку.

Через месяц Анна уезжает с Вронским в Италию - "решительно отказавшись" от развода. Она забирает с собой только дочь, а вот Сережу - которого она так якобы любит, что не может без него жить, и которого наконец может беспрепятственно взять с собой - она оставляет мужу...

20. Италия. Художник Михайлов. Портрет

"Анна отдает Вронскому всю жизнь, решается расстаться с обожаемым сыном -- несмотря на терзания, которых ей это стоит -- и уезжает с Вронским сначала в Италию..."

Ложь Набокова

В предыдущей главке я подробно рассмотрела, что никаких оснований для расставания с "обожаемым сыном" у Анны не было - муж согласился отдать ей Сережу, и она могла беспрепятственно забрать его с собой. Для этого ей нужно было только возбудить дело о разводе, обвинив мужа в несуществующем прелюбодеянии - и на это Алексей Александрович был тоже согласен.

Таким образом, ни о каких "терзаниях" Анны по поводу расставания с сыном не может быть и речи. Расставание с сыном не стоило ей ровным счетом ничего.

*

Прошло три месяца их итальянской жизни. Все это время они путешествуют, встречаются с какими-то случайными знакомыми людьми, тщательно отслеживая их реакцию на свое щекотливое положение. И эти случайные знакомые, которым нет до них никакого дела, демонстрируют лишь вежливость, за которой скрывают свое

равнодушие и скуку. Однако эта обычная вежливость Анной и Вронским с жаром воспринимается как одобрение.

Путешествие в новом качестве, придающем Анне оригинальность, развлекает ее - она счастлива. Иногда она вспоминает о несчастье мужа, однако его несчастье "было слишком ужасно, чтобы думать о нем". И она не думает. К тому же его несчастье "дало ей слишком большое счастье, чтобы раскаиваться". И она не раскаивается. Кроме того, "воспоминание о зле, причиненном мужу, возбуждало в ней чувство, похожее на отвращение". И объектом для отвращения становится муж - как человек тонущий и тем неприятный.

Впрочем, на всякий случай она придумала себе оправдание: "Я неизбежно сделала несчастье этого человека, - думала она, - но я не хочу пользоваться этим несчастьем; я тоже страдаю и буду страдать: я лишуюсь того, чем я более всего дорожила, - я лишуюсь честного имени и сына. Я сделала дурно и потому не хочу счастья, не хочу развода и буду страдать позором и разлукой с сыном".

Оправдание глупое, буквально высосанное из пальца и, разумеется, лживое до последней буквы. Во-первых, как можно заставить себя насильно страдать, когда тебе каждый день хорошо и приятно? А во-вторых, ни честного имени, ни сына ее никто не лишал (повторяю десятый раз) - муж оставил ей сына при договоре о разводе и согласился взять чужую вину на себя, тем самым сохраняя ее "честное" имя. А вот от развода, да еще на таких исключительно выгодных условиях она внезапно отказалась сама без всяких на то вменяемых причин.

Итак, она забавляется переездами из города в город (кстати, им это уже надоело) и усиленно демонстрирует Вронскому неземное обожание. Для этого она в каждом его слове выискивает что-то не просто благородное и возвышенное, а "особенно благородное и возвышенное". Она усиленно показывает ему, как она его ценит. То и дело находит во Вронском неистощимые таланты и высказывает горячую убежденность в том, что у него "определенное призвание к государственной деятельности" и еще более горячо высказывает еще более горячую благодарность ему за то, что он пожертвовал для нее свои честолюбием и даже ни разу ее в этом не упрекнул (понятно для чего: чтобы и дальше жертвовал и не упрекал).

И Вронский рад стараться. Да так, что иногда его забота даже тяготит ее... Но главное удовольствие - он никогда и ни в чем ей не противоречит, как будто он полностью потерял свою волю и занят только тем, чтобы предупредить малейшее ее желание.

Однако сам он не так уж и счастлив с ней, как рассчитывал... Скоро пришла скука, а с ней и тоска. Жизнь с Анной ничем не наполнена, а потому до зевоты пуста. Именно от скуки, а вовсе не от любви он и кидался выполнять малейшее желание Анны - принимая ее капризы за цель своей жизни и лишь бы чем-то убить время. Если раньше его любовь к Анне занимала лишь часть его жизни, делая таким образом существование достаточно гармоничным, то теперь осталась одна Анна, вокруг которой была нестерпимая пустота.

Однажды он предпринял попытку прежней холостой привычки - позднего ужина со знакомыми, но это вызвало в Анне невероятное уныние. Думаю, что это была обыкновенная зависть со стороны Анны, ведь она-то не могла позволить себе подобного развлечения. И она тут же буквально извела Вронского этим своим унынием, чтобы он отказался от таких встреч и все время сидел с ней дома. И он отказался.

От скуки он занялся живописью. Как и положено живописцу, он отпустил волосы и стал зачесывать их назад - скрывая этим, кстати, наметившуюся лысину (и с этой минуты Толстой будет неоднократно к этой лысине возвращаться). Какие-то вроде бы знающие люди уверяют Вронского, что у него большой талант, и Анна с удовольствием это повторяет.

На самом деле никакого таланта у Вронского нет и в помине. Есть всего лишь образование и полученные вследствие этого некоторые технические навыки, а также умение "со вкусом подражать искусству" - и всё. Но ни Вронский, ни Анна *не понимают* этого. Да и живописать ему, собственно, не о чем. Да и потребности такой в нем тоже нет. А потому он тщательно выбирает род и жанр, в котором намеревается творить, даже не понимая, что такие вещи настоящие творцы не выбирают - "он не мог себе представить того, чтобы можно было вовсе не знать, какие есть роды живописи, и вдохновляться непосредственно тем, что есть в душе, не заботясь, будет ли то, что он напишет, принадлежать к какому-нибудь известному роду".

Вронский вдохновлялся не самой жизнью, а всего лишь чужими картинами, примерами чужой жизни, поэтому "вдохновлялся очень быстро и легко" - как и всякая посредственность, которая на то и посредственность, чтобы не понимать всей своей пошлости и недалекости. И Анна полностью ему соответствует в этом.

Вообще вся эта история с художничеством, столь обстоятельно рассказанная Толстым, так броско и точно выявляет истинную сущность этих двух людей - дремучую посредственность и пошлость, всего лишь завуалированных под красоту и изящество, с одной стороны, и под благородство - с другой, что отныне в этом нет ни малейших сомнений. И на фоне этой "художественной истории", столь подробно рассказанной Толстым, все эти досужие поверхностные домыслы о якобы великой любви Карениной и о ее страданиях из-за этой любви кажутся совсем уж смешными, нелепыми и попросту идиотскими.

А Вронский меж тем начинает портрет Анны. Портрет - обычная поделка образованной бездарности, каких тьма. Однако всем знакомым этот портрет ужасно, ужасно нравится. Ну, это старая история.

Случайно они узнают, что в этом городе живет русский художник Михайлов, гений-самородок. Друг Вронского - бездарный писатель Голенищев характеризует Михайлова так: "Разумеется, он не лишен дарования, но совершенно фальшивое направление", "чудак и без всякого образования".

Этот Михайлов написал картину, изображающую Христа перед Пилатом. Они решают ехать к нему смотреть картину. Вронский к тому же хочет заказать ему портрет Анны, чтобы дать бедному художнику денег - он, как мы помним, и вдове погибшего сторожа давал денег (в первую встречу с Анной). Вронский сострадателен, это его лучшее и настоящее душевное качество. Именно оно и позволяет Анне манипулировать им.

Они приезжают. Художник по их виду моментально дает им внутреннюю характеристику: выражение лица Голенищева относится им к категории "фальшиво-значительных и бедных по выражению", а Вронский и Каренина заносятся в разряд абсолютно ничего не понимающих в искусстве, но усиленно прикидывающихся ценителями.

Все трое смотрят картину и высказывают мнение в расхожих, стандартных, затасканных выражениях. Например, Анна с многозначительным видом сообщает, что Христу на картине явно жалко Пилата, - она сказала то, что сказал бы всякий, что нельзя не заметить, что лежит на поверхности и что всегда будет верно, беспроегривно и безошибочно. И ни один из этих троих так и не заметил главного, того, что составляло настоящий дух картины...

Возвращаясь домой, все трое исподтишка нахваливали себя - дескать, этот художник хоть и талантлив, но талант его совершенно не развит, поскольку у него нет образования, и стало быть, он не может быть талантливее их, потому что у них образование есть.

Толстой в этой сцене буквально беспощаден - он дожимает ситуацию с художником до конца, и меня уже начинает тошнить от Анны и Вронского.

*

Михайлов соглашается написать портрет Анны, и его портрет поражает всех, особенно Вронского. Михайлову удалось передать тот практически неуловимый нюанс красоты Анны, который даже и увидеть в ней никогда не приходило Вронскому в голову. Однако сейчас, глядя на чужую и при этом готовую работу, Вронский искренно уверяет себя, что именно этот нюанс он и сам как раз и собирался отобразить в своем собственном портрете Анны, просто... ну просто не успел... а не успел просто потому, что не так быстро владеет техникой, как этот художник. Да и вообще, по мнению Вронского, весь этот так называемый талант - обычное дело техники, не более.

Вронский просит художника высказать свое мнение относительно его творчества - в полной уверенности, что художник похвалит его. Но в ответ художник упорно и даже неприлично молчит: "неприятное чувство испытывал Михайлов при виде живописи Вронского; ему было и смешно, и досадно, и жалко, и оскорбительно".

И тогда все трое - Вронский, Анна и их друг бездарный писатель Голенищев - со скрытой обидой высказывают общее мнение, что Михайлов, не пожелавший похвалить Вронского, если и не завидует великому таланту Вронского (хотя они уверены, что, конечно, завидует), то ему по крайней мере очень досадно, что богатый образованный человек "*без особенного труда* делает то же, *если не лучше*, чем он, посвятивший на это всю жизнь".

И все-таки один положительный результат эта история имела - Вронский хоть и был уверен, что в силу своего образования он, безусловно, талантливей этого гения Михайлова, но все-таки понял, что живописью ему лучше не заниматься, и бросил это занятие.

Однако без этого единственного занятия скука и тоска теперь совершенно унылой жизни окончательно одолели его. "Они решили ехать в Россию, в деревню".

Но сначала - визит в Петербург. В Петербурге Вронский собирался оформить раздел имущества с братом. Анна же - не желая скучать в одиночестве - внезапно вспомнила про сына. Отличный предлог, чтобы ехать вместе.

21. Счета из магазина. Достижение дна. Лидия Ивановна

"Трагедия в том, что Каренин не мог противостоять влиянию "грубой силы, которая должна была руководить его жизнью в глазах света и мешала ему отдаваться ему своему чувству любви и прощения". ...

И он подчиняется обществу, следует указаниям лживой ханжи графини Лидии Ивановны и отказывается от прощения и любви".

Вранье из Учебника русской литературы

Надо было сильно постараться, чтобы насквозь лживую Анну, в глазах которой постоянно мелькает злоба и ненависть буквально ко всем, и это неоднократно подчеркивается Толстым, - чтобы возвести ее в ранг чуть ли не святой, а истинно добрую женщину с "прекрасными задумчивыми глазами", как неоднократно характеризует ее автор, обозвать лживой ханжой. А вот "грубая сила", присутствие и губительное воздействие которой он чувствует, исходила прежде всего от Анны и

Стивы - и заключалась она прежде всего в нравственных подтасовках и подлых вымогательствах, как мы это видели в предыдущей главке.

*

Но как же все это время жил Александр Алексеевич Каренин? Как только он понял наконец, что от него требуется лишь одно - взять на себя вину жены, отдать ей сына и больше не докучать ей своим присутствием, он почувствовал себя совершенно потерянным. Получалось, что его любовь к жене, его искреннее прощение, его великодушие, его забота о новорожденной девочке, взятие им на себя чужого позора - все это попросту было нагло использовано против него, ничего не дав ему взамен. А он сам при этом - "как бы в награду за все это" - "теперь очутился один, опозоренный, осмеянный, никому не нужный и всеми презираемый".

Последней каплей в этом списке унижений стали пришедшие из модного магазина счета - собираясь с любовником в Италию, Анна прикупила себе новых платьев и... как бы забыла их оплатить, как бы случайно предоставив сделать это мужу. И эти счета окончательно выбили его из себя - настолько, что, не умея справиться с нахлынувшим чувством оскорбленности и униженности, он прямо в присутствии приказчика вдруг повернулся, сел к столу и опустил голову на руки. "Он долго сидел в этом положении, несколько раз пытался заговорить и останавливался"...

Презрение к себе он видел теперь всюду, на всех лицах, и это было правдой. Все презирали его - за то, что позволил использовать себя, и еще за то, что из-за этого он стал так несчастлив теперь. Его сердце было истерзано, и это отвращало от него людей. Он пытался скрыть от них свои душевные раны, но его усилий хватило только на два дня. Он был в полном отчаянье, и "отчаяние его еще усиливалось сознанием, что он был совершенно одинок со своим горем".

Разрыв с женой и видимые для всех страдания Алексея Александровича незамедлительно повлияли и на его служебные дела. Его восхождение по карьерной лестнице закончилось - внезапно он стал человеком, "от которого ничего более не ждут". Он был отстранен от прямого участия в государственных делах. Однако, как ни странно, это нисколько его не огорчило - и это действительно не странно. Потому что вся деятельность Алексея Александровича была искренне направлена им на одно - на служение России, карьера же была для него лишь способом принести больше пользы. Теперь же, отстраненный от дел, он получил возможность еще яснее видеть проблемы государства - и он с воодушевлением принялся строчить докладные записки, которые... никто не читал.

Занятие делами на несколько часов в день уменьшало его боль. И все-таки боль съедала его. В эти дни он вспоминает всю свою жизнь. Он был сиротой. Родители его умерли слишком рано. Его воспитал дядя, он же дал ему возможность карьеры. Алексей Александрович стал губернатором уезда города. И тогда тетка Анны "свела хотя немолодого уже человека, но молодого губернатора со своею племянницей и *поставила его в такое положение*, что он должен был или высказаться, или уехать из города. Алексей Александрович долго колебался. Столько же доводов было тогда за этот шаг, сколько и против, и не было того решительного повода, который бы заставил его изменить своему правилу: воздерживаться в сомнении; но тетка Анны *внушила ему* через знакомого, что он уже компрометировал девушку и что долг чести обязывает его сделать предложение. Он сделал предложение и отдал невесте и жене все то чувство, на которое был способен".

Таким образом, хотя женитьба на Анне и была ему подсунута путем нечистых спекуляций, тем не менее за годы брака он вложил в Анну всю свою душу и считал ее

своим единственным по-настоящему близким человеком. И вот теперь этот единственный близкий человек предал его, а потом спокойно вытер об него ноги.

И все-таки Алексею Александровичу повезло. В его жизни оказался один человек, про которого он совершенно забыл, но который сам помнил об Алексее Александровиче, а потому и пришел к нему на помощь в самую тяжелую его минуту. Этим человеком была графиня Лидия Ивановна. Она сама приехала к нему, сама вошла к нему без доклада и взяла его за руки - "глядя ему в глаза своими прекрасными задумчивыми глазами".

Он нахмурился. Он вырвал от нее руки. Он холодно сказал ей, что он не принимает, потому что он болен. И тут губы его задрожали. Но это была не та манипулятивная дрожь, которой так удачно пользовалась Анна, - это была нервическая слезливая дрожь напроць измотанного тяжелой душевной болью человека, который вдруг почувствовал, что его наконец есть кому искренне пожалеть.

Да, он страшно нуждался в жалости, в том, чтобы его погладили по голове, согрели взглядом, утешили словом. И вот эта некрасивая немолодая женщина с прекрасными глазами (Толстой особенно и неоднократно подчеркивает прекрасность ее глаз) действительно жалела его, так что и сама была готова разрыдаться - и он тот час же почувствовал это, схватил ее руку и начал с благодарностью целовать.

"- Я разбит, я убит, я не человек более!- сказал Алексей Александрович, выпуская ее руку, но продолжая глядеть в ее наполненные слезами глаза. - Положение мое тем ужасно, что я не нахожу нигде, в самом себе не нахожу точки опоры".

Она утешает его. Она уверяет, что он обязательно найдет эту опору - не в ней, а в Боге (и тут она тихо вздохнула, потому что она любит его, но вряд ли она когда-нибудь скажет ему об этом, ведь она замужем). Она уверяет его, что безмерно восхищается его поступком прощения, что ему нечего стыдиться этого прощения - она щедро льет бальзам на его раны, думая только о том, как бы уменьшить его боль.

И в ответ он как ребенок начинает жаловаться ей на свою усталость и на свои горести. Вот только про счет из модного магазина - последнее гадкое унижение - он никак не может признаться... Вернее, он хотел признаться и в этом, но... "но голос его задрожал, и он остановился".

Она предлагает ему свою помощь. Она просит его поручить ей мелкие заботы по дому, как она специально выражается, чтобы он не чувствовал себя обязанным, а также и воспитание Сережи. Она уверяет его, что ее не нужно за это благодарить, потому что ею руководит Бог. Она снова убеждает его, что ему нечего стыдиться, ибо нельзя "стыдиться того, что есть высшая высота христианина: кто унижает себя, тот возвысится", что надо благодарить Бога и просить его о помощи.

Да, Лидия Ивановна была действительно добрым искренним человеком, который, к сожалению, ничего не смыслил ни в воспитании, ни в ведении дома. В ней не было ни единого злого умысла, но в ней была практическая глупость, поэтому, несколько не задумываясь о психике ребенка, она из самых благих побуждений "пошла на половину Сережи и там, обливая слезами щеки испуганного мальчика, сказала ему, что отец его святой и что мать его умерла".

Распоряжения ее по дому тоже были чуднее не бывает, так что весь дом молча взял на себя камердинер Корней.

Однако она действительно сумела помочь Алексею Александровичу - своей любовью и верой в него, своим искренним восхищением его поступками. И раны Алексея Александровича стали заживать.

Помимо этого он, вдохновившись верой Лидии Ивановны, и сам с благодарностью и открытостью обратился в истинного верующего, хотя некоторая мистическая направленность Лидии Ивановны и смущала его.

Также благодаря Лидии Ивановне к нему вернулась любовь к сыну, временно затемненная в его сознании душевной болью. Он с жаром занялся воспитанием Сережи, вместе с Лидией Ивановной с удовольствием обсуждая его успехи и составляя планы учебы.

Любовь Лидии Ивановны была ему чрезвычайно приятна - она буквально спасала его. Эта женщина относилась к нему так, как никогда не относилась Анна, - Лидия Ивановна любила его "за него самого, за его высокую непонятую душу, за милый для нее тонкий звук его голоса с его протяжными интонациями, за его усталый взгляд, за его характер и мягкие белые руки с напухшими жилами. Она не только радовалась встрече с ним, но она искала на его лице признаков того впечатления, которое она производила на него. Она хотела нравиться ему не только речами, но и всею своею особою. Она для него занималась теперь своим туалетом больше, чем когда-нибудь прежде. Она заставляла себя на мечтаниях о том, что было бы, если б она не была замужем и он был бы свободен. Она краснела от волнения, когда он входил в комнату, она не могла удержать улыбку восторга, когда он говорил ей приятное".

Итак, отныне Алексей Александрович в лице Лидии Ивановны имеет наконец надежную эмоциональную защиту и опору. У него есть друг. Он больше не одинок.

22. Петербург. Встреча с сыном. Визит в оперу

"Анна не обычная женщина, не просто образец женственности, это натура глубокая, полная сосредоточенного и серьезного нравственного чувства, все в ней значительно и глубоко, в том числе ее любовь".

Ложь Набокова

В это время Анна и Вронский приезжают в Петербург. Они останавливаются в одной из лучших гостиниц, но, отдавая все-таки дань необходимой пристойности, в разных номерах. Княгиня Бетси Тверская - единственная, кто наносит им визит: она уверена, что дело о разводе начато и таким образом приличия соблюдены. Но узнав, что никакого развода нет и в помине, энтузиазм Бетси угасает на глазах, и ее тон меняется. Да, никто не хотел компрометировать себя дружбой с Анной...

Мать Вронского тоже выражает неодобрение по поводу этой связи, она и вообще не любит Анну за то, что та разрушила карьеру сына. Старший брат Вронского пока ничего не говорит - он ждет решения общества, однако его жена Варя открыто признается, что не может принимать Анну, поскольку ее поведение - дурной пример дочерям.

Лидия Ивановна узнает об их приезде и делает все, чтобы уберечь Алексея Александровича от неприятных волнений по этому поводу - чтобы он никоим образом не встретился с Анной и чтобы он даже не знал, что она здесь. Приятель Вронского - в

надежде получить через Лидию Ивановну концессию - докладывает ей обо всех передвижениях этих "отвратительных людей", как она их называет.

Наконец Лидия Иванова получает известие, что их присутствие в Петербурге подошло к концу и буквально на следующий день они уезжают. Беспокойство Лидии Ивановны улеглось, как вдруг "на другое же утро ей принесли записку, почерк которой она с ужасом узнала. Это был почерк Анны Карениной", а от самого письма на самой лучшей бумаге пахло дорогими духами.

В письме Анна взывала к *христианским чувствам* Лидии Ивановны, которые, по словам Анны, и дают ей смелость обращаться к ней с просьбой. Просьба же заключалась в следующем. В записке Анна сообщала, что она *несчастлива* от разлуки с сыном и хочет его увидеть, и что она не обращается с этой просьбой непосредственно к Алексею Александровичу только потому, что не хочет заставлять "*страдать* этого *великодушного* человека воспоминанием" о ней.

При этом что касается самой Лидии Ивановны, то все письмо было пронизано откровенным и даже подчеркнутым презрением - Анна обращается к ней как к прислуге, как к гувернантке: она просит Лидию Ивановну лишь уточнить, прийдет ли та Сережу к ней, или ей самой приехать куда-то в назначенный мужем час. Вдобавок к этому хамскому тону Анна снисходительно сообщает, что не ждет отказа, поскольку уверена в великодушии Алексея Александровича, от которого, небрежно подчеркивает Анна, только и может зависеть отказ.

Всю эту намеренную пренебрежительность и нескрываемое презрение в отношении себя Лидия Ивановна почувствовала мгновенно. И в отличие от Алексея Александровича не сочла нужным терпеть. Она велела передать посыльному, что ответа... не будет. После чего отправила к Алексею Александровичу записку о встрече с ним.

*

Ответ посыльного, что *ответа не будет*, был для Анны полной неожиданностью, и даже больше того - она расценила этот поступок Лидии Ивановны как "жестокий". И, понятное дело, немедленно почувствовала себя униженной и оскорбленной. У Анны всегда так, и мы с этим еще не раз столкнемся: одно дело оскорбления, которые наносит она, а другое дело получать за это сдачи... Никто не смеет давать ей сдачи. Никто.

А почему все-таки Анна не обратилась напрямую к мужу со своей просьбой? Почему предпочла написать к Лидии Ивановне? Очень просто. Тот самый приятель Вронского, который бегал с докладами к Лидии Ивановне, точно так же бегал и к Вронскому, а потому Анна была подробно информирована о том, что ее муж подпал под влияние Лидии Ивановны, а уж она-то наверняка знает Анне ее настоящую цену. Поэтому она и пишет записку к Лидии Ивановне - с единственной целью: показатель той свое презрение.

И все-таки главной задачей этого хамского обращения к Лидии Ивановне было тайное желание Анны сделать все, чтобы ей *не разрешили* встретиться с сыном! Для чего?..

А почему вообще встреча с сыном была отложена ею на последний день?

Сама Анна в косвенном монологе уверяет нас, что, побыв в Петербурге несколько дней, ей вдруг ясней открылось ее положение в обществе - все ждали ее развода и соединения с Вронским на законных основаниях, до этого же их нигде не хотели принимать. И вот якобы именно такое отношение к ним общества почему-то и явилось первой преградой ко встрече с сыном. Предлог откровенно надуманный. Для того чтобы встретиться с сыном, вовсе необязательно выяснять отношение к себе общества. Общество тут совершенно не при чем.

Был еще один вариант. Можно было прямо, без предварительных переговоров, поехать в дом Алексея Александровича. Но, уверяет нас Анна, она боялась, что ее

могут либо не пустить туда, либо вышвырнуть оттуда (и тут я снова напомним, что, если бы она предварительно обратилась к мужу с этой просьбой, никаких проблем не возникло бы).

Был и третий вариант - увидеться с сыном на гулянье. И это был самый здравый и доступный вариант, но и он совершенно ее не устроил, и у нее тут же нашлась причина для отказа от него: она решила, что этого ей будет слишком мало.

Так что встреча с сыном все откладывалась и откладывалась... Без всяких на то причин, а просто потому, что Анна не очень-то и торопилась с ним встретиться. Вовсе не для встречи с сыном приехала она в Петербург, а чтобы развлечься, сменить обстановку, ну и Вронского без своего контроля не оставлять - это прежде всего. Повторяю: если бы ей действительно хотелось встретиться с сыном, то для этого ей совершенно не нужно было бы ждать последнего дня. Она прекрасно знала, что если бы она обратилась к мужу, он бы по великодушию своему немедленно разрешил ей эту встречу. Да он и хотел разрешить - сразу же после того, как узнал о ее письме к Лидии Ивановне! И если бы это письмо было написано Анной не в намеренно оскорбительном тоне, то и Лидия Ивановна вряд ли бы возражала.

Но она обращается не к мужу, а к Лидии Ивановне. И, повторяю, обращается так, что хуже не придумать. И делает она это специально - чтобы обидеть Лидию Ивановну и чтобы ей было отказано во встрече.

На самом деле она уже давно приняла решение, *каким образом* она таки увидится с сыном - вот только к сыну это решение имело самое последнее отношение. Основным мотивом Анны было здесь все то же страстное ее желание настоять на своем, оставить за собой последнее слово, продемонстрировать всем свою волю, и что никто не смеет остановить ее...

А если бы она, повторяю, обратилась к Алексею Александровичу, то он бы ей разрешил - и как бы ей тогда чего-то там продемонстрировать? Кроме того, ее бесит, что у Алексея Александровича нашелся друг, что ему стало легче, что он уже не тот раздавленный человек, каким она оставила его, что он научился без нее жить, и жить неплохо. И вообще какая-то там Лидия Ивановна оказалась сильнее нее, сумев перебить разрушительное влияние Анны! Ну разве она могла допустить такую победу над собой?

И злобствующий ум Анны придумал наконец еще одну провокацию.

*

На этот день была назначена церемония награждения. К награде (орденом Александра Невского) в числе прочих представлен и Алексей Александрович. Его неискренне поздравляют, он видит злобные завистливые взгляды, он понимает, что за его спиной все смеются над ним за его отношения с женой, и тут он видит "зовущие к себе прекрасные задумчивые глаза" Лидии Ивановны. Ради этого приема она старательно украшала себя, чтобы ему понравиться, и теперь она и впрямь казалась Алексею Александровичу очень привлекательной женщиной.

"Проходя сквозь строй насмешливых взглядов, он естественно тянулся к ее влюбленному взгляду, как растение к свету". Она с неподдельной радостью поздравляет его с наградой. Он в ответ - "сдерживая улыбку удовольствия" - пожимает плечами, немножко выпендриваясь и как бы говоря, что ничего особенного не произошло.

Она сообщает ему о письме Анны.

"Алексей Александрович вздрогнул при упоминании о жене, но тотчас же на лице его установилась та *мертвая неподвижность*, которая выражала *совершенную беспомощность* в этом деле.

- Я ждал этого, - сказал он.

Графиня Лидия Ивановна посмотрела на него восторженно, и слезы восхищения пред величием его души выступили на ее глаза".

Алексей Александрович читает письмо жены и долго молчит... Он бы хотел разрешить, но... он уже не так уверен, что действия Анны в очередной раз не принесут с собой зла и беды. И он с робостью, полувопросительно говорит, что вряд ли он имеет право ей отказать. Он нерешительно смотрит на Лидию Ивановну. Лидия Ивановна решительно говорит, что хватит, что всему есть предел.

Но справедливо ли это будет - лишать мать естественной потребности любить сына? - нерешительно вопрошает Алексей Александрович. Но Лидия Ивановна решительно задает совершенно точный встречный вопрос: "Но любовь ли это, друг мой? Искренно ли это?" (И это еще одна подсказка Толстого.)

А кроме того, говорит Лидия Ивановна, ведь сын считает мать умершей, нужно ли тревожить его одним *случайным* визитом... Да и вообще, говорит Лидия Ивановна, к чему может привести эта встреча? К вашим новым страданиям и мучениям для ребенка? Нет, говорит Лидия Ивановна, "если в ней осталось что-нибудь человеческое, она сама не должна желать этого".

Она просит разрешения написать Анне письмо с отказом - и Алексей Александрович... наконец-то, впервые в жизни, соглашается.

И тогда Лидия Ивановна с удовольствием наносит Анне ответный удар. Она пишет ей, что воспоминания о матери могут навести ее сына на нежелательные вопросы о ее поведении, ответ на которые может привести сына к ее осуждению... таким образом, чтобы этого не произошло и чтобы ее имя осталось для сына святыней, ее муж отказывает ей в свидании с сыном.

Простодушные люди, они и не догадываются, что именно отказ и нужен был Анне!

*

Письмо жены нарушило душевный покой Алексея Александровича. Вернувшись домой, он предается мучительному самокопанию, снова и снова пытаясь понять, в чем же он был виноват перед Анной. Он снова и снова вспоминает те страшные обиды, которые она ему нанесла, и как он простил ее, и как полюбил ее дочку, и как старался быть хорошим - и это особенно жгло ему душу, потому что все это оказалось никому не нужно, втоптанно в грязь, использовано против него. И тогда он снова и снова вспоминал, как женился на ней - "после долгих колебаний".

*

Письмо с отказом - второй ответ от Лидии Ивановны - "до глубины души оскорбило Анну". Оно показалось ей таким возмутительным (да еще "в сравнении с ее страстной законною нежностью к сыну"!), что это немедленно дало ей повод снять с себя все обвинения и сделать виновными других. И вот уж она с гневом говорит, что все чувства Лидии Ивановны и Алексея Александровича притворны, что они хотят только одного - оскорбить ее и измучить ребенка, и что эта Лидия Ивановна намного хуже ее самой - потому что она по крайней мере не лжет (любимая присказка Карениной).

Ну, и раз уж они так нехорошо с ней поступают, то она им покажет! Да она завтра же поедет в дом Алексея Александровича и "во что бы ни стало увидит сына и разрушит этот безобразный обман, которым они окружили несчастного ребенка".

Она решает приехать часов эдак к восьми утра, когда муж ее вроде как еще спит (она произнесла это не очень уверенно), подкупить швейцара и проникнуть в дом, прикинувшись посыльной от крестного отца Сережи, у которого завтра день рождения.

*

На следующее утро она так и сделала. Однако старый слуга узнал ее, и тогда она взглянула на него с такою "виноватою мольбой", что из жалости к ней он не смог ее остановить. Она идет в комнату сына.

Сережа не верил в смерть матери, как не верят в смерть дети. Он любил мать, постоянно отыскивал в толпе ее черты - наделяя таким образом жизнь подобием ее присутствия. Потом он случайно узнал, что его мать действительно жива, и стал ждать ее еще больше. Отец при всей его любви к сыну был никудашным воспитателем, что еще больше усугубляло тоску по матери (хотя Анну уж точно воспитателем никак не назовешь). И вот теперь она стояла возле его постельки и плакала. Он бросился к матери и начал ее целовать.

Вся сцена очень трогательная, мальчика очень и очень жалко, а тут еще и слуги плачут... Но время идет - Алексей Александрович вот-вот придет к Сереже: именно в это время, в девятом часу, он всегда (!) заходит в детскую к сыну, то есть к 8 утра он уже должен был встать - и скорее всего это была его старая привычка, о которой не могла не знать Анна (вот почему ее голос был неуверенным). Слуги начинают нервно соображать, как бы задержать барина во избежание скандала и чтобы Анна могла спокойно уйти. Ей несколько раз говорят, что пора уходить, но она каждый раз задерживается... Наконец няня что-то шепчет ей на ухо, на ее лице тут же отражается "испуг и что-то похожее на стыд" (вспомним Стиву, которому тоже стало стыдно при встрече с Алексеем Александровичем).

Она встает. Но, перед тем как уйти, нахваливает сыну отца: "Сережа, друг мой, - сказала она, - люби его, он лучше и добрее меня, и я пред ним виновата. Когда ты вырастешь, ты рассудишь".

На неискушенный взгляд может показаться, что Анна искренна в этих словах. На самом же деле это обычная манипуляция. Вернее, необычная. Она ни на минуту не раскаивается в своих подлостях, больше того: этот визит - ее очередная продуманная подлость, продиктованная непомерной гордыней и злобой. А все эти красивые слова в адрес мужа - обычная расчетливая игра в свою пользу: ну как теперь не пожалеть и не защитить ее, такую раскаявшуюся, такую смиренно стоящую с повинной головой, говорящую высокие слова о своем гонителе-муже? И разве сын теперь поверит отцу, если тот вдруг обронит плохое слово в ее адрес? Она-то ведь вон как хорошо о нем отзывалась... значит, она лучше него.

Ну, и понятно, что после этой фразы Сережа плачет, изо всех сил прижимает мать к себе и с отчаяньем кричит сквозь слезы, что лучшее ее никого нет. И она тоже плачет в ответ...

Обеспокоенный слуга заглядывает в комнату, чтобы скорей увести Анну - уже слышны шаги Алексея Александровича. Но поздно. Анна выходит. Алексей Александрович идет ей навстречу...

И вот что пишет Толстой: "Несмотря на то, что она только что говорила, что он лучше и добрее ее, при быстром взгляде, который она бросила на него, охватив всю его фигуру со всеми подробностями, чувства *отвращения* и *злости* к нему и *зависти* за сына охватили ее".

Ну, к ее отвращению и злобе мы уже привыкли. А вот зависть появляется в романе впервые. И странная зависть! Ведь сына никто у нее и не отнимал, она сама (подчеркиваю это в очередной раз) отказалась от развода и, стало быть, от сына. Но нет, она предпочитает об этом не помнить - иначе откуда взять предлог для отвращения и злобы?

А все-таки она добилась своего! И муж это - *видел*... Она опустила вуаль и почти выбежала из дома.

Это свидание с матерью глубоко потрясло ребенка. Он заболел. Да так сильно, что едва не умер ("Он был очень болен после того свидания с матерью, которое мы не преду-смотрели, - сказал Алексей Александрович. - Мы боялись даже за его жизнь").

Но Анна с тех пор ни разу не поинтересовалась его здоровьем...

*

Но день еще только начался. Преисполненная великой жалости к себе, она возвращается в гостиницу, достает карточки сына и с наслаждением чувствует себя одинокой и несчастной.

Вронский у себя в номере, у него гость. Она ни слова не говорила Вронскому о готовящейся встрече с сыном, он и знать об этом не знал, но у Анны весьма специфическое мышление - она никогда не помнит того, что не соответствует ее желанию влечь погневаться. И вот, взглянув на фотографию Вронского, она говорит себе: "Да где же он? Как же он оставляет меня одну с моими страданиями?" - вдруг с чувством упрека подумала она, забывая, что она сама скрывала от него все, касавшееся сына".

Она посылает к нему записку немедленно прийти к ней. Вронский послушен. Приходит ответ: он тотчас придет, но может ли она принять и его гостя? И это тут же становится для Анны поводом для глубокой обиды - за то, что он не хочет выставить гостя ради нее, и за то, что вообще позволяет себе принимать гостей, вместо того чтобы караулить ее возвращение - ведь он не видел ее со вчерашнего обеда, подумать только! А вдруг он больше не любит ее?!

И вот не прошло и минуты, а слон из мухи уже опять раздут: "...Перебирая события последних дней, ей казалось, что во всем она видела подтверждение этой страшной мысли: и то, что он вчера обедал не дома, и то, что он настоял на том, чтоб они в Петербурге остановились врознь, и то, что даже теперь шел к ней не один, как бы избегая свиданья с глазу на глаз".

Эта ее нездоровая подозрительность и маниакальная потребность искусственно, на пустом месте нагнетать тревогу и беспокойство и вообще ей присущи, но на этот раз еще и нужны ей для самооправдания. Ведь должен прийти друг Вронского Яшвин. Вскружить голову очередному обожателю! Узнав, что придет Яшвин, она испытала привычный ей неудержимый зуд соблазнения, тут же забыв о трагической встрече с сыном: его слезы, его крики, его страдание - все это в одну минуту выскочило у нее из головы. А чтобы Вронский не уличил ее в непозволительном, неприличном кокетстве, она и придумывает себе всю эту историю с якобы разлюбившим Вронским и, как всякий патологический лжец, сама начинает верить в нее. Теперь у нее есть хорошее оправдание: я старалась понравиться вовсе не ему, а тебе, но кто же виноват, что и ему я понравилась тоже?

...Очень скоро ее болезненная подозрительность и потребность в искусственном нагнетании тревоги окончательно разовьются в тяжелое нервное заболевание, усугубленное наркотической зависимостью, и жизнь с ней превратится для Вронского в пытку...

Однако гость вот-вот явится! И вот, не оставляя своих болезненных домыслов о нелюбви Вронского, она вдруг стала торопливо прихорашиваться, занявшись своим туалетом даже больше, "чем все эти дни", как будто находясь в полной уверенности, что "он мог, разлюбив ее, опять полюбить за то, что на ней будет то платье и та прическа, которые больше шли к ней".

Вронский и Яшвин входят. Вронский видит забытые Анной на столе карточки ее сына и начинает задумчиво их рассматривать. Она быстрым движением отбирает у него карточки и смотрит на него "значительно блестящими глазами", как бы намекая, что в его отсутствие с ней произошло что-то ужасно трагическое. В первые же секунды она очаровывает Яшвина (это замечает и Вронский) и приглашает его на обед. На этот же обед она пригласила и свою родственницу - ту самую никем не уважаемую старую деву княжну Облонскую, приживалку, которая за деньги составляет Анне единственную в Петербурге компанию.

Приезжает и Тушкевич, любовник княгини Тверской; он привозит от Бетси извинение, что та не сможет приехать проститься, но зато просит Анну заехать к ней - причем в часы, когда Анна уже не сможет ни с кем встретиться в ее доме. Это откровенное нежелание подруги компрометировать себя знакомством с ней разжигает в Анне затаенную злобу. Ну что ж, Анна знает, как отомстит ей. И вот она вовсю кокетничает с Яшвиным, а также с... Тушкевичем!

Обед заканчивается внезапным решением Анны ехать в оперу - очарованный ею Тушкевич обещает достать ложу. Ехать вместе с Яшвиным и Тушкевичем, разумеется. Во-первых, ей надо закрепить свой успех у Тушкевича. Во-вторых, скомпрометировать Тушкевича в глазах его любовницы Бетси. В-третьих, она уверена, что в оперу приедет и ее муж... Ну и, в-четвертых, отчего бы не продемонстрировать всем этим людям, что она лучше их и что она плевала на все это общество? О последствиях же своего эпатажа она и не думает. Вернее, она уверена, что это сойдет ей с рук - наверняка никто не посмеет открыто выразить ей свое негодование. Ведь кругом воспитанные люди, не так ли?

Вронский в шоке. Он не понимает странного поведения Анны. Он настолько возмущен ее неразумным решением, что впервые испытывает против нее досаду и даже злость. Зачем она стремится столь откровенно противопоставить себя обществу? Ведь как только она разведется с мужем и выйдет за него, они смогут снова вернуться в свет! Так зачем же настраивать общество против себя, зачем же провоцировать в нем гнев, зачем ехать в оперу, да еще в таком... э-э... откровенном наряде?!

"Если б он сказал ей прямо то, что он думал, то он сказал бы: "В этом наряде, с известной всем княжной появиться в театре - значило не только признать свое положение погибшей женщины, но и бросить вызов свету, то есть навсегда отречься от него".

В этот момент Вронский чувствует, как уважение к ней начало заметно в нем уменьшаться. И, как ни странно, стало заметно увеличиваться осознание ее красоты: в этом наряде - наряде погибшей (т.е. падшей, т.е. развратной) женщины - она чудо как хороша!

Нет, он не поедет.

Что ж. Она уедет без него.

И она уезжает. За ней следом едут Яшвин с Тушкевичем.

Вронский сидит дома. Он твердо решил не ехать. Его раздрает досада и злость. Через какое-то время приходит страх за Анну: она там одна, ее могут обидеть... поехать за ней?

Он приезжает к концу первого акта. Войдя в театр, он незаметно оглядывается - он ищет в толпе Алексея Александровича. Но, к его счастью и к великому облегчению Вронского, его здесь нет.

"Вронский еще не видал Анны, он нарочно не смотрел в ее сторону. Но он знал по направлению взглядов, где она". Итак, все смотрят на Анну... Кончится ли добром?.. Наконец и Вронский поднимает глаза на ее бениар. И, глядя на нее, Вронский вдруг чувствует, что ее красота, привлекая его еще больше, теперь оскорбляет его. "Она не смотрела в его сторону, но Вронский чувствовал, что она уже видела его".

Через какое-то время он снова посмотрел на нее и вдруг понял, что скандал все-таки произошел. Он слышит, как женщина в соседней ложе громко и возмущенно объявила, что ей позорно сидеть рядом с Анной, и теперь явно собирается уйти. Он видит, как Анна демонстрирует спокойствие, и понимает, что она держится из последних сил и нервы ее вот-вот сдадут - "она испытывала чувства человека, выставляемого у позорного столба".

Он спешит к ней.

По дороге он забегаёт в ложу брата - узнать, что случилось. После чего "быстрыми шагами пошел вниз: он чувствовал, что ему надо что-то сделать, но не знал что. Досада на нее за то, что она ставила себя и его в такое фальшивое положение, вместе с жалостью к ней за ее страдания волновали его. Он сошел вниз в партер и направился прямо к бенеуару Анны". Она нарочито спокойно беседует с Яшвиным и подошедшим Стремовым. Начался следующий акт; Вронский вышел. Через какое-то время опять посмотрев в ее сторону, он увидел, что ложа ее пуста...

Он находит ее дома, без сил упавшей в первое попавшее кресло и смотрящей прямо перед собой. "Ты, ты виноват во всем! - вскрикнула она со слезами отчаяния и злости в голосе, вставая".

Он пытается ее успокоить, но в ответ снова раздается упрек: "Ты не должен был доводить меня до этого. Если бы ты любил меня..."

Он начинает уверять ее в своей любви. Но он так разозлен ее глупостью, поставившей под удар их отношения с обществом, что эти уверения даже ему самому кажутся ужасно пошлыми - настолько, что ему было даже неловко их говорить. Однако она с жадностью слушала их, нисколько не замечая их пошлости...

"На другой день после этого, совершенно примиренные, они уехали в деревню".

23. В деревне. Приезд Долли

"В то время как Анна несет на себе всю тяжесть общественного негодования (она унижена и оскорблена, растоптана и "раздавлена"), Вронский, мужчина не очень глубокий, бездарный во всем, но светский, только выигрывает от скандала, его приглашают повсюду, он кружится в вихре светской жизни, встречается с бывшими друзьями, его представляют внешне приличным дамам, которые и на минуту не останутся рядом с опозоренной Анной".

Ложь Набокова

И это еще один чудовищный бред, не достойный профессора. Приглашают Вронского только его родственники и старые друзья - точно так же, как и Анну приглашают и навещают такие же точно люди, а еще всякие прочие мужчины, которых она сама не стыдится приглашать и кокетничать с ними на глазах у Вронского. Вронский если и не отторгнут обществом, то сам не бывает там - из солидарности с Анной, а потом он и вовсе теряет к свету всякий интерес, прекрасно удовольствовавшись деревенской жизнью с Анной. Честное слово, стыдно сочинять такие откровенно поверхностные лекции.

*

Чем дальше уходишь в роман, тем больше симпатий испытываешь к Долли - Дарье Александровне Облонской. Некрасивая, худая, с жидкими волосами женщина. Родила семерых, двое умерли. Муж, добродушный обаятельный беспринципный Стива, изменяет ей направо-налево и тратит на свои развлечения все деньги, доводя семью чуть ли не до нищеты.

Про кого интереснее читать, про Анну или про Долли? Конечно, тем, кто точно так же, как и Набоков, не видит дальше своего носа, интересней читать про Анну - приверженцы слепоглухого Набокова наверняка приходят от Анны в сахарный восторг. Но лично я, уже к середине романа досыта наглотавшись этой сиропной фальшивки, давно пришла в ужас от Анны, от ее лживости, подлости, недалекости, равнодушия, бесконечной жалости к себе, бесстыдства, истерии и высокомерия - от всей этой человеческой червивости, так что страницы, посвященные Долли, стали для меня буквально оазисом, островом теплоты, добра и сердечности. И теперь уже про Долли я читала со страстью и глубокой благодарностью к ней.

Кстати сказать, если бы Анна не являлась в романе воплощением зла, а была бы действительно показана Толстым как великая страдальца за любовь, то все остальные истории с другими героями, и прежде всего линия Левина и Кити, теряли бы всякий смысл, превращаясь в скучное нелепое нравоучение, которое поскорей пролистываешь как досадную помеху.

Однако в том-то и дело, что Анне в романе отведена совершенно иная роль - она не божья тварь, она противопоставлена богу, и Толстой осуждает ее совсем не потому, что религия запрещает прелюбодеяние, а она нарушила этот запрет. Эту примитивную и неверную трактовку десятилетиями вбивают нам в голову учебники литературы и набоковы всех мастей, кидаясь с жаром защищать "великую страдальцу" от осуждения "насквозь прогнившего общества".

Даже эпиграф романа "Мне отмщение, и аз воздам" господами М.Г. Качуриным и Д.К. Мотольской (еще раз повторю: составителями Учебника русской литературы для 9-го класса средней школы, 1982 год, издательство "Просвещение") трактуется так, что в пору за голову схватиться, и вот какой бред они предлагают детям в качестве истины: "Толстой не оправдывает свою героиню, но он защищает ее от суда светской морали. "Мне отмщение, и аз воздам" - этот евангельский текст Толстой взял эпиграфом к роману. "Не вам судить и карать ее" - таково возможное прочтение этого текста".

Так и хочется вспомнить Ильфа и Петрова, когда в "Золотом теленке" некий горе-журналист перевел название озера Иссык-Куль (по-киргизски: Теплое озеро, или Горячее озеро) как "сердце красавицы склонно к измене"! А ведь издание, вернее переиздание этого учебника в 1982 году было уже, напомню, пятнадцатым по счету! И, разумеется, утвержденным Министерством просвещения РСФСР..

Между тем истинный смысл этой библейской фразы, взятой Толстым эпиграфом, вполне доступен для понимания. Дословный перевод: "У Меня отмщение, и я отомщу (воздам)". Речь идет о том, что истинный суд - в руке божьей, и он свершится. О неотвратимом божьем возмездии - каждому по делам нашим. И еще проще, специально для Министерства просвещения и составителей учебников для средней школы: что заслужили, то и получили, за что боролись, на то и напоролись. Или им опять непонятно?

Подумать только, что на протяжении стольких лет так и не нашлось ни одного человека, который бы наконец удосужился прочитать роман "Анна Каренина" так, как он и был написан. За столько лет - ни одного человека, который увидел бы наконец все те и не скрываемые характеристики, которыми столь ярко наделен каждый герой романа! Как можно было быть такими слепыми курицами и преступно пичкать детей всей этой галиматьей?

Вовсе не прелюбодеяние как таковое осуждает Толстой в своей героине Анне Карениной. Тут сокрыт совсем иной вопрос: что именно подтолкнуло ее к прелюбодеянию - любовь или что-то другое, в связи с чем факт прелюбодеяния становится лишь следствием, но никак не причиной? Ответ очевиден. Даже если бы она не сошлась с Вронским, даже если бы она вообще не изменила мужу, она бы все равно осталась той личностью, для которой не существует таких понятий, как сострадание,

совесть и стыд. Ведь не из-за факта же прелюбодеяния она не способна любить и жалеть даже своих детей. Не из-за факта же прелюбодеяния она дважды доводит Кити до нервного срыва.

На фоне этого вывода совершенно иные отношения других героев становятся крайне важными и читать о нормальных человеческих взаимоотношениях (со всеми их ошибками и заблуждениями, от которых не застрахован ни один человеческий союз) начинаешь буквально с жадной и жадностью.

*

Так вот о Долли. Дарья Александровна крайне отзывчивый человек, к тому же умеющий помнить добро. Вот и теперь, понимая, что общество начисто изолировало себя от скомпрометированной в его глазах Карениной, она решила навестить Анну и таким образом ее поддержать, выразив ей свою дружбу. Она едет в имение Вронского.

Дорогой она думает о том, что жизнь Анны намного счастливее ее. У нее роды, дети, опять роды, воспитание, кормление, измены и кутежи мужа и все увеличивающаяся из-за его транжирства бедность. Скудное серое существование, нелюбимый и неуважаемый муж. И ради этого она безвозвратно теряет красоту и молодость. Жизнь проходит даром.

"И все это зачем? Что ж будет из всего этого? То, что я, не имея ни минуты покоя, то беременная, то кормящая, вечно сердитая, ворчливая, сама измученная и других мучающая, противная мужу, проживу свою жизнь, и вырастут несчастные, дурно воспитанные и нищие дети".

И вот - Анна, думает Долли, живущая ради себя, в удовольствии от себя, наслаждающаяся своей свободой, своей красотой, своим возлюбленным, она свежа и радостна, а я забита и никому не нужна.

В таких горьких мыслях она и едет. Она застаёт всю компанию возвращающейся с прогулки верхом: впереди Анна, рядом с ней некто Васенька Весловский, бездельник и записной дон жуан (которого Левин на днях выгнал из дома за оскорбительное амурничанье с его беременной женой Кити), а *позади всех* едет Вронский.

И вот при взгляде на Анну, едущую рядом с этим Васенькой, Долли поражается выражению ее лица - да ведь Анна откровенно заигрывает с этим Васенькой и при этом очень довольна собой! Это не укладывается у Долли в голове... А как же Вронский? А как же неземная любовь?

Анна радуется встрече и вдохновенно сообщает Долли, что она счастлива, "непростительно счастлива" с Вронским. И она "с робкою улыбкой вопроса" смотрит на Долли. Робкая улыбка вопроса тут понятна, ее подтекст прост: ты не осуждаешь меня? - как бы спрашивает (на самом деле - выпрашивает) Анна. Нет, Долли не осуждает, и даже напротив, очень за нее рада. Вот только... говорит это Долли почему-то *намного холодней*, чем собиралась. Странное, ненужное и в каком-то смысле непозволительное при любви и при счастье кокетство Анны с Весловским не идет у нее из головы.

Но разговор продолжается, и Долли рассуждает о том, что человека надо любить таким, каков он есть. И тут она замечает в Анне новую привычку - слушая эти рассуждения Долли, Анна отвела глаза в сторону и сощурилась. Сощурилась - что это, концентрация внимания? Чтобы лучше запомнить или лучше скрыть? Вот и глаза отвела... Чуть позже, после разговора с Вронским, Долли вспомнит, как щурилась Анна, и подумает, "что Анна щурилась, именно когда дело касалось душевных сторон жизни". И разгадка этой новой привычки моментально придет ей в голову: "Точно она на свою жизнь щурилась, чтобы не все видеть". То есть чтобы лгать и не слышать совести.

Но до этих выводов еще далеко, а пока Анна начинает нахваливать подошедшего Вронского. А он и правда заслуживает похвалы. Лишившись карьеры, охладев к

живописи и дико скучая от безделья, он внезапно нашел себя в работе на земле. В нем внезапно открылся настоящий талант - талант хозяина, напрочь пропущенный Набоковым, обозвавшим Вронского "бездарным во всем". За те полгода, что они живут здесь, он приумножает поместье. Он строит больницу и школу. Он выписывает из-за границы лучшие сельскохозяйственные машины. Деятельность Вронского оценили и даже избрали его почетным мировым судьей!

И тут Анна посетовала, что у Вронского, к ее сожалению, слишком много этих общественных обязанностей, которые отнимают у него слишком много времени. И тут в тоне ее почувствовалось плохо скрытое раздражение. А лицо Вронского тотчас приняло упорное выражение. И Долли почувствовала, что они уже не первый раз ссорятся на эту тему: что Анну занятия и успехи Вронского злят, а ему доставляют удовольствие.

Они входят в дом. И дом поражает Долли чрезмерной, будто намеренной роскошью. Это еще больше смущает и охлаждает Долли. Она с удивлением чувствует, что не в силах быть искренней здесь, в этом доме среди этих людей.

Еще два момента, отмеченных Долли.

Первый. Она видит: громадный дом ведется блестяще, однако опытным глазом хозяйки Долли быстро подмечает, что это заслуга вовсе не Анны, а все того же Вронского, а что Анна к ведению дома и не прикасается, как будто она здесь гость, которому нет нужды заботиться о хозяйстве.

И второй момент. Она просит показать ей дочку Анны. Та ведет ее в детскую. И тут Долли с ужасом понимает, что дочка совершенно не интересует Анну. Долли спросила, сколько у ребенка зубов - и Анна ошиблась в счете, а про последние два зуба и вовсе не знала. Долли с нарастающей неприязнью понимает, что в детской Анна очень редкий гость - хотела дать дочке игрушку, да не знала, где ее взять... Ну как тут не вспомнить еще раз Набокова, который на голубом глазу утверждал, что Анна - *"это натура глубокая, полная сосредоточенного и серьезного нравственного чувства, все в ней значительно и глубоко, в том числе ее любовь"*. Женщина, напрочь забывшая про своего ребенка, а вернее, вовсе не помнящая о нем с самого его рождения! - это и есть глубокая натура, полная нравственного чувства?!

После посещения детской со стороны Анны снова следует каскад уверений в своем необыкновенном счастье - правда, уже вперемешку с жалобами на ее тяжелое положение. После чего Анна представляет присутствующих. Выясняется, что и Тушкевич, теперь уже бывший любовник княгини Тверской, тоже здесь! После того, как он сопроводил ее в оперу, предоставил ей ложу и был вовлечен в скандал, Бетси дала ему отставку...

24. Долли. Разговор с Вронским

"С потрясающей силой изображает Толстой муки Анны. У нее нет ни друзей, ни дела, которое могло бы ее увлечь. В жизни ей остается только любить Вронского".

Вранье из Учебника русской литературы

И на этом месте я изрядно повеселилась. А действительно, бедная, бедная Анна! Друзей у нее нет - с Кити она сама постаралась, чтобы эта девочка даже имя ее произносила с отвращением и ужасом. Бетси Тверская, которую она записала в подруги исключительно из ее удобного родства с Вронским, бросила ее после того, как Анна

обольстила ее любовника. Осталась одна Долли, но и та уже начала прозревать на ее счет. Так что не с кем ей всласть побалаболить, не к кому из гостей в гости сутками помотаться, время с пользой провести.

Да ладно друзья, так ведь и никакого дела у нее нет, вот беда-то какая. И откуда только у других это дело находится? Вот было у Анны одно приятное дело, которое уж точно ее увлекало - красоваться на балах и приемах, да какие теперь балы... Нечем заняться бедной страдалице.

Вронскому хорошо - у него земледелие, у него больница и школа. Долли тоже хорошо - у нее дети, семья, дом... У Анны тоже есть дети, да вот заниматься с ними - такая скукота! И дом у нее тоже есть, вот только вести его и содержать в порядке - какое уж тут веселье? Строительство больницы и школы - ну да, пробовала заняться, какое-то время развлекло, а толку? Опять скучно стало. Тяжелый случай. Только и остается, что любить Вронского. Да опять беда - сам Вронский мешает. Нет бы дома сидел таким же бездельником, вот бы она его любила так любила! А он все по больницам и школам норовит...

Ох и с потрясающей же силой изображает Толстой муки Анны! Муки безделья. А безделье - это вам не вагоны разгружать. Безделье - это каторга.

*

Но вернемся к роману. Вронский, пользуясь приездом Долли, просит ее поговорить с Анной. Он уже вполне заученно называет себя виновником ее тяжкого положения. Которое, кстати, заключается всего лишь в том, что общество не хочет их принимать, при этом тяжкое положение соотносится Набоковым почему-то исключительно с одной Анной, а ведь у Вронского было точно такое же положение! Он нигде не бывает, ни на каких светских мероприятиях не замечен. Он либо сидит рядом с Анной дома, либо занимается делом - строительством больницы и школы, а в общественную деятельность он, так сказать, приглашен именно благодаря своим успехам в именье! Поскольку успехи эти настолько внушительны, что Вронский автоматически вызывает уважение у людей.

Точно такой же путь могла избрать для себя и Анна. Этот путь избавил бы ее от скуки и пустоты и точно так же автоматически обязательно принес бы ей уважение и признание общества - несмотря ни на что. Но Анне заниматься чем-либо всерьез претит. Она занялась было строительством школы, да быстро бросила. Увлечлась больницей, но и это ей быстро наскучило. Ибо главное занятие всей ее жизни - производить впечатление на окружающих, соблазнять и восхищать своей красотой. Все остальное ей скучно. Единственное, что она пока еще делает, это читает научные журналы и потрясает Вронского почерпнутыми оттуда познаниями. Однако эти ее научные познания есть всего лишь результат хорошей памяти и так же поверхностны, как и суждения Набокова о ней. Да и о Вронском тоже. Да и не только Набокова.

Однако вернемся к "вихрю светской жизни", в котором якобы продолжает кружиться Вронский, что столь внезапно было обнаружено Набоковым в предыдущем эпиграфе.

Итак, в разговоре с Долли Вронский говорит о том, что положение Анны в свете тяжело, и что виноват в этом он, потому что она имела несчастье лишиться этого света из любви к нему, и что это очень ее угнетает. Долли изумляется: но разве Анна не счастлива здесь, ведь вам так хорошо вместе, что складывается такое впечатление, будто вы совсем не чувствуете нужды в свете!

Вронский с готовностью соглашается: да, лично ему свет ни за чем не нужен, у него и без света есть чем заняться: "Я нашел это занятие, и горжусь этим занятием, и считаю его более благородным, чем занятия моих бывших товарищей при дворе и по службе. И уже, без сомнения, не променяю этого дела на их дело. Я работаю здесь, сидя на месте,

и я счастлив, доволен, и нам ничего более не нужно для счастья. Я люблю эту деятельность". (Да уж, *вихрь светской жизни* здесь буквально налицо!)

Но вот Анна, продолжает Вронский, она так страдает без светской жизни... Но, продолжает Вронский, дело даже не в этом. А в том, что у нас дочь, которой я до ее развода с мужем не могу дать своего имени! У нас могут быть и еще дети, которые тоже не смогут быть моими наследниками. Но тогда для кого же я стараюсь, кому я передам результат своих трудов?! "Представьте себе положение человека, который знает вперед, что дети его и любимой им женщины не будут его, а чьи-то, кого-то того, кто их ненавидит и знать не хочет. Ведь это ужасно!"

Понятно, что Анна должна развестись, продолжает Вронский, хотя бы ради наших детей. Но по каким-то никому не понятным причинам она этого не хочет, и это полностью противоречит здравому смыслу. "Я пробовал говорить про это Анне. Это раздражает ее. Она не понимает, и я не могу ей высказать все". Поговорите с ней, умоляет Вронский, убедите ее написать к мужу. Ведь он был согласен на развод. Он и сейчас не откажет: "Он прямо отвечал тогда, что если она выразит желание, он не откажет".

И далее Вронский начинает явно цитировать Анну - он вдруг с раздражением говорит, что муж мог бы и не требовать от Анны письма, что он мог бы, как истинно порядочный человек, и сам как-нибудь догадаться о том, что теперь развод Анне снова нужен, хотя раньше - да, она сама отказалась от развода, но теперь-то развод ей нужен, и желательно на прежних условиях, и стало быть, как истинно благородный человек, он мог бы и без всякого письма как-нибудь об этом сообразить и дать Анне всё, что ей нужно, а не заставлять бедную страдальницу обращаться к нему с какими-то там просьбами: "Разумеется, - сказал он мрачно, - это одна из этих фарисейских жестокостей, на которые способны только эти люди без сердца. Он знает, какого мучения ей стоит всякое воспоминание о нем, и, зная ее, требует от нее письма".

А действительно. Нет бы самому как-нибудь догадаться, а он почему-то, а главное, зачем-то требует от Анны ясного изложения ее собственного желания. В связи с чем Вронский и просит Долли, чтобы она уговорила-таки Анну написать к мужу.

Доводы Вронского кажутся Долли свехубедительными и крайне серьезными. Долли соглашается, растерянно размышляя при этом: а почему же сама Анна не думает о таких важных, таких серьезных вещах, как дети, их будущее и наследование детьми имени и прав?.. Почему эти серьезные вещи нисколько ее не волнуют?

Многое, очень многое не нравится здесь Долли. Слишком много фальши (то же чувство она испытывала и в их доме с Карениным - и теперь не остается сомнений, *от кого* исходила эта фальшь), слишком много скрытой злости и недовольства, ненужного и даже постыдного кокетства бог знает с кем, да еще этот камень на душе у Вронского... Все это тяготит Долли: "Те мучительные материнские заботы, которые она так ненавидела дорогой, теперь, после дня, проведенного без них, представлялись ей уже в другом свете и тянули ее к себе".

И почему-то ей становится неприятно, что вечером Анна должна зайти к ней. Она решает не задерживаться здесь и уехать завтра же.

Удивительно, как все эти наблюдения, ощущения и рассуждения Долли прошли мимо Набокова и всех составителей всех учебников литературы вместе взятых. А ведь все это не оставляет никаких сомнений в истинной сущности Анны.

Вот Набоков утверждает: "Она не может вести двойную жизнь, в отличие от другой героини романа, княгини Бетси. Ее правдивая и страстная натура не допускает обмана и тайн".

Я не буду повторяться насчет того, что ее уход к Вронскому вовсе не результат ее "правдивой" натуры, а как раз наоборот - результат ее патологической ненависти к действительно правдивой натуре мужа. Что она врет и выкручивается на каждом шагу. Что она лжесвидетельствует и постоянно оговаривает своего мужа. Что Толстой не случайно подчеркивает ее равнодушие к собственным детям, а также разительную перемену в отношении к ней и к ее мужу у такого поистине правдивого и доброго человека, как Долли. Что если в характеристике хотя бы той же Лидии Ивановны Толстой постоянно упоминает прекрасность ее задумчивых глаз, то в характеристике Анны буквально на каждом шагу упоминается злоба и ненависть.

Анна именно ведет двойную жизнь - без всякого отличия от Бетси. А ее неправдивая самовлюбленная натура не только на каждом шагу допускает обман и интриги, но и катается в этом как сыр в масле.

25. Долли. Разговор с Анной

"Анна Каренина - один из обаятельнейших женских образов русской литературы. Ее ясный ум, чистое сердце, доброта и правдивость притягивают к ней симпатии лучших людей в романе - сестер Щербацких, княгини Мягкой, Левина".

Вранье из учебника русской литературы

Чистое сердце, доброта и правдивость Анны Карениной - самая страшная шутка, которую только могли придумать господа профессора и литературоведы. Это их черный юмор, и мы не будем больше на этом останавливаться.

Поговорим о княгине Мягкой. Удивительно, что по-настоящему добрую женщину - графиню Лидию Ивановну составители учебника с завидной прытью неискушенного ума записали в ханжи. А вот княгиню Мягкую - неприкрытую ханжу, сплетницу, холодную самовлюбленную особу и любительницу никчемных посиделок у Бетси Тверской - отнесли к лучшим людям в романе, поместив ее в компанию к сестрам Щербацким и Левину. Да Левин со Щербацкими бежали бы от нее как ладан от черта!

Теперь что касается симпатий этих лучших людей к Анне (за исключением княгини Мягкой). Кити уже давно терпеть не может Анну - это открыто и постоянно подчеркивается Толстым, и мне странно, что этого никто не в состоянии заметить. Долли так же давно уже разочаровывается в ней. А вот Левин... Ну, мы еще увидим, какие такие симпатии он начнет к ней испытывать, а главное - почему. И как его жена Кити отреагирует на эти его симпатии - и чем эти симпатии мужа для нее закончатся.

А пока вернемся в имение Вронского. Мы остановились на том, что Долли после всех этих невольных наблюдений за Анной вдруг становится очень неприятно, что вечером Анна должна зайти к ней. И она даже решает не задерживаться здесь больше и уехать завтра же.

*

Вечером, уже перед сном, к Долли приходит Анна. Ей хочется начать с Долли какой-нибудь приятный душевный разговор, но на этот раз она почему-то не находит слов. Тогда она *тяжело* вздыхает и с *виноватым* видом спрашивает про... Кити! Вот ведь - никак забыть не может.

"Ну, что Кити? - сказала она, тяжело вздохнув и виновато глядя на Долли. - Правду скажи мне, Долли, не сердится она на меня?" Нет, говорит Долли с улыбкой. "Но

ненавидит, презирает?" - продолжает выпытывать Анна. Да что ты, говорит Долли, ну просто... ну... "ты же знаешь, это не прощается".

Ох как прямо это сказано! И ох как не любит Анна такой прямоты! Ведь одно дело когда она сама напускает на себя виноватый вид - в расчете задешево получить утешение и прощение, а другое дело прямо слышать, что на этот раз никакого снисхождения не будет. И, скрыв неприязнь (отвернувшись и глядя в окно), она торопится оправдаться:

"Да, да, - отвернувшись и глядя в открытое окно, сказала Анна. - Но я не была виновата. И кто виноват? Что такое виноват? Разве могло быть иначе? Ну, как ты думаешь?"

Долли что-то неопределенно отвечает и пытается переменить тему. Но Кити значит для Анны слишком много - ведь Кити первая дала ей молчаливый отпор, Кити первая открыто расценила поступок Анны как подлый. И Анна быстро перебивает Долли: "Да, да, но мы не кончили про Кити. Она счастлива? Он прекрасный человек, говорят".

Здесь мы наблюдаем ту же манипулятивную хитрость, что и в случае с сыном - когда Анна, до тошноты ненавидящая мужа, расхваливает его перед сыном, пытаясь таким образом заработать себе нравственное алиби. Теперь точно так же она говорит приятное о Левине, муже Кити, - сказать же приятное о самой Кити у нее челюсти сводит.

Долли в ответ спокойно подтверждает, что да, мол, муж у Кити замечательный человек. И Анна немедленно выражает радость по этому поводу: "Ах, как я рада! Я очень рада!"

Очень скоро она возьмет в оборот этого "прекрасного человека", и ее не остановит даже тот факт, что Кити вот-вот родит (о чем она, разумеется, знает от Васеньки Весловского)...

Ну, а теперь можно и на жизнь пожаловаться. Жалость к себе - второе любимое занятие Анны. И вот как бы с покорностью и как бы со смирением она говорит о том, что они будут жить здесь, в деревне, одни, и что лично она не желает себе ничего другого, вот только Алексей... он так занят... его почти не бывает дома! нет-нет, она его конечно не держит! но... ее положение так тяжело...

Кстати, мягко говорит Долли, надо бы тебе все-таки развестись и выйти за Вронского. Но как раз это и не входит в планы Анны. Какую же отговорку найти? Ну, разумеется, с моральным подтекстом. Лжецы обожают отсылки к нравственности. И Анна рассказывает печальную историю с намеком на мораль:

"Ты знаешь, единственная женщина, которая приехала ко мне в Петербурге, была Бетси Тверская? Ты ведь ее знаешь? *Au fond c'est la femme la plus depravee qui existe.* Она была в связи с Тушкевичем, самым гадким образом обманывая мужа. И она мне сказала, что она меня знать не хочет, пока мое положение будет неправильно. Не думай, чтобы я сравнивала... Я знаю тебя, душенька моя. Но я невольно вспомнила..."

Ну конечно. Если бывшая лучшая подруга Бетси обманывает мужа, то самым гадким образом, а если Анна - то самым приятным. А то, что, будучи при муже и при любовнике, она вдобавок сама соблазняла этого Тушевича, и Яшвина, и Весловского (что с неприятным осадком мгновенно заметила Долли), это странным образом у Анны не в счет.

Ну вот, теперь можно и к разговору с Вронским перейти. Так о чем вы там с ним говорили? - спрашивает Анна. Да страдает он, говорит Долли, хочется ему дочь свою узаконить и мужем твоим стать, а главное - чтобы тебе легче стало, чтобы избавилась ты от осуждения общества и перестала страдать.

Что?! Перестала страдать?! Она не ослышалась?! "Это невозможно!" - быстро говорит Анна.

А еще, продолжает Долли, чтобы все ваши дети были законными и не терпели ущерба.

"Какие же дети? - не глядя на Долли и щурясь, сказала Анна". (Опять *не глядя* и опять *щурясь!* Тревожный знак.) Да будущие ваши дети, недоуменно уточняет Долли. Ах будущие, говорит Анна, ну "это он может быть спокоен, у меня не будет больше детей". Да как же не будет? - взволновалась Долли. Да так и не будет, отвечает Анна, не будет, "потому что я этого не хочу".

И при этих ее словах на лице Долли отражается целая гамма чувств: любопытство, удивление и... ужас. И, видя этот ужас, Анна торопится исправить неприятное впечатление и с улыбкой добавляет, что она просто... ну просто не может больше иметь детей: "Мне доктор сказал после моей болезни".

Но, кажется, на этот раз Долли не поверила ей... Кажется, с некоторых пор она не верит ни одному утверждению Анны. "N'est ce pas immoral" (это безнравственно) - сказала Долли, помолчав.

И, удивительно дело, Анна начинает полемику по этому поводу. Хотя если дело действительно в том, что она *не может* иметь детей, то полемика тут элементарно бессмысленна. Какая может быть полемика, если детей она иметь не может? О чем тут спорить? Но Анна спорит, и довольно горячо.

Ну почему же безнравственно, спорит Анна, "подумай, у меня выбор из двух: или быть беременною, то есть больною, или быть другом, товарищем своего мужа, все равно мужа, - умышленно поверхностным и легкомысленным тоном сказала Анна". А кроме того, скорбно продолжает она, я ведь ему не жена, ведь "он любит меня до тех пор, пока любит. И что ж, чем же я поддержу его любовь? Вот этим?" - и она изобразила беременность.

Но Долли упрямо молчит и только несогласно вздыхает.

Ну хорошо, говорит Анна, вот тебе еще аргумент. "Ты забываешь мое положение. Как я могу желать детей? Я не говорю про страдания, я их не боюсь. Подумай, кто будут мои дети? Несчастные дети, которые будут носить чужое имя. По самому своему рождению они будут поставлены в необходимость стыдиться матери, отца, своего рождения".

Да ведь о том и речь, изумленно говорит Долли, поэтому-то ты и должна развестись - чтобы выйти замуж за Вронского и чтобы ваши дети носили законное имя, мы ж тебе об этом и толкуем!

Но Анна... как будто не слышит ее. Как будто как раз на этот случай и нет такого выхода, как развод, и как будто ей вообще никто и ничего про развод не говорил! Она как глухая продолжает талдычить одно и то же про несчастных детей, перед которыми она бы всю жизнь чувствовала себя виноватой за то, что они родились в незаконном положении, и что нечего плодить на свет таких несчастных детей.

Анна явно рассчитывает на сочувствие, но на лице Долли вместо сочувствия появляется лишь выражение *гадливости*. Анна это выражение видит. И... меняет тактику...

Тем более надо развестись, говорит Долли, "тем более тебе надо устроить свое положение, если возможно".

Вот именно *если возможно*, "сказала Анна вдруг совершенно другим, тихим и грустным голосом".

Да разве невозможно, удивляется Долли, ведь твой муж был согласен на развод!

И Анне на это совершенно нечего возразить. Поэтому она просто... сворачивает тему. Вернее, не сворачивает, а берет паузу, и все это, разумеется, с выражением страдания на лице: "Долли! Мне не хочется говорить про это" - вот и все ее слова.

И вот, пока она судорожно придумывает, что бы такое ответить Долли на ее вполне очевидное возражение, она незамысловато щебечет про Васеньку Весловского, и ей так хочется покрасоваться перед Долли, что она не замечает, что и тут невольно себя выдает: "Он мальчик", говорит она, "и весь у меня в руках; ты понимаешь, я им управляю, как хочу".

Вот оно - кредо Карениной. Управлять, держать в руках, подчинять своей воле, своим капризам, своим желаниям. Кстати, насчет Васеньки она глубоко ошибается. Васеньке совершенно все равно, с кем кокетничать, лишь бы кокетничать. Он и с беременной Кити кокетничал в свое наслаждение, наплевав и на ее мужа и на ее беременность, за что его Левин и вытурил взашей. В сущности Васенька - копия самой Карениной.

Однако ответ готов, и вот уже она сама возвращается к опасной теме. Ах, это все так ужасно, говорит она, я так измучилась, я постоянно думаю о разводе, из-за этих мыслей я даже стала принимать на ночь морфин... Но ведь мой муж ни за что не даст мне развода, ведь он теперь под влиянием Лидии Ивановны!.. И почему я вообще должна унижаться и писать к нему, ведь я могу получить оскорбительный ответ!.. Ну хорошо, допустим, я получу согласие... но ведь тогда они ни за что не отдадут мне сына, и он "вырастет, презирая меня"... А ведь я люблю их обоих больше себя! Но увы, мне никогда не соединить их, и стало быть, я опять несчастна... "Только эти два существа я люблю, и одно исключает другое. Я не могу их соединить, а это мне одно нужно. А если этого нет, то все равно". В ее глазах слезы, ее руки прижаты к груди.

Худенькая Долли дрожит от волнения. Сама тема настолько пронзительна, что она забыла о своем недоверии к Анне. И Анна это прекрасно видит и дожимает ситуацию: с виноватым видом она смиренно просит не презирать ее. Да уж какое там презрение после таких-то страданий! Долли обуревают нешуточные эмоции, она теперь не в силах даже вспомнить про свои подозрения насчет Анны.

Поразительно, как Анна умеет все вывернуть себе на пользу. Она словно забыла, что муж был согласен отдать ей Сережу. Так что соединить в одно сына и любовника ей абсолютно никто не мешал. Но она сама отказалась от этого. Сама отказалась от столь выгодных для нее условий развода - и только потому, что, получив согласие на развод, она тут же засомневалась, а выгодно ли ей это, не оставить ли ей на всякий случай лазейку для возвращения, и насколько это выгодно мужу, не зря же он согласился на такие условия.

И все-таки в одном Анна права: ее муж действительно находится теперь под влиянием Лидии Ивановны, а ее на дешевых взываниях к жалости и благородству так просто не проведешь. И уж она сумеет объяснить Алексею Александровичу, что брать на себя чужую вину и, таким образом, обрекать себя на бесчестие глупо и несправедливо по отношению к себе. Вот почему Анна и не хочет писать к мужу - гордыня заставляет ее панически бояться потерпеть заведомое поражение.

Но разговор с Долли закончен. Анна возвращается к себе, принимает морфин и... "с успокоенным и веселым духом" идет спать. Вронский с вниманием вглядывается в ее лицо - он ищет на нем следы ее разговора с Долли, и он вопросительно смотрит ей в глаза, ожидая ответа о разводе. Но после морфина вопросительный взгляд Вронского Анна понимает как любовный призыв - и согласно улыбается ему...

*

Итак, с некоторых пор Анна постоянно принимает морфин, входящий в самую опасную группу наркотиков. Привыкание к нему происходит мгновенно и, без посторонней помощи, необратимо. Разрушения в психике он производит катастрофические. Живут морфинисты не больше семи лет.

Морфин ей давали во время родильной горячки, и этого оказалось достаточно, чтобы она не забыла о нем. Однако человек никогда не становится наркоманом случайно - к этому его обязательно и прежде всего подталкивают его личные качества.

Еще до всякого наркотика основными чертами характера Анны были себялюбие, высокомерие, лживость, злоба, мстительность, ужасающая внутренняя пустота и нечистоплотность в выборе средств. Некрасивая история с жениховством Алексея Александровича, когда тот был хитростью поставлен в двусмысленные обстоятельства с применением шантажа. Потом девять лет притворства - такой срок не каждый выдержит, Анне же притворство далось чрезвычайно легко, это ее естественная внутренняя среда. Некрасивая история с Кити. Потом целый год эпатажных увлечений Вронского. Потом долгое отвратительное издевательство над мужем.

Все это приносило Анне несказанное удовольствие, тешило ее гордыню и себялюбие. Врожденная лживость делала ее чрезвычайно изворотливой, а чужие порядочность и доверчивость служили ей верной защитой от наказания. Тот же, кто смел давать ей отпор, как Кити, становился ее врагом, разжигая в ней чувство мести.

В данной цепочке ее ненависть к мужу имеет совершенно иные причины. Безусловно, эта ненависть продиктована прямой нравственной противоположностью ей Алексея Александровича. Но не только. Основная же причина в том, что при всем огромном разрушении, которое он претерпел от Анны, он так и остался человеком, который ни при каких обстоятельствах не склонился бы перед ней, перед ее пороками и неуемной жаждой всецело повелевать его жизнью - в нем был стержень, и она это интуитивно чувствовала. Да, он мог ослабеть, совершить ошибку, поддаться давлению. Вот только вовсе не потому, что так хотела она, что это был ее приказ, ее воля или ее каприз, а исключительно в силу своих духовных качеств, своей порядочности и доброты, умения прощать и любить, а также своей склонности постоянно сомневаться в необходимости строгих мер и преуменьшать их при первой же возможности. И такое отношение к жизни и к людям пугает и непомерно раздражает Анну.

Такое же отношение к людям, если брать женский состав романа, свойственно и Кити и Долли. Их она тоже не любит, но вынуждена скрывать свою неприязнь: к Кити - чтобы не выдать своей истинной натуры и не восстановить против себя Долли, поскольку Долли ей нужна, она ее единственный мостик со светом, от нее частично зависит отношение общества к Анне.

Вронский привлек ее тем, что предложил ей то, чего так жаждала ее натура - покорность и полное повиновение ее воле. И довольно долго он действительно был ее психологическим рабом - до тех пор, пока жизнь его была скучна и пуста. Но вот совершенно неожиданно для себя Вронский нашел свое место в жизни - в нем обнаружился настоящий талант, а настоящий талант невозможен без пробуждения личности. Пробуждение требует развития. Развитие нуждается в свободе самовыражения. Самовыражение невозможно без чувства собственного достоинства, иначе нечего выражать. Происходит переоценка ценностей.

В итоге Вронский начинает все чаще протестовать против своего положения покорной жертвы, ибо статус покорной жертвы исключает свободу, мешая развитию таланта. И это также становится для Анны источником постоянной тревоги и страха. Она видит, что все стремятся жить по каким-то другим законам - законам взаимопонимания и добра, и больше никто не хочет быть покорной ей жертвой...

26. Жизнь в деревне. Выборы. Болезнь дочки

"Он все еще любит Анну, но подчас его тянет к спорту

и светским развлечениям, и время от времени он не отказывает себе в них. Анна истолковывает эти мелкие измены как знак его охлаждения к ней. Она чувствует, что может потерять его".

Ложь Набокова

Набоков, назвав Вронского бездарным во всем, с удивительной слепотой пропустил, быть может, единственный, но зато настоящий талант Вронского, о чем Толстым сказано немало, - талант хозяина. А уж про вихрь светской жизни, который сослепу вдруг обнаружил в романе Набоков и в котором якобы продолжает кружиться Вронский, я и вовсе молчу. Но вот пропустить до смешного нелепую фразу о том, что подчас Вронского тянет к спорту, что эта тяга к спорту является мелкой изменой и что Анна истолковывает эту тягу к спорту как знак охлаждения к ней, - пропустить эту фразу я никак не могу, уж больно она анекдотична, особенно на фоне красивых самоубийств и прочих дешевых непристойностей Набокова. Кстати, что конкретно Набоков подразумевает под занятиями спортом? Игры в теннис на лужайке? Или скачки? Но и в скачках теперь участвую только лошади Вронского - он разводит скаковых лошадей, они часть его хозяйства.

*

Они живут в Воздвиженском все лето и половину осени. Дело с разводом так и остается на прежней точке. Ни о каких письмах мужу по этому поводу Анна и не думает.

Вронский всерьез увлекся "ролью богатого землевладельца". Он и строитель, и торговец, и агроном, и коннозаводчик. Она же читает научные журналы и дает Вронскому советы из них. Еще некоторое время занимается устройством больницы, но это ей скоро надоело. Еще она взяла на воспитание какую-то девочку англичанку из бедной семьи - и вот, совершенно забросив родную дочь, она занимается воспитанницей, получая за это благодарственные поклоны и восхищение скучающих зрителей.

И все-таки... "главная забота ее все-таки была она сама - она сама, насколько она дорога Вронскому, насколько она может заменить для него все, что он оставил".

Заменить собой всё, всю жизнь, все удовольствия и потребности Вронского, чтобы обожание и служение ей стало единственным смыслом его жизни - вот в чем заключается ее забота о себе.

Но он не согласен. Он больше не хочет развлекать Анну совместным бездельем, он больше не хочет служить ее средством от скуки. Ему интересно построить больницу и школу. Осмотреть и опробовать новые сельскохозяйственные машины. Разобраться в агрономических тонкостях. С выгодой продать урожай. Участвовать в выборах.

Он советует Анне также найти себе дело по душе. Он готов ей помочь и создать для нее все условия. Он радуется, когда она изъявляет желание приобщиться к его трудам. Но увы, ничто не занимает ее надолго. Ей интересна только она сама - и чтобы все интересовались исключительно ею. И она устраивает ему бесконечные сцены. Каждый раз, как он отлучается из дома, следует сцена, сцена и сцена... (А потом морфин, морфин и морфин...)

И это начинает раздражать Вронского. Он все больше и больше начинает тяготиться "теми любовными сетями, которыми она старалась опутать его". Теперь, день за днем живя вместе с ней, он все лучше и лучше видит эти сети - и чем они искусней и крепче, тем больше ему хочется их разорвать. И даже не то что разорвать... "не то что выйти из них, но попробовать, не мешают ли они его свободе".

*

В октябре состоялись дворянские губернские выборы. Это было значимое событие, обратившее на себя серьезное общественное внимание. Меж тем время это для жизни в деревне было самое скучное, а потому накануне дня выборов между Анной и Вронским опять произошла ссора - она опять не хотела, чтобы он уезжал. Она хотела, чтобы он остался и развлекал ее своим присутствием.

Однако Вронский, ко все более усиливающемуся страху Анны, настроен более чем решительно, эти выборы слишком много значат для него, так много, что за эту поездку он даже готов к борьбе с Анной. Да и вообще эти бесконечные сцены порядком его достали.

И вот он "со строгим и холодным выражением, как он *никогда прежде* не говорил с Анной, объявил ей о своем отъезде". Видя такую решительную готовность к отпору, Анна немедленно меняет тактику. К его удивлению она "приняла это известие очень спокойно и спросила только, когда он вернется".

Он внимательно смотрит на нее. Он слишком хорошо ее знает, а потому уже давно не верит ее спокойствию, и более того - это ее спокойствие его *пугает*. Он уже знает, что такое спокойствие появляется у нее исключительно "тогда, когда она на что-нибудь решилась про себя", то есть когда она втайне уже решила, как сделать так, чтобы все равно сделать по-своему. И последнее время он очень боится этого.

Страх! С некоторых пор Анна внушает Вронскому сильный страх.

Итак, спокойствие Анны пугает его, но ему так осточертели скандалы, что он больше ничего не хочет выяснять. Она делает спокойный вид? Тем лучше. А я сделаю вид, что верю ее спокойствию. Нет, он больше не хочет никаких выяснений. И он уезжает.

*

Выборы длятся несколько дней, их исход вполне успешен для Вронского, и он даже чувствует, что "приобрел уже влияние между дворянами". А кроме того, в нем снова проснулось честолюбие. До чего же интересно жить! Он даже подумывает и сам баллотироваться на следующий срок. Если, конечно, к тому времени он будет... женат. Хм...

Кружок политических единомышленников - вновь избранный губернский предводитель, а также Вронский, Стива и Левин среди прочих - празднует победу. Хорошо едят, пьют много вина... В конце обеда приходит записка от Анны. И даже не распечатав письма, Вронский знает, *что* в нем - уж конечно упреки! Ведь выборы задержались, и он не вернулся в назначенный день. Правда, запиской он уведомил Анну о задержке, но, видимо, письмо еще не получено ею. И вот - письмо от нее... С упреками. А главное, какая неприятная форма!

Письмо начинается сообщением о том, что дочка очень больна, что помощников нет, что Анна совсем потеряла голову, а Вронского до сих пор нет, и что она сама хотела приехать к нему, но раздумала, но только потому, что знает, что ее приезд будет ему неприятен, и что пусть он ей хотя бы сообщит, что ей делать.

Тон этого письма Вронский расценивает как враждебный. Но главное - он не может понять: как же так, "ребенок болен, а она сама хотела ехать"! Да как же ей могло в голову прийти оставить заболевшую дочку?!

Однако дочка больна. И Вронский немедленно едет домой.

*

А теперь давайте посмотрим, как события развивались до этого, т.е. после отъезда Вронского.

Да, поначалу Анна все-таки сделала над собой усилие и не устроила Вронскому скандал по случаю его отъезда. Хотя хотелось. Но она и сама уже чувствовала, что количество склок давно превысило возможный предел и вместо безоговорочного повиновения они уже начали вызывать во Вронском сопротивление. И она решила на этот раз обойтись без скандала, облагодетельствовать Вронского. Но вот беда: привыкший к сценам Вронский не сумел вовремя догадаться об этом! А потому, объявляя о своем решении, посмотрел на нее строго и холодно. И это чрезвычайно ее оскорбило. Как он смеет смотреть на нее *строго* и *холодно*! Как он смеет смотреть на нее взглядом, "который выражал право на свободу"!

И вот, то и дело прокручивая в памяти этот взгляд, она, "как и всегда" (и это подчеркивает Толстой), пришла исключительно к одному выводу - "к сознанию своего унижения". Уточним по контексту: чужое право на свободу Анной расценивается как унижение ее достоинства.

В связи с чем она и предается любимому занятию - жалости к себе. Ну конечно, хнычет Анна, он-то имеет право уехать куда и когда захочет (у нее тоже есть это право, но она им не пользуется). Он даже имеет право оставить меня, ведь я ему не жена (она тоже имеет право в любой момент уйти от него). Но, рассуждает далее Анна, ведь он же порядочный человек, а значит, именно потому, что он имеет право, он и не должен этим правом пользоваться! Ведь порядочный человек, имея на что-нибудь право, просто обязан отказаться от этого права, если я так хочу! А он вместо того, чтобы никуда не ехать, взял и уехал!.. А почему? Неужели и правда свободы хочется? Неужели и правда бежит из дома из-за скандалов? Да ну, ерунда. Просто у него охлаждение ко мне начинается, вот и все. Но ничего, ничего, мы еще посмотрим, я еще смогу удержать его своей красотой и постелью. Но вот надолго ли?.. Ах, как бы сделать так, чтоб надолго? Развод! Мне срочно нужен развод!

И, постановив так, она решила в виде исключения не капризничать и не ломаться, как обычно, а, чтобы не рисковать, "согласиться в первый же раз, как он или Стива заговорят ей об этом".

Отметим: сама она говорить о важном для нее же вопросе по-прежнему и не собирается - еще чего! это пусть другие о ней беспокоятся. А пока - страх за себя и все тот же морфин по ночам...

Так прошло пять дней. Она гуляла, посещала больницу, беседовала с приживалкой - княжной Варварой Облонской, читала романы. Это забирало ее время. Не увлекало - просто забирало время. И все это время ей отчаянно скучно. Тут заболела дочь. "Анна взялась ходить за нею, но и это не развлекло ее, тем более что болезнь не была опасна".

И вот на этом месте я испытала шок. Она, родная мать, ухаживает за больным ребенком *только* для того, чтобы хоть как-то *развлечься*! Да вот болезнь оказалась неопасной - настоящего развлечения не получилось... (А Вронскому врет, что якобы совсем сбилась с ног, ухаживая за дочкой!) Ничего себе отношение к ребенку... Да где же были глаза Набокова, когда он утверждал, что Анна Каренина "прекрасная женщина, очень добрая, глубоко порядочная"? Где тут доброта или хотя бы порядочность? Как может добрый порядочный человек расценивать болезнь ребенка как удачно подвернувшийся способ развлечься?!

Анна на удивление равнодушна к дочери. На удивление. Чем же она объясняет такое равнодушие? А вот чем: "Как она ни старалась, она не могла любить эту девочку, а притворяться в любви она не могла". Потрясающая отговорка. Особенно в неслучайном авторском контексте, что ухаживание за больным ребенком ее *не развлекло*. Вот и выходит, что любовь для Карениной - это всего лишь способ развлечения. И не более того. Не развлекает? Значит, не люблю.

А теперь вспомним, как отнесся к заболевшей девочке муж Анны, которого все тот же Набоков по странному приступу слепоты характеризовал как "лицемера и тирана", попутно уличив его в поддельной морали, а все его добрые поступки снисходительно и высокомерно характеризовав как всего лишь "широкий жест".

Итак, развлекающаяся болезнью дочери и уже успевшая сто раз забыть о ее существовании Анна названа Набоковым "очень доброй" и "глубоко порядочной". А ее муж - "лицемером и тираном", способным лишь на "широкий жест".

Обычно широкий жест делается на публику, чтобы произвести нужное впечатление, иначе в нем нет никакого смысла. Что же такого на публику делал Алексей Александрович? Ничего. Он, как обычно, по зову сердца, неоднократно заглянул в детскую, обеспокоился криком ребенка, дважды вызвал врача, лично опросил всю прислугу, лично осмотрел девочку, а после работы сразу же прошел к ней в комнату. Какая тут публичность? Какой тут широкий жест? Всё это происходит внутри дома, а на службе и в обществе его настолько презирают и смеются над ним из-за Анны, что вряд ли бы ему пришло в голову делиться с кем-либо своими домашними хлопотами и переживаниями из-за ребенка, отцом которого был любовник его жены!!! Больше того, Алексей Александрович крайне одинок, одну лишь Анну он когда-то сделал своим другом, но она предала его. Так перед кем он мог бы похвастаться? Может быть, перед Анной? Может быть, он пришел к ней и начал в красках расписывать свою заботу о девочке? Тоже нет. Он всего лишь сообщил ей, что вызвал доктора, и то лишь для того, чтобы хоть о чем-то сказать. В ответ же он получил от Анны целую истерику, что он якобы упрекает ее за то, что она совершенно забыла про дочку.

Два человека. Алексей Александрович, которому бы и в голову не пришло, что болезнью ребенка можно развлекаться - да он был бы в шоке от одного только предположения о таком омерзительном развлечении. И Анна - сходящая с ума от скуки и от своей чудовищной внутренней пустоты, в сердце которой не существует любви даже к своим детям, в душе которой не рождено сострадания даже к больному ребенку. Для которой любовь - развлечение.

Вронский уехал - и вот ей уже нечем себя развлечь. Она скучает и смертельно завидует Вронскому, которому не до скуки. И чтобы лишить его этого удовольствия, чтобы сделать его жизнь такой же пустой и скучной, как ее собственная, она и отправляет ему провокационное письмо, в котором сообщает, что дочка больна, но что при этом она запросто хотела оставить ее и приехать к Вронскому, и что только его недовольство видеть ее остановило ее намерение...

А дочка-то и выздоровела - как на грех уже два дня как здорова. Другая бы мать радовалась. Но только не Анна. Анне "даже досадно стало на нее за то, что она оправилась как раз в то время, как было послано письмо" (!) Лично у меня мороз по коже. Действительно, дочка виновата, не могла еще поболеть. Ну и чем ей теперь перед Вронским оправдываться?

Но что сделано, то сделано, и вот она сидит и ждет Вронского. И вот она сидит и трясется от страха, с ужасом ожидая "повторения того строгого взгляда, который он бросил на нее, уезжая, особенно когда он узнает, что девочка не была опасно больна".

И правильно трясется! За время совместной жизни ему уже до такой степени надоели ее бесконечные враки, скандалы и манипуляции, что он уже сыт ими по горло, ему уже не в радость возвращаться домой и проводить с ней время. Но вот как раз на это ей и глубоко наплевать. Пускай он тяготится, но пусть будет дома - "тут с нею, чтоб она видела его, знала каждое его движение".

В общем, сбесишься от такой счастливой жизни.

*

Он приезжает. И она "радостно побежала ему навстречу" - и правильно, ведь пока обман с дочкой не раскрылся, нужно его как следует обласкать.

Ну как там ребенок, спрашивает Вронский, и это его самый первый вопрос. "Ничего, ей лучше", - отвечает Анна и, не спуская с него радостных глаз, берет его за голову и вообще всячески показывает ему, как она счастлива его приездом.

А что же он? А он *холодно* оглядывает ее. И думает о том, что - да, ему нравится ее наряд и прическа, но ведь все это ему уже столько раз нравилось! Тоска...

Однако вечер проходит вполне весело. Вот только приживалка Варвара Облонская жалуется Вронскому, что Анна все эти дни принимала морфин. Но даже и это досадное замечание Анна тут же переводит в свою пользу. Что же делать, со страдальческим намеком говорит она, "я не могла спать... Мысли мешали. При нем я никогда не принимаю. Почти никогда".

У наркомана всегда найдется повод для оправдания приема наркотиков. Чуть раньше она уверяла Долли, что принимает морфин исключительно из-за переживаний о разводе, теперь уверяет Вронского, что принимает морфин исключительно по причине его отъездов.

Тут интересна оговорка: при нем я никогда не принимаю, говорит Анна и уточняет: *почти* никогда. Таким образом, ясно, что морфин она принимает достаточно часто.

В этот вечер, заглаживая неприятное впечатление от письма, она особенно старалась быть приятной, и ей вполне удалось снова овладеть Вронским. Впрочем, с подачи Анны они и на этот раз успели-таки поругаться. И опять на ту же тему. Но эту ссору она успевает использовать в своих интересах - ведь отныне ей срочно нужно стать женой Вронского! И как только разговор заходит о необходимости поехать в Москву, она торопливо подводит его к мысли о разводе - настолько торопливо, что он даже не успевает произнести это слово, а уж она перебивает его и, помня, что капризы нынче опасны, сама произносит это, ставшее для нее необыкновенно важным теперь, слово "развод". А заодно и набивается на поездку:

"- Если ты поедешь в Москву, то и я поеду. Я не останусь здесь. Или мы должны разойтись, или жить вместе.

- Ведь ты знаешь, что это одно мое желанье. Но для этого...

- Надо развод? Я напишу ему. Я вижу, что я не могу так жить... Но я поеду с тобой в Москву".

Вронский согласен. Вронский улыбается. Вронский говорит с улыбкой и нежно: "Точно ты угрожаешь мне. Да я ничего так не желаю, как не разлучаться с тобой".

Однако одновременно с этими нежными словами в глазах его блеснул "холодный, злой взгляд человека преследуемого и ожесточенного". И Анна "видела этот взгляд и верно угадала его значение: "Если так, то это несчастье!" - говорил этот его взгляд".

Она немедленно - теперь уже немедленно и без всяких уговоров! - пишет к мужу, прося того о разводе. А в конце ноября вместе с Вронским уезжает в Москву - и каждый день ждет ответа от мужа.

27. Соблазнение Левина. Победа над Кити. Над Вронским.

"Анна не обычная женщина, не просто образец женственности, это натура глубокая, полная

сосредоточенного и серьезного нравственного чувства, все в ней значительно и глубоко, в том числе ее любовь".

Ложь Набокова

Мы уже неоднократно видели, какого такого "серьезного нравственного чувства" якобы "полна" Анна и как все в ней якобы "значительно и глубоко" - "в том числе и ее любовь" к дочке, например. И это уже давно видим не только мы, но и Вронский.

*

Итак, решение принято - она разводится с мужем и выходит за Вронского. Осталось только дождаться очередного согласия мужа. На этом основании, приехав в Москву, они, наплевав на приличия, поселяются вместе и живут там вот уже три месяца. Она никуда не выезжает (помнит случай в опере!) и к ней никто, кроме верной своим принципам Долли, не ездит. Даже приживалка княжна Облонская и та уехала, спасая остатки своей репутации и считая их совместное проживание уж совсем "верхом неприличия".

Дело с разводом неожиданно затягивается. Нет, муж по-прежнему согласен на развод, но вот сына отдавать ей он теперь передумал. Не из мести. Просто, придя в себя при благотворном дружеском участии Лидии Ивановны, он счел неразумным отдавать ребенка в семью, где он никому не будет нужен. И где, добавим, мать так легко забывает о детях и развлекается их нездоровьем.

Левин в это время тоже находится в Москве. Кити должна вот-вот родить. Сама Кити "чувствовала себя совершенно спокойною и счастливою". Вот только Левина, не умеющего жить городской жизнью и не находящего себе в ней места, ей было жаль. В городе Левину скучно: "В карты он не любил играть. В клуб не ездил. С веселыми мужчинами вроде Облонского водиться, она уже знала теперь, что значило... это значило пить и ехать после питья куда-то. Она без ужаса не могла подумать, куда в таких случаях ездили мужчины".

Тем не менее их жизнь в Москве пошла им даже на пользу в некотором смысле - она внезапно избавила их от ссор ревности, которой был чрезвычайно подвержен Левин и сам искренне терзался от этого, мучительно ища выход (ревность Левина - параллель ревности Анны).

В Москве происходит случайная встреча Кити с Вронским. Воспоминания о прежнем чувстве к нему невольно мелькают в ее душе, но она скоро убеждается, что давно уже полностью к нему равнодушна.

В один из московских дней Левин обедает в клубе. Там уже собралась теплая компания, и Стива Облонский в том числе. Левин, стеснительный и обычно скованный, окрылен веселой болтовней и приходит в приподнятое благодушное настроение, ему все очень нравятся, от восторга и с непривычки он сильно напивается, время летит быстро, и Левин даже "не заметил, как прошел обед".

В конце обеда появляется Вронский, он дружелюбно здоровается с Левиным, и Левин, избавившись от ревности к нему, испытывает к Вронскому искреннюю симпатию; в результате застолье продолжилось, и Левин напился уже совсем вдрызг.

Стива, пользуясь моментом, зазывает его в гости к Анне (эти визиты, пусть и редкие, являлись примером свету и доказательством того, что к Анне все-таки ездят *приличные люди*); Вронский также выражает большое удовольствие по этому поводу. Выпили еще. После чего Стива продолжил уговоры: "Ну, так поедem к Анне. Сейчас? А? Она дома. Я давно обещал ей привезти тебя".

Ага! Стало быть, Анна давно наметила себе Левина...

Они едут к Анне. Но без Вронского. Он остается в клубе из желания проследить за Яшвиным, чтобы тот не натворил глупостей (Яшвин игрок).

Поначалу пьяному Левину идея поехать к Анне (обидчице его жены) кажется прекрасной, и только уже сидя в карете и слегка очнувшись, он подумал: а хорошо ли, правильно ли то, что он едет к этой женщине? Но Стива, почувствовав его колебания, поспешил развеять их уговорами и попытками вызвать в Левине всё ту же привычную жалость к Анне. Однако Левин все-таки продолжает сомневаться в правильности своего решения и пытается отговориться, высказав предположение, что она, верно, дочью занята, ей будет некогда принимать гостей... На что получает горделивый ответ, что Анна не самка, чтобы только детьми заниматься, и что про дочь "не слышно". (Не слышно про дочь! Вот как...)

Но зато, говорит с восторгом Стива, зато она пишет... детскую книгу! И вообще, утверждает Стива, Анна - это "прежде всего женщина с сердцем", потому что она взяла на воспитание бедную девочку англичанку и содействует всему ее семейству.

Ну, про воспитанницу я уже говорила, тут даже и Вронского сомнения одолели: он ведь прекрасно видел, что Анне глубоко наплевать даже на своих детей, что она их не любит и любить не собирается. Но как при такой катастрофической нелюбви к детям писать детскую книгу?!. Опять фальшивка, опять ложь.

Левин и Стива приезжают. В это время у Анны с визитом (заметим: в отсутствие Вронского) некто господин Воркуев. Надо полагать, очередная очарованная жертва. Они располагаются в кабинете Вронского, и это не случайно - и скоро мы поймем почему.

Стива успевает предупредить Анну, что к ней с визитом Левин, после чего они проходят в тот самый кабинет. Кабинет полуосвещен - он полутемный, и это очень важная деталь. В кабинете горят всего лишь две лампы: одна с абажуром, это общая лампа, а другая - на стене, и освещает она *портрет* Анны, тот самый, сделанный Михайловым в Италии.

Остановимся на этом. Вот ведь какая штука. Из Италии портрет привезен в деревню, в Воздвиженское, что естественно, однако не оставлен там, а в обязательном порядке взят Анной с собой в Москву и повешен не где-нибудь, а в кабинете Вронского - чтобы хотя бы в качестве портрета все время быть с ним, неустанно напоминать о себе, не выпускать его из нужного состояния, приучать к своему постоянному присутствию в его жизни! Причем повешен портрет не просто так, а с хорошо продуманной подсветкой: романтический полумрак - и яркое пятно с изображением Анны кисти гениального художника! Замечательная конструкция, неизменно способствующая нужному впечатлению.

Именно это Левин и видит в первую минуту, и портрет сразу же потрясает его, он не может оторвать от изображения глаз. Картина, сделанная гением, приводит его в состояние сильного душевного волнения. А через минуту, уже очарованный *портретом*, он слышит и голос этой женщины, а потом и видит наконец "ту самую женщину портрета" - "на той самой высоте красоты, на которой она была уловлена художником на портрете".

И хотя в жизни она, зорко отмечает Левин, была не так блестяща, но зато она была живой, а уже *произведший* нужное впечатление портрет невольно заставлял думать о том, что в ней наверняка сокрыта некая дополнительная привлекательность - раз уж она есть в ее портрете.

Такова сила искусства - сила, о которой Анна прекрасно знает и использует на полную мощь. Она произносит какие-то простые, какие-то банальные фразы - и вот уж эти простые слова окрашивается для Левина неким особым значением - *значением портрета*.

В ее обыкновенных (но, заметим, чрезвычайно, чрезмерно ласковых) словах ему слышится что-то особенное - женщина с портрета витает над реальной Анной, добавляя себя к ее реальному образу: "Я вас давно знаю и люблю, и по дружбе со Стивой и за вашу жену... я знала ее очень мало времени, но она оставила во мне впечатление прелестного цветка, именно цветка. И она уж скоро будет матерью!"

Ну, мы-то с вами уже знаем: если Анна говорит приятное про Кити, значит Кити скоро не поздоровится...

Анна закуривает (она теперь и курит в придачу). Левин то и дело поглядывает на портрет. То на портрет, то на Анну. И тут он видит, как "особенный блеск осветил лицо Анны в то время, как она почувствовала на себе его взгляд". И Левин прекрасно *понимает* значение этого особенного блеска и... краснеет.

Меж тем завязывается самый обычный разговор. Анна говорит самые обычные, самые банальные вещи (кстати, она всегда говорит исключительно банальности), вроде бы и умные, но умные настолько расхожим умом, что все эти умные вещи давно уже стали заезженным общим местом - как и в случае с художником Михайловым. Однако теперь в сознании умного Левина "всякое слово в разговоре с нею получало особенное значение. И говорить с ней было приятно, еще приятнее было слушать ее".

Мы уже знаем, что единственное, в чем Анне нет равных, так это в подаче себя. И если слушать ее было еще приятней, чем отвечать, то здесь наверняка кроется некий отточенный механизм. Какой же? А вот какой: "Анна говорила не только естественно, умно, но умно и небрежно, не приписывая никакой цены своим мыслям, а придавая большую цену мыслям собеседника".

Вот он, рецепт от Карениной: говорить банальности нужно естественно и небрежно, как можно более явно придавая наибольшее значение словам собеседника. И она следует этому неукоснительно: не успел Левин высказать какую-то мысль, а уж лицо Анны "вдруг все просияло" от восторга перед его мыслью. Ну, как не обольститься женщиной, которая в таком восторге от вашего ума!

Дальше - больше: "И улыбка и взгляд ее - все говорило ему, что она к нему только обращает свою речь, дорожа его мнением и вместе с тем вперед зная, что они *понимают друг друга*".

Это стандартный прием обольщения, и вряд ли найдется женщина, которая ни разу его не использовала. Тем не менее этот старинный прием во все времена будет беспроегрешным. А если к этому добавить немного откровенности (которая давно не является ни для кого секретом, а потому безопасна), и если вдобавок приправить эту смесь искренностью (у прирожденных лжецов это получается особенно хорошо), то можно и горы свернуть, не то что пьяного Левина! Что Анна и делает...

И вот уж она с *грустным, доверчивым* выражением на лице не стала скрывать от него всей тяжести своего положения. И Левин немедленно приходит к выводу, что "кроме ума, грации, красоты, в ней была правдивость" - и тут же "почувствовал к ней нежность и жалость".

Да уж, куда там до Анны простой беременной Кити!..

Правда, мелькнула одна странная минута... когда Левин внезапно для себя заметил у Анны совсем *другое* выражение лица: она что-то *тихо* спросила у брата и при этом "ее лицо вдруг выразило странное любопытство, гнев и гордость" (похоже, пыталась тайком выяснить что-то про Вронского). Но это продолжалось с минуту - и вот, не получив нужного ответа, она тут же *сощурилась*, "как бы вспоминая что-то".

Эта привычка щуриться весьма показательна - она появляется тогда, когда Анна либо хочет что-то скрыть и внутренне напрягается, чтобы не сболтнуть лишнего, либо когда она задумывает что-то нехорошее и уже предвкушает от этого результат. И мы уже догадываемся какой...

В общем, вечер удался. Анна торжествует победу. "Следя за интересным разговором, Левин все время любовался ею - и красотой ее, и умом, образованностью, и вместе простотой и задушевностью. Он слушал, говорил и все время думал о ней, о ее внутренней жизни, стараясь угадать ее чувства. И, прежде так строго осуждавший ее, он теперь, по какому-то *странному* ходу мыслей, оправдывал ее и вместе жалел и боялся, что Вронский не вполне понимает ее".

Время для Левина летит незаметно. Однако пора уезжать. Но как же не хочется! Левин с сожалением встает.

"- Прощайте, - сказала она, удерживая его за руку и глядя ему в глаза *притягивающим* взглядом. - Я очень рада, que la glace est rompue (что лед разбит). Она выпустила его руку и *прищурилась*.

- Передайте вашей жене, что я люблю ее, как прежде, и что если она не может простить мне мое положение, то я желаю ей никогда не прощать меня. Чтобы простить, надо пережить то, что я пережила, а от этого избави ее бог.

- Непременно, да, я передам... - краснея, говорил Левин".

А теперь еще раз внимательно прочтем последнюю реплику Анны. Она только что вполне сознательно вскружила голову мужу Кити - причем *беременной* Кити, которой со дня на день рожать. Высоконравственный поступок, ничего не скажешь. И как это может отразиться на здоровье Кити, и как это может повлиять на ее роды - Анне глубоко наплевать.

И вот, совершив эту сознательную подлость, она тут же на голубом глазу признается Кити в любви. При этом, прекрасно понимая, что Левин наверняка в курсе, за что же его жена так не жалуется Анну, она нагло искажает действительную причину и опять-таки на голубом глазу (печально, смиренно, искренним тоном!) повествует о том, что нелюбовь к ней Кити происходит якобы из осуждения и нежелания Кити простить ей ее двусмысленное положение, в котором она оказалась исключительно из большой любви к Вронскому.

А ведь на самом деле причина неприязни Кити совсем в другом, и Анна отлично это знает. Кити терпеть не может Анну вовсе не потому, что та живет с любовником, тем самым попирая устои общества, а совсем по иной причине - за то, что та без всякой жалости, ни за что ни про что, из пустого высокомерия и жажды привлечь к себе внимание, взяла и опозорила ее на глазах у всех - на глазах же у всех обольстив ее жениха, как сейчас обольщает и мужа. Именно об этом Анне не так давно сказала Долли: "ты же знаешь, это не прощается".

Таким образом, мы еще раз столкнулись и с подлостью, и с изворотливой лживостью этой якобы "доброй честной женщины", какую она привиделась Набокову в его страшном сне.

Но фокус удался. Выйдя от Анны, Левин полностью убежден: "Необыкновенная женщина! Не то что умна, но сердечная удивительно. Ужасно жалко ее!"

*

Вернувшись домой, Левин идет к жене, но... думает об Анне. И приходит к выводу, "что было что-то *не то* в нежной жалости, которую он испытывал к Анне". Говоря прямо, он попался в расставленную ловушку соблазна и увлекся Карениной.

Кити замечает, что его глаза подозрительно блестят. Он рассказывает, что был в гостях у Карениной, уж так получилось, он не хотел, да вот Стива уговорил. И, сказав так, краснеет. В этот момент он окончательно понимает, что его визит к Анне был очень и очень нехорошим делом. Кити при этом известии неприятно взволнована, но изо всех сил старается не показать этого. О, она знает, чем кончаются визиты к этой женщине!

"Она очень милая, очень, очень жалкая, хорошая женщина" - говорит Левин. И Кити, не удержавшись, акцентирует: "Да, разумеется, она очень жалкая". Но что значит одна фраза испуганной беременной женщины против целого арсенала записной обольстительницы? К тому же Кити так старается выказать свое спокойствие по этому поводу, что Левин простодушно верит ей и уходит.

Через какое-то время он возвращается и вдруг видит, что Кити так и не легла спать, а все так же сидит в кресле. Он вошел - она взглянула на него и разрыдалась. "Ты влюбился в эту гадкую женщину, она обворожила тебя. Я видела по твоим глазам..."

Да, именно гадкую. Так говорит Кити - один из лучших людей в романе. И именно обворожила. И если бы на месте Левина был сейчас другой человек, и если бы между ними давно не установились искренние, доверительные, честные отношения, то Кити бы не сдобровать.

Разговор между ними длится несколько часов. "Долго Левин не мог успокоить жену. Наконец он успокоил ее, только признавшись, что чувство жалости в соединении с вином сбили его и он поддался хитрому влиянию Анны и что он будет избегать ее".

Хитрому влиянию! И что будет избегать! Ну хоть сейчас-то вы прочли эти слова? ну и где тут "симпатии" к Анне "лучших людей в романе", как уверяет нас учебник литературы в течение многих и многих лет? Да Кити смертельно напугана тем, что Левин поехал к Анне, к этой "гадкой женщине", как она говорит (как говорит лучший человек в романе!), и не от ревности она так говорит, а от абсолютно точного понимания глубоко порочной природы этой женщины, для которой не существует ничего святого. И никаких симпатий она давно уже к ней не испытывает. От Анны исходит одно только горе, какие тут могут быть симпатии?

Но, слава богу, на этот раз все хотя бы закончилось хорошо. Однако Кити настолько перенервничала, что в эту же ночь у нее начались роды...

*

А теперь вернемся на несколько часов назад. Вот Левин выходит от Анны, и как только дверь за ним закрылась, Анна с удовлетворением отметила, что его соблазнение ей вполне удалось. И что ее цель - "возбудить в Левине чувство любви к себе", для достижения которой она "целый вечер делала все возможное" - что эта ее цель достигнута, "насколько это возможно в отношении к женатому честному человеку и в один вечер".

Таким образом, Анна прекрасно давала себе отчет в своих действиях и знала кого соблазняла - женатого и честного, да еще с женой на сносях. И делала для этого *все возможное*. Зачем же она это делала? Зачем ей понадобился Левин? Из желания отомстить Кити. А что плохого сделала ей Кити? Ничего.

Но вот теперь цель блестяще достигнута - и Левин еще даже не успел покинуть ее дом, он еще только вышел из кабинета, а она уже напрочь забыла о нем ("как только он вышел из комнаты, она перестала думать о нем"). Точно так же, как некогда напрочь забыла о Вронском - буквально на следующий же день после того, как соблазнила его

на балу, из каприза отбив его у Кити, походя опозорив ее и доведя ее до сильнейшего нервного срыва.

*

Итак, все ушли, и Анна рассуждает о Вронском: "Если я так действую на других, на этого семейного, любящего человека, отчего же он так холоден ко мне?.. и не то что холоден, он любит меня, я это знаю. Но что-то новое теперь разделяет нас".

Что же стало их разделять, чего никак не может понять Анна? Вронский научился видеть ее ложь. Он стал понимать, что все эти ее слова о любви - фальшивка, обертка, скрывающая пустоту. И последнее время, как только она начинает говорить о любви, его начинает тошнить. А жить он с ней продолжает из чувства долга и еще из чувства вины перед ней, которое она же сама ему и внушила (и продолжает внушать).

Он давно уже догадался, что ее любовь к нему - это камень на его шее, который она сама и повесила, что она ничего ему не позволит и все у него отнимет. Вот почему последнее время каждый раз при разговоре с ней на его лице появляется лишь одно выражение - "выражение холодной готовности к борьбе".

И вот она сидит и жалуется сама себе, что развода все еще нет, что Стива почему-то не может снова поехать к ее мужу, а сама она не может писать к нему дважды, это ведь так унижительно для нее! И что вообще жизнь ее скучна и пуста, и она откровенно говорит себе, что эта приемная девочка и вообще все это "семейство англичанина, писание, чтение" - все это "только обман, все это тот же морфин".

И это правда. Ей действительно ничего не интересно, ее никто не заботит, кроме нее самой, ей глубоко наплевать на всех, кроме себя. Вот и сейчас ей очень себя жаль, жалость к себе буквально переполняет ее. И во всем опять виноват Вронский! "Он бы должен пожалеть меня", - говорила она, чувствуя, как слезы жалости о себе выступают ей на глаза".

Вронский возвращается из клуба. Он задержался, не приехал вовремя - и она настроена выказать ему свое недовольство. И выказывает. В ответ на его лице немедленно появляется выражение той самой *холодной готовности к борьбе*. Он резко отвечает ей. Впрочем, тут же торопится сгладить резкость. Пытается быть нежным. И Анне нравится эта попытка. Казалось бы, скандала не будет? Однако... "какая-то странная сила зла не позволяла ей отдаться своему влечению, как будто условия борьбы не позволяли ей покориться".

Опять эта сила зла! Толстой неоднократно подчеркивает: Анна и зло - синонимы в романе. Она никогда не любит - она всегда только борется и побеждает. Вот и сейчас нежность Вронского расценивается ею как слабость, которой нужно воспользоваться. Задавить его свободу, внушив ему страх за себя и переложив на него ответственность за свою жизнь.

"Я близка к ужасному несчастью и боюсь себя" - говорит она Вронскому, что в переводе с языка манипулятора означает: если ты снова уедешь по каким-то там своим делам, помни - я могу покончить с собой, и тогда ты будешь виноват в моей смерти, потому что ты позволил себе уехать, вместо того чтобы сидеть со мной дома и наполнять смыслом мою жизнь.

После чего, осыпав Вронского упреками, она милостиво снисходит до примирения - "стараясь скрыть торжество победы, которая все-таки была на ее стороне".

А Вронскому уже настолько осточертели скандалы и упреки по малейшему поводу, что он давно уже изобрел новый способ хотя бы не продолжать их - и он снова делает вид, что примирение состоялось.

Однако "в тоне, во взглядах его, все более и более делавшихся холодными, она видела, что он не простил ей ее победу". И даже больше того: она отмечает, что после примирения он даже стал "к ней холоднее, чем прежде, как будто он раскаивался в том, что покорился".

Она вспоминает фразу, которая и обеспечила ей победу над Вронским на этот раз - фразу о том, что она близка к самоубийству. Слишком опасная фраза, думает она, вряд ли ее можно будет употребить как оружие в следующий раз...

28. И еще раз дело о разводе. И снова вымогательство

Анна и Вронский уже полгода живут в Москве. Некогда, пытаясь усидеть на двух стульях, она сама отказалась от выгоднейших условий развода. Позже, написав-таки к мужу письмо с просьбой о разводе и получив от него второе согласие, но уже с оговоркой, что сын остается у него, она снова отказалась. Теперь же она согласна и на такой вариант. Она допекла Вронского, и терпение его вот-вот кончится.

Однако момент упущен - Алексей Александрович потихоньку пришел в себя и уже способен противостоять Анне. К нему в Петербург едет Стива. Ведь однажды он уже сумел ловко заставить Алексея Александровича согласиться на убийственные условия развода, так, может, сумеет и в этот раз?

Вначале речь идет о собственных делах Степана Аркадьича - Стива уверен, что сумеет хитроумно воздействовать на Алексея Александровича и выбить из него нужную протекцию. Но увы. Способности Стивы к новой должности вызывают в Алексее Александровиче большие сомнения, и он спокойно отказывает ему.

Далее Стива переходит к вопросу об Анне, но как только Степан Аркадьич произносит имя сестры, на лице Алексея Александровича отобразилась "усталость и мертвенность". Он отмечает, что приемы, применяемые Стивой для достижения цели, несколько не изменились: он все так же всячески расписывает горести Анны и что "положение ее ужасно", то и дело пытаясь вызвать в Алексее Александровиче жалость к ней. Он то и дело подчеркивает, что обращается к нему как к "доброму человеку и христианину". Он то и дело внушает ему: "Ты должен пожалеть ее".

Но Алексей Александрович уже далеко не тот раздавленный человек, которого так легко было взять на спекуляции нравственными ценностями. Поэтому в ответ Стива получает только одно - "Анна Аркадьевна имеет все то, чего она сама хотела". Что некогда он предоставил ей все условия для развода, но что она сама ото всего отказалась. И что, таким образом, он считает дело закрытым.

В ответ Стива торопливо припоминает духовное величие Алексея Александровича и снова напирает на его великодушие и христианские заповеди. В своей наглости и беспринципности он даже доходит до того, что горячо убеждает Алексея Александровича в том, что в тот раз - в тот первый раз, когда он был согласен на все, - Анна чрезвычайно оценила его духовное величие и желание пожертвовать всем ради нее, но что, дескать, она была буквально подавлена этим его величием - и, дескать, вот почему в тот первый раз, чувствуя свою вину перед ним, "она не обдумала и не могла обдумать всего", а потому и отказалась ото всего по необдуманности.

Но и теперь в ответ на все эти спекуляции Стива получает спокойный холодный отпор: "Жизнь Анны Аркадьевны не может интересовать меня".

Но Стиву это не останавливает. Ах, ее жизнь так ужасна и мучительна, уверяет он, конечно, она сама заслужила все это, и она сама это хорошо понимает, но именно поэтому она и не просит тебя ни о чем - "она прямо говорит, что она ничего не смеет просить", но ведь в твоей власти облегчить ее страдания, ведь это зависит только от

тебя, вот почему мы, ее родственники, и умоляем тебя сжалиться над ней снова и снова - "За что она мучается? Кому от этого лучше?".

Эта очередная наглая попытка свалить на него всю ответственность за чужие поступки наконец выводит Алексея Александровича из себя. Да уж не обвиняете ли вы случайно *меня* в ее ужасном положении, - холодно интересуется он, - да уж не хотите ли вы *меня* сделать во всем виноватым?!

Нисколько-нисколько, моментально сбавляет тон Стива, просто ей так ужасно живется, и просто ты один можешь облегчить ее страдания, тем более что тебе это так запросто сделать, ведь тебе это не будет ничего стоить! Тем более что... и тут Стива снова нажимает на старый проверенный рычаг: "Ведь ты обещал".

Но и этот номер больше не проходит с Алексеем Александровичем. Следует холодный ответ: "Обещание дано было прежде. И я полагал, что вопрос о сыне решал дело". И все-таки нервы его сдают. "Кроме того, я надеялся, что у Анны Аркадьевны достанет великодушия... - с трудом, трясущимися губами, выговорил побледневший Алексей Александрович".

Уточним: он говорит о возможности великодушия не кого-нибудь, а *именно Анны*. Это совершенно понятно. Но Стива, поспешно перебив его, ловко выворачивает эту фразу буквально наизнанку: "Она и предоставляет все *твоему* великодушию"!

И следом опять давит на все чувства разом - и на чувство жалости, и на чувство совести, и на чувство долга: тут и ее ужасное положение, и некогда данное обещание развода, и мольбы. И все это в куче, без пауз и остановок:

"Она просит, умоляет об одном - вывести ее из того невозможного положения, в котором она находится. Она уже не просит сына. Алексей Александрович, ты добрый человек. Войди на мгновение в ее положение. Вопрос развода для нее, в ее положении, вопрос жизни и смерти. Если бы ты не обещал прежде, она бы помирилась с своим положением, жила бы в деревне. Но ты обещал, она написала тебе и переехала в Москву. И вот в Москве, где каждая встреча ей нож в сердце, она живет шесть месяцев, с каждым днем ожидая решения. Ведь это все равно, что приговоренного к смерти держать месяцы с петлей на шее, обещая, может быть, смерть, может быть, помилование. Сжался над ней, и потом я берусь все так устроить..."

Однако все эти слова, все эти призывы в очередной раз сжалиться, все эти бессовестные попытки использовать его прежние обещания вызывают в Алексее Александровиче лишь чувство гадливости. "Я обещал то, чего я не имел права обещать", - говорит он. Но Стива и тут ловко подтасовывает сказанное: "Так ты отказываешь в том, что обещал?"

И вот тут, уставший от непрекращающихся и агрессивных вымогательств, Алексей Александрович идет на компромисс: "Я никогда не отказывал в исполнении возможного, но я желаю иметь время обдумать, насколько обещанное возможно".

Чувствуя возникшую брешь, Стива снова и снова забрасывает Алексея Александровича жалостливыми восклицаниями: "Она так несчастна, как только может быть несчастна женщина, и ты не можешь отказать в такой..."

Но Алексей Александрович холодно прерывает этот уже надоевший ему поток манипуляций: "Насколько обещанное возможно" - лишь холодно повторяет он. Но и это нисколько не обескураживает Стиву! И он немедленно заходит с другого фланга:

"- Алексей Александрович, я не узнаю тебя, - помолчав, сказал Облонский. - Не ты ли (и мы ли не оценили этого?) все простил и движимый именно христианским чувством, готов был всем пожертвовать? Ты сам сказал: отдать кафтан, когда берут рубашку, и теперь..."

Ну, это уже слишком... Эти родственники, эти братец с сестрицей, кажется, всерьез рассчитывают неплохо пожить на его христианском смирении, превратив его *счастье прощения* в удобное оправдание собственных подлостей.

Алексей Александрович побледнел, вскочил, и его челюсть затряслась: "Я прошу, - вдруг вставая на ноги, бледный и с трясущеюся челюстью, пискливым голосом заговорил Алексей Александрович, - прошу вас прекратить, прекратить... этот разговор".

После чего решительно дает понять, что визит Стивы окончен. Но вдруг, задумавшись, добавляет, что окончательный ответ он даст послезавтра...

*

Чрезвычайно утомленный наскоками Стивы, Алексей Александрович дрогнул. И не удивительно. По природе своей он был добрым и крайне совестливым человеком, умеющим любить и жалеть. Череда длительных и крайне болезненных для него подлостей Анны должна была или окончательно раздавить его, или закалить. И он, находящийся в плену собственной излишней совестливости и в паутине чужой лжи, был бы обязательно раздавлен, как почти всегда и происходит с хорошими людьми, если бы не поддержка Лидии Ивановны - если бы не настоящая любовь этой смешной немолодой женщины с прекрасными глазами, ставшей ему настоящим другом.

И все-таки, как бы ни открылась ему истинная ужасная сущность Анны, а против собственной природы идти тяжело. В итоге голос здравого смысла, категорически запрещавший ему любое общение с Анной, а также инстинкт самосохранения, не менее категорически возбранявший ему какое бы то ни было содействие ей, стали уступать под натиском пробившейся жалости - природного качества Алексея Александровича. У него больше не осталось сил на категорическое "нет", и внезапно для Стивы он взял тайм-аут.

Этого времени ему бы хватило, чтобы восстановить силы и окончательно отбиться от прилипал-манипуляторов, расчетливо и холодно преследующих свои интересы любой ценой. Но... но брешь уже образовалась, и в результате вместо того, чтобы самому твердо принять решение, Алексей Александрович предоставляет это судьбе - в лице некоего медиума, который и должен теперь подсказать правильное решение.

В результате реакция медиума расценивается как отрицательная. И на следующий день Стива "получил от Алексея Александровича положительный отказ о разводе Анны".

29. Опять скандал. Еще одна угроза покончить с собой

"Вронский, вертопрах с плоским воображением, начинает тяготиться ее ревностью, чем только усиливает ее подозрения".

Ложь Набокова

Мне было бы крайне любопытно взглянуть на человека, которому бы каждый день устраивали совершенно дикие сцены ревности, которого бы каждый день изводили скандалами, а он бы нисколько этим не тяготился, а воспринимал бы всё это с веселым

олимпийским задором, чтобы не дай бог не усилить подозрения и тем самым не прослыть вертопрахом с плоским воображением.

*

Настало еще одно лето. Вронский и Анна продолжают жить в Москве, хотя вопрос с разводом решен и ждать больше нечего. Они то и дело собираются вернуться в Воздвиженское, но все как-то... не возвращаются.

Согласия больше не было между ними, а было только нарастающее раздражение. "Ни тот, ни другой не высказывали причины своего раздражения, но они считали друг друга неправыми и при каждом предлоге старались доказать это друг другу".

Анна раздражалась на Вронского за то, что он не всю свою жизнь тратит на нее, а позволяет себе часть своей жизни посвящать каким-то своим интересам. Что за последний год он стал позволять себе давать ей отпор. Что он замечает ее вранье и что оно его раздражает. Что он раскусил многие ее манипуляции и что они его бесят. Кроме того, она не забывала постоянно ему напоминать о том, что это ради него она ушла от мужа и что это из-за любви к нему она теперь находится в тяжелом положении... ну и так далее.

Даже в том, что они так долго живут в Москве, она обвиняла Вронского! Она словно забыла, что сама напросилась в Москву. Она словно забыла, что сама нашла предлог так надолго здесь оставаться - якобы она ждет решения мужа, как будто этого нельзя было с таким же успехом ждать в Воздвиженском. Теперь она с яростью лгала себе и уверяла себя, что это *ему* (а не ей!) нужно общество, что это *он* (а не она!) не хочет жить в деревне, и вообще это он виноват в том, что она "навсегда разлучена с сыном" - словно забыв, что некогда муж был *согласен* отдать ей ребенка. О котором она вспоминает только тогда, когда ей нужно в очередной раз вызвать во Вронском чувство вины.

Вронский же, в свою очередь, с обидой припоминает ей, что ради нее он отказался от карьеры и точно так же, как и она, противопоставил себя обществу. И вообще он давно уже раскаивался в том, "что он поставил себя ради нее в тяжелое положение, которое она, вместо того чтоб облегчить, делает еще более тяжелым".

Ему до смерти надоели ее скандалы, ее придуманная ревность на ровном месте, все эти ее претензии, все эти бесконечные упреки и обвинения, ложь и манипуляции - лишь бы все было по ее, лишь бы ей всегда остаться победительницей.

Он все больше чувствовал себя обманутой жертвой. Жизнь с Анной оказалась для него сущим наказанием. В итоге он и сам чувствовал, как его любовь к ней с каждым днем становилась все меньше и меньше.

Впрочем, иногда между ними еще бывали "редкие минуты нежности" - теперь уже редкие! - но эти минуты (по их прошествии) только еще больше раздражали Анну - в его нежности, в его желании помириться она теперь усматривала его наглую уверенность в себе, и она со злобой отмечала, что раньше никакого спокойствия и уверенности в нем не было. И немедленно трактовала эту его нежность как его уверенное чувство победы над ней, а стало быть, как свое поражение.

Она не хочет смириться с мыслью, что вся эта ее высокомерно-обвинительная поза и вообще вся эта невыносимая обстановка, посредством которой она так старательно культивировала свое превосходство над Вронским, вся эта ее неуемная жажда его безоговорочной покорности - всё это однажды должно было неминуемо подтолкнуть жертву к сопротивлению.

То психическое рабство, в которое она некогда столь удачно завлекла Вронского, однажды стало ему слишком тяжело, и у него наконец открылись глаза - и он увидел, что

Анна давно уже повисла на нем камнем, а его любовь к ней стала удавкой на его же собственной шее.

Злобно-истеричная, пустая, не испытывающая ни к чему абсолютно никакого интереса, кроме как к самолюбованию и самообожанию, не способная любить даже своих детей - вот ее истинное лицо, все глубже открывающееся Вронскому.

Очередной длительный скандал, спровоцированный Анной, усугубляет дело...

*

Ссора, как обычно, началась с пустяка. Вронский "посмеялся над женскими гимназиями, считая их ненужными", и в качестве иллюстрации добавил, что, к примеру, той же девочке, которой покровительствовала Анна, вовсе не нужно знание физики для того, чтобы, например, выйти замуж. И это безобидное, вполне отвлеченное замечание мгновенно раздражило Анну - она тут же увидела в этом "презрительный намек на свои занятия".

И, увидев в очередной раз оскорбление там, где его не было и в помине, ей немедленно захотелось сделать Вронскому больно - сказать ему "такую фразу, которая бы отплатила ему за сделанную ей боль".

И вот, в ответ на свое незатейливое замечание, Вронский снова (в миллионный раз) получает осточертевшие упреки: "Я не жду того, чтобы вы помнили меня, мои чувства, как может их помнить любящий человек, но я ожидала просто деликатности".

И это наконец становится для него последней каплей. Чувство досады на себя - за то, что опять, как дурак, хотел с ней спокойной семейной беседы, а вместо этого опять получил мордой об стол - заставляет его покраснеть. Он отвечает что-то неприятное. Она - ему.

И тогда, с очевидным "желанием тоже сделать ей больно", он резко отвечает: "Мне неинтересно ваше пристрастие к этой девочке, это правда, потому что я вижу, что оно ненатурально", - говорит он. И этими словами (даже не предполагая *всей* правды сказанного!) он невольно попадает в самое секретное место в ее душе, о котором никто не должен был даже догадываться, не говоря уж о том, чтобы знать.

Слова о ненатуральности ее чувств буквально "взорвали ее". Разумеется, она тут же обвинила его в жестокости. Разумеется, она немедленно придумала себе отговорку, для пущей убедительности подпустив откровенности в свою ложь - что да, эта воспитанница и впрямь абсолютно не нужна ей, но что эта девочка якобы ее единственное средство, "чтобы переносить свою тяжелую жизнь", в которой, кстати, он же и виноват.

И после этих слов ей опять стало ужасно себя жалко за всю ту несправедливость, как она считала, которую она от него терпит... К тому же он сказал ей в ссоре, что он всем пожертвовал ради нее, а это уж совсем ни в какие ворота! Да как он смеет. Ну да, ради нее он бросил карьеру, испортил отношения с матерью, лишился общества, но как не стыдно ему об этом напоминать! Тем более что это ее право - постоянно напоминать ему, что это она пожертвовала всем ради него!

Они не разговаривают до вечера. А вечером он все же пришел к ней (сама она никогда в жизни мириться не ходит) - "они не поминали о бывшей ссоре, но оба чувствовали, что ссора заглажена, а не прошла".

*

Весь следующий день его не было дома. Эта ссора, в особенности же его слова о ее ненатуральности, так испугали Анну, что ей даже захотелось невероятного - "обвинить себя и оправдать его". Но, как и следовало ожидать, это странное для нее желание довольно скоро прошло: она вспомнила это противное слово - "ненатуральность", она

снова вспомнила, что он хотел причинить ей боль... Разумеется, о том, что она первая захотела причинить ему боль - и причинила! - она не вспоминала. Как и о том, какое невероятное количество раз причиняла ему боль.

"Я знаю, что он хотел сказать; он хотел сказать: ненатурально, не любя свою дочь, любить чужого ребенка" - с обидой и жалостью к себе рассуждает она. И тут же скатывается к привычным обвинениям в его адрес, а заодно и к удобному лживому самооправданию, а заодно и к манипуляциям ребенком: "Что он понимает в любви к детям, в моей любви к Сереже, которым я для него пожертвовала?"

Очередной приступ жалости к себе заливают ее с ног до головы - она снова вспоминает, что он хотел, хотел, хотел сделать ей больно! И она снова так ни разу и не вспомнила о том, что прежде всего она сама хотела причинить боль ему.

И все-таки на этот раз она действительно пытается изменить себя. Вот только жаль, что эта попытка заранее обречена на провал. Да, она наконец-то ужасается своему поведению. Но неумение быть честной по отношению к себе снова и снова порождает в ней ложь, с которой она давно срослась; ложь, к которой она так привыкла, которая всегда так безотказно выручала ее; ложь, посредством которой она всегда и с такой легкостью получала желаемое; ложь, благодаря которой она всегда побеждала, беспощадно причиняя изощренную боль всем, кто смел ей перечить, - на этот раз любимая ею ложь сыграла с ней плохую шутку: она не позволила Анне сказать себе правду. Ложь обманула ее.

Она еще пытается заставить себя признать свою вину... она еще пытается снять с Вронского свои бесконечные нелепые обвинения: "Он правдив, он честен, он любит меня. Я люблю его, на днях выйдет развод. Чего же еще нужно? Нужно спокойствие, доверие, и я возьму на себя". Но ложь начеку, и вот Анна снова убеждает себя, что она ни в чем не виновата (а раз не она, то, стало быть, виноват опять он!), но что якобы из благородства (а на самом деле из глубинного страха остаться без единственной и теперь уже очень шаткой опоры в лице Вронского) она с показной покорностью возьмет вину на себя: "Да, теперь, как он приедет, скажу, что я была виновата, *хотя я и не была виновата*, и мы уедем".

И она велит собирать вещи для отъезда в деревню.

*

В этот день Вронский возвратился домой в десять часов вечера. Она встречает его "с виноватым и кротким выражением на лице". Кажется, мир? Мир. Но, увы, не надолго... Он видит сундуки в прихожей - неужели они наконец-то уедут в деревню? Вронский рад. Он давно мечтает уехать. "Вот это хорошо!" - говорит он.

И она тут же оскорбилась, углядев в этом какой-то намек - как будто он сказал это "ребенку, когда он перестал капризничать", а разве она капризничала? Можно подумать, это она была виновата, что они так долго живут в Москве! Ведь она оставалась в Москве по делу - из-за развода. Правда, с разводом все давно уже было ясно... Впрочем, не в этом дело. Нет, вы посмотрите, что позволяет себе Вронский! Она как дура встречает его с виноватым видом и сообщает ему приятную новость об отъезде, а он в ответ радостно намекает ей, что в задержке виновата она?! Откуда в нем этот самоуверенный тон?! Это что же получается, она виновата, а он виноватым себя совсем не чувствует?!

"И она на мгновение почувствовала в себе поднимающееся желание борьбы". Но... пересилила себя. И вместо того, чтобы устроить очередное препирательство, весело заговорила о том, что ведь развода можно ждать и в деревне, никакой разницы, и вообще этот развод больше не должен иметь влияния на ее жизнь, она больше не хочет ничего ждать.

Довольный Вронский рассказывает ей о своих делах... мелькает случайное женское имя... И в Анне немедленно поднимается ревность.

Вообще складывается такое впечатление, что как только действие наркотика ослабевает, Анну начинает мучит обыкновенная наркотическая ломка, а патологическая раздражительность вкупе с фальшивой ревностью (ревность - мощный предлог для раздражительности) всего лишь следствие или признаки этой ломки.

Обеспокоенный явной переменной, Вронский переводит разговор: когда же едем? - спрашивает он. Послезавтра, в воскресенье, отвечает Анна, чем быстрее, тем лучше. Но послезавтра я не могу, говорит Вронский, в этот день мне нужно быть у матери по делам... отложим отъезд на три дня!

Она с подозрением пристально посмотрела на него, и он смутился от ее взгляда. Это раззадорило ее ревность - женщины, поджидающие Вронского в засаде, уже давно всюду мерещились ей. А Вронского уже давно и дико раздражает ее беспочвенная ревность - он уверен, что это всего лишь еще один хитрый способ навязать ему свою волю. И он абсолютно прав - чуть позже она сама признается в этом.

Началось препирательство из-за даты отъезда. И вот не прошло и пяти минут, как Анна припомнила ему вчерашнюю "ненатуральность", при этом выдав свои мысли за его слова: "Ты ведь говорил вчера, что я не люблю дочь, а притворяюсь, что люблю эту англичанку, что это ненатурально..."

Что ж, на воре шапка горит... Но ведь, кажется, она твердо решила не устраивать скандала сегодня? Так что же случилось, почему она снова упрекает его?!

"На мгновение она очнулась и ужаснулась тому, что изменила своему намерению. Но и зная, что она губит себя, она не могла воздержаться, не могла не показать ему, как он был не прав, не могла покориться ему". Нездоровая жажда борьбы и победы уже овладела ею. Задавить, загнать в угол, во что бы то ни стало показать свое превосходство! Она не может быть не права - это другие всегда не правы. Она не может быть невыносимой - это другие делают невыносимой ее жизнь. Это не она - это ее всегда обижают. Это не она - это ее никто не хочет понимать и жалеть! Так разве же она может допустить такое обращение с собой?!

Вронский еще пытается уменьшить разгорающуюся ссору: "Я никогда не говорил этого; я говорил, что не сочувствую этой внезапной любви", - говорит он. И тогда Анна нарочно подзуживает его: "Отчего ты, хвастаясь своею прямою, не говоришь правду?" И тогда нем закипает гнев. Он еще сдерживается, но Анна только сильнее провоцирует его, и это уже становится невыносимо.

"Нет, это становится невыносимо! - вскрикнул Вронский, вставая со стула. И, остановившись перед ней, он медленно выговорил: - Для чего ты испытываешь мое терпение? - сказал он с таким видом, как будто мог бы сказать еще многое, но удерживался. - Оно имеет пределы". На его лице ненависть. И она с ужасом смотрит на него. Он еще пытается сдержаться. Он начинает что-то говорить, но останавливается... "Я должен спросить, чего вы от меня хотите".

В этот момент они близки к разрыву как никогда. И Анна понимает это. Ну, а раз так, то надо спешить, чтобы и тут выйти победителем, чтобы и тут последнее слово осталось за ней - чтобы он не думал, что это он бросил ее, ну уж нет, пусть знает - это она красиво и гордо сама отказалась от него!

"Чего я могу хотеть? Я могу хотеть только того, чтобы вы не покинули меня, как вы думаете, - сказала она, поняв все то, чего он не досказал. - Но этого я не хочу, это второстепенно. Я хочу любви, а ее нет. Стало быть, все кончено!"

И, сказав так, она идет к двери.

Но он слишком возмущен тем, что на его простую просьбу отложить отъезд она обвинила его в нечестности; он хватает ее за руку, останавливая ее. Пусть объяснится, на каком основании она обвинила его во лжи!

Но в ответ он получает только еще больший упрек, и кстати, к *этой* ссоре вообще не имеющий никакого отношения - Анна сгребла сюда всё что можно из всех своих прежних обид. Повторяю, говорит Анна, "что человек, который попрекает меня, что он всем пожертвовал для меня ... что это хуже, чем нечестный человек, - это человек без сердца".

Отличные слова! Вот только научиться бы ей еще соотносить их со своим поведением. Она же сама буквально заклевала Вронского именно этими упреками - что она всем пожертвовала ради него. И, конечно, он может ей сейчас это припомнить - и был бы прав. Но он... опять сдерживается. "Нет, есть границы терпению! - вскрикнул он и быстро выпустил ее руку".

Что же в ответ на это мучительное восклицание подумала Анна? Да всё одно и то же: "Он ненавидит меня, это ясно", а больше ей в голову ничего и не пришло. Она даже не вспомнила про свои собственные точно такие же упреки, о которых так и не захотел напомнить ей Вронский. Она видит только себя, она переполнена исключительно жалостью к себе - это же *он* ее обижает, это же *он* ее упрекает, это же *он* человек без сердца! Старая песня. Но попробуй ей справедливо заметить, что это не кто-нибудь, а именно она уже вконец изгрызла Вронского своими упреками, как она тут же снова обидится и оскорбится.

Во взвинченном состоянии она вернулась к себе в комнату и, размышляя над случившемся, почувствовала, что ей хочется умереть. Похоже, что это окончательный разрыв... И куда же ей теперь ехать? Как жить одной? Что скажут о ней ее знакомые? Что подумает о ней муж? Как пережить этот позор? Она, такая красивая, такая эффектная, такая лучше всех, по которой сходили с ума все, кто только появлялся в поле ее зрения, - и вот ее хотят бросить, она не нужна... Значит, она ничем не лучше других... Значит, с не можно обходиться так же, как и с другими... Какой ужасный, ужасный стыд. Умереть! Спасти себя смертью! "И стыд и позор Алексея Александровича, и Сережи, и мой ужасный стыд - все спасается смертью" - думает Анна.

А еще... а еще, если она умрет, если она покончит с собой, то Вронский будет всю жизнь страдать, его всю жизнь будет мучить совесть за ее смерть - он "будет раскаиваться, будет жалеть, будет любить, будет страдать за меня". Какое счастье!

И вот "с остановившеюся улыбкой *сострадания к себе* она сидела на кресле, снимая и надевая кольца с левой руки, живо с разных сторон представляя себе его чувства после ее смерти". Отвратительно.

А Вронского в это время одолевает жалость... к ней. Он уже не думает о себе. Он думает только о том, что ей больно, что ей плохо, что ее надо утешить. И он... идет к ней.

"Он подошел к ней и, взяв ее за руку, тихо сказал:

- Анна, поедem послезавтра, если хочешь. Я на все согласен".

Но его очередная попытка помириться расценивается ею как слабость и вместо благодарности к нему вызывает в ней лишь новый приступ жалости к себе. Она рыдает, она обзывает себя всякими нехорошими словами. Но все это ерунда, все это всего лишь пароксизмы обычной жалости к себе, вывернутой наружу изнанкой сладкого

самоуничижения. Мысль о победе - о победе во что бы то ни стало - и сейчас крепко сидит в ней. А потому, чтобы закрепить за собой эту победу (а она победила и на этот раз, коли уж Вронский пришел мириться и согласен на все, - так думает Анна), она во второй раз использует тот самый опасный аргумент - намек на свою скорую смерть.

"Брось меня, брось! - выговаривала она между рыданиями. - Я уеду завтра... Я больше сделаю. Кто я? развратная женщина. Камень на твоей шее. Я не хочу мучать тебя, не хочу! Я освобожу тебя. Ты не любишь, ты любишь другую!"

Вронский и сам чуть не плачет от жалости к *ней*, он нежен, он старается ее успокоить, он снова и снова уверяет ее в своей любви. И, как это часто бывает, ее ревность тут же переходит в бурную страсть. Примирение состоялось. И как всегда - не надолго...

30. И снова скандалы. Двойная доза наркотика

"Вронский живет только ради удовлетворения своих желаний. До встречи с Анной он ведет общепринятый образ жизни, даже в любви он готов заменить высокие идеалы условностями своего круга".

Ложь Набокова

Если до встречи с Анной Вронский и вел "общепринятый образ жизни", то образ жизни Анны до встречи с ним тоже был не менее общепринятым. Но если Анна - что до встречи с ним, что *после* - жила и продолжала жить исключительно ради удовлетворения своих желаний, то Вронский после встречи с Анной напрочь забывает об удовлетворении своих желаний и начинает жить исключительно ради удовлетворения желаний Анны. А когда его собственные неудовлетворенные желания наконец перерастают в потребность, то со стороны Анны он встречает невероятный отпор, поскольку потребности Вронского не представляют для нее никакого интереса.

Но мы остановились на их примирении после скандала - бурного, изматывающего всю душу и, увы, давно ставшего для них обычным делом.

*

Начиная с этого места описанные Толстым ссоры уже совсем невозможно читать. Поведение Анны становится все больше и все отчетливей похоже на поведение законченного наркомана, которого с каждым часом все сильней одолевает сосущая, изматывающая тяга, нестерпимый зуд в ожидании очередной дозы. Поведение ее раздражает и возмущает до чрезвычайности. От всех этих ее замашек победительницы начинает просто тошнить. Вздорность ее реплик зашкаливает. А ее упрямство, с каким она то и дело тычет в нанесенные ею же раны, да еще делая это каждый раз с выражением торжествующей победительницы, которой все позволено и на которую нет и не может быть никакой управы, - это садистское упрямство начинает бесить.

В каждом слове Вронского она немедленно выискивает только одно - очередной повод для ссоры.

Вот он идет ей навстречу, вот он хочет уступить ей, показать, что он готов исполнить ее желание - и, желая ее обрадовать, говорит ей, что его дела устраиваются таким образом, что они могут ехать раньше, как она и хотела. Но вместо ожидаемой радости он снова и снова получает осточертевшие упреки.

Вот он хочет заботливо скрыть от нее неприятное известие от Стивы, что на развод надежды мало и что, кажется, с этим вообще ничего не выйдет, - скрыть, чтобы после

такой тяжелой ссоры лишний раз не расстраивать ее. Но в ответ он опять получает все те же изматывающие ревнивые подозрения.

Он старается быть терпеливым. Он показывает ей телеграмму от Стивы - ну, это уж точно должно ее убедить в его искренности! Но вместо этого она опять недовольна! Она все время недовольна, чтобы он ни сказал или ни сделал. И в ответ он снова получает упреки.

Она разговаривает с Вронским - уже лысеющим Вронским! - как с нашкодившим мальчишкой, как с вечным двоечником: да разве же я не сказала тебе, что мне плевать на развод, с раздражением говорит Анна, а раз я тебе об этом сказала, то зачем же было скрывать от меня телеграмму?!

Вронский пытается перевести разговор на другую тему - тем самым тактично давая понять ей, что она опять беспричинно раздражена и что это может опять закончиться ссорой. Но эта тактичная попытка утихомирить ее только еще больше ее раздражила, и она снова буквально нападает на Вронского, причем чем больше он держит себя в руках, тем больше она выходит из себя:

"- Нет, - сказала она, раздражаясь тем, что он так очевидно этой переменной разговора показывал ей, что она раздражена, - почему же ты думаешь, что это известие так интересует меня, что надо даже скрывать? Я сказала, что не хочу об этом думать, и желала бы, чтобы ты этим так же мало интересовался, как и я.

- Я интересуюсь потому, что люблю ясность, - сказал он.

- Ясность не в форме, а в любви, - сказала она, все более и более раздражаясь не словами, а тоном холодного спокойствия, с которым он говорил. - Для чего ты желаешь этого?

"Боже мой, опять о любви", - подумал он, морщась".

Да, с некоторых пор слова о любви, которые так любит к месту и не к месту произносить Анна, становятся для Вронского сродни позымам к тошноте.

Провокации Анны нарастают как снежный ком. Каждое слово, сказанное Вронским, самое невинное его замечание тут же оборачивается против него. Анна буквально сжирает его. Он сдерживается изо всех сил, и все-таки гримаса боли все чаще появляется на его лице - и это немедленно трактуется Анной как "холодная ненависть" к ней.

Собственно, возненавидеть ее действительно давно уже мог бы каждый на месте Вронского. И он сам действительно к этому близок.

Ни один психически здоровый человек не был бы в состоянии выдерживать эти чудовищные травмирующие истерические сцены, усиливающиеся с каждым днем. Но Вронский еще уговаривает себя. Чувство вины, накрепко внушенное ему Анной, заставляет его терпеть и только надеяться, что смена обстановки, или перемена обстоятельств, или его нежность, или что-нибудь еще однажды каким-то чудесным образом образумят Анну и она успокоится. Но этого не произойдет никогда. Этого и не может произойти. Потому что Анна давно уже стала наркоманкой. Вот уже более полутора лет она почти каждый день принимает морфин. И еще ни одному наркоману в мире не удалось стать счастливой личностью.

Морфин - наркотик опиатной группы - отказывает угнетающее действие на умственные способности, а главное - он деформирует психику, вызывая стойкое желание самоубийства. Средняя же продолжительность жизни регулярно употребляющих наркотики опиатной группы составляет не более семи лет с начала употребления.

Таким образом, если у Анны и раньше прослеживались признаки психоневрологического заболевания, то теперь она и вовсе превратилась в психически больного человека, преследуемого наркотической ломкой. Морфин, дарующий

успокоение, однажды отнял у нее саму способность к успокоению. Кроме того, он самым страшным образом усилил все черные стороны ее натуры. Ее злобность и мстительность, умноженные непомерной жалостью к себе и комплексом превосходства, превратили ее в настоящую фурию.

Вот Анна цепляется за какое-то слово Вронского и оскорбляет его мать - *"Мне совершенно все равно, что думает твоя мать и как она хочет женить тебя, - сказала она, дрожащею рукой ставя чашку"*. Вронский терпеливо пытается перевести разговор на другую тему. В ответ, с восторгом победительницы нащупав болезненное место Вронского, Анна снова оскорбляет его мать - *"Для меня женщина без сердца, будь она старуха или не старуха, твоя мать или чужая, не интересна, и я ее знать не хочу"*. Вронский и на этот раз терпеливо просит ее не говорить неуважительно о его матери. И тогда Анна в третий раз оскорбляет его мать - *"Женщина, которая не угадала сердцем, в чем лежат счастье и честь ее сына, у той нет сердца"*.

Вронский близок к срыву.

"Я повторяю свою просьбу не говорить неуважительно о матери, которую я уважаю, - сказал он, возвышая голос и строго глядя на нее".

Она молчит. Она смотрит на него и думает... нет, не о том, что она методично изводит его непрекращающимися оскорблениями его матери, а о том, что он... наверняка ей изменял и будет изменять дальше!

Мнимые измены Вронского - ее навязчивый страх потерять над ним контроль каждый раз лишает ее способности адекватно оценивать свои собственные действия. И от этих мыслей в ней поднимается ненависть к нему. И, еще раз мстительно припомнив ему, как он назвал ее чувства к воспитаннице ненатуральными, она со злобным наслаждением бьет его в еще одно болезненное место: *"Ты не любишь мать. Это все фразы, фразы и фразы! - с ненавистью глядя на него, сказала она"*.

Вронский действительно не любит свою мать - сама его мать сделала все, чтобы он не мог ее любить: когда-то она с легкостью бросила его совсем маленьким - ради любовников. Не правда ли, как это похоже на ситуацию с Анной? Неудивительно и не случайно, что судьба свела Вронского именно с такой женщиной - ради любовника бросившей своего сына.

Наконец, доведя ситуацию до привычного конца, Анна гордо удаляется в свою комнату. Вронский собирается уехать. И все-таки... перед тем как уехать, несмотря на все жестокие обиды, причиненные ему Анной, он снова делает попытку примирения! Поистине его терпение удивительно.

Он входит к ней. Он рассчитывает, что какие-нибудь мелочи, какие-нибудь признаки перемены ее настроения позволят ему найти предлог для примирения. Но нет. Она холодно встречает его. И тогда он тоже становится холоден. И все-таки...

И все-таки, стоя уже в дверях, он почувствовал, как "сердце его вдруг дрогнуло от сострадания к ней".

Он обернулся:

"- Что, Анна? - спросил он.

- Я ничего, - отвечала она так же холодно и спокойно".

И тогда он опять стал холоден. Повернулся и вышел.

И все-таки... Уже выходя, он бросает последний взгляд в зеркало - и видит "ее лицо, бледное, с дрожащими губами". Ему тут же захотелось остановиться и утешить ее. Но он сдержался.

*

Оставшись одна, Анна в очередном маниакальном приступе уверяет себя, что он полностью к ней охладел, что он ненавидит ее и что вообще любит другую женщину. Она вспоминает все его неприятные слова в ее адрес (доведенный до белого каления ее собственными жестокими провокациями, Вронский действительно начал терять контроль над собой), Анна вдобавок еще и придумывает то, чего и вовсе не было им сказано - но, как ей кажется, он *мог бы* ей сказать и даже желал бы сказать. И от этих выдуманных, несуществующих слов Вронского она приходит в еще большее раздражение - "все самые жестокие слова, которые мог сказать грубый человек, он сказал ей в ее воображении, и она не прощала их ему, как будто он действительно сказал их".

Для чего она это делает? Зачем ей это нужно - додумывать то, чего не было, и не прощать то, чего вообще не существовало? Ей нужен предлог для оправдания своей злобы. И для оправдания своих дальнейших разрушительных действий. Но не только. К неистовому разрушению всего вокруг ее давно уже подталкивает наркотик - он изуродовал ее мозг, ее сознание, понуждая ее то и дело впадать в теперь уже патологическую злобу и сатанинскую раздражительность.

Толстой не говорит, как часто она принимает наркотик, однако постоянно уточняет, что морфин прочно вошел в ее жизнь, а ведь известно, что у всех наркоманов только один путь - стало быть, она принимает наркотик все чаще и чаще. Жизнь с ней становится для Вронского адом. Также по признакам некоторого затишья и относительного успокоения, которые у наркоманов никогда не возникают сами по себе, а всегда приходит вместе с приемом желанной дозы, можно сделать вывод, что с некоторых пор недолгий период затишья у Анны напрямую связан с приемом дозы. Вот только эти периоды стали уже совсем короткими.

*

Весь день она размышляет, "все ли кончено, или есть надежда примирения". Весь день она ждет, что он снова прибежит к ней с мольбой о прощении, как было всегда. Но на этот раз он не прибежал.

Тогда вечером, уходя спать, она просит служанку, как только он вернется, передать ему, что у нее болит голова (обычная манипуляция, к которым он давно уже привык) и что ему не надо входить к ней, и загадывает: "Если он придет, несмотря на слова горничной, то, значит, он еще любит. Если же нет, то, значит, все кончено, и тогда я решу, что мне делать!.."

Вронский возвращается домой очень поздно. Она не спит. Она слышит, как служанка передает ему ее слова. И он... верит им. Верит - и не заходит к ней. Значит, думает Анна, как она и загадала: если не зайдет, то, стало быть, всё кончено...

"И смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь к ней, *наказать его* и *одержат* победу в той борьбе, которую *поселившийся в ее сердце злой дух* вел с ним, ясно и живо представилась ей".

Смерть давно манит ее. Смерть - заветная мечта морфиниста. Смерть давно стала для нее единственным способом избавления от проблем. Слишком много глупостей она наделала. Из самодурства, из гордыни, из мести, из желания наказать, из глупой уверенности, что уж ей-то все сойдет с рук. Она была жестока с людьми - но разве хоть кто-нибудь из них стоил ее величия? Она сама дважды из глупых, никчемных побуждений отказалась от развода. А когда спохватилась, то было уж поздно. Из той же гордыни, из мести и высокомерного желания наказать и покичиться собой она сама лишила себя всех друзей, даже ее верная подруга княгиня Бетси и та не смогла простить ей Тушкевича. Она сама испортила отношения со всеми хорошими добрыми людьми - с

Кити, с мужем, с Лидией Ивановной, теперь вот и с Вронским. И теперь вряд ли они смогут забыть ее жестокость и подлость.

Два душевных недостатка, присущих ей от природы, - чувство немереного превосходства и всепоглощающая (всех поглощающая!) жалость к себе развились со временем и превратились в порок, усугубив жестокость, мстительность, коварство и подлость. Бездна длится долго, но вот однажды она получает отпор - и это пугает Анну. Тревога и страх за себя берут ее в мучительное кольцо. Она хочет и дальше повелевать, приказывать, казнить и миловать - а жертва начинает сопротивляться... Она делает подлости в полной уверенности, что искусным враньем сумеет избежать ответственности за гнусность, - а ей больше не верят... Она хочет отнимать и разрушать - а ей больше не позволяют... Она начинает искать спасения в наркотике. В короткий срок морфин завершил разрушение ее личности.

И вот теперь, после серии совершенно диких скандалов, и даже не попытавшись хоть сколько-нибудь оценить свое собственное безобразное поведение, она думает только об одном: что смерть разрешит все ее проблемы, а главное - накажет Вронского.

*

Ее смерть накажет Вронского! Какая сладкая мысль... Она идет и выпивает привычную дозу опиума. Она думает о том, что если выпить всю склянку с морфином, то умереть будет легко и просто. И эта мысль о простой и легкой смерти привела к тому, "что она опять с наслаждением стала думать о том, как он будет мучаться, раскаиваться и любить ее память, когда уже будет поздно".

Горит свеча. Анна лежит в постели и с удовольствием воображает себе, как он будет страдать, и убиваться, и казнить себя за ее смерть, и винить себя в ее гибели. И вдруг... мир вокруг нее изменился - тень ширмы заколебалась и стала расти... другие тени со всех сторон кинулись к ней и стали сливаться, а потом наступил полный мрак... На самом деле это всего лишь догорела и погасла свечка. Но Анне, находящейся в очередном наркотическом опьянении, стало страшно до ужаса.

"Смерть!" - подумала она. И такой ужас нашел на нее, что она долго не могла понять, где она, и долго не могла дрожащими руками найти спички и зажечь другую свечу вместо той, которая догорела и потухла".

Острое желание жить буквально сотрясает ее. Она плачет от счастья, как будто и впрямь вернулась к жизни. Но ей все еще страшно. И она поспешно идет к Вронскому.

"Он спал в кабинете крепким сном. Она подошла к нему и, сверху освещая его лицо, долго смотрела на него. Теперь, когда он спал, она любила его так, что при виде его не могла удержать слез нежности".

Но даже и сейчас, испытывая к Вронскому умиленную нежность, она думает о том, что, прежде чем сказать ему о своей любви, ей нужно будет обязательно доказать ему, что он виноват перед нею. Обязательно. Сначала - что он виноват. А уж потом сказать, что она его любит.

Она возвращается к себе и выпивает... *вторую дозу* опиума. Она заснула лишь к утру - тяжким, не приносящим отдыха, поверхностным сном наркомана. Но и во сне ей нет покоя - опиум дает себя знать. Ей привиделся жуткий кошмар, разбудивший ее.

31. Последнее утро

"Каренин решает отказать Анне в разводе.

Телеграмма, извещающая ее об этом, приходит в момент трагического обострения отношений между нею и Вронским и подталкивает ее к самоубийству".

Ложь Набокова

К самоубийству подталкивает ее не отказ мужа в разводе, а его проявившееся наконец сопротивление ей, а также и сопротивление Вронского. Они оба вдруг начали выходить из-под ее контроля, из-под ее воли и власти - они оба, чтобы не погибнуть от ее душающего воздействия на них, вынуждены были научиться говорить ей "нет".

Именно это чрезвычайно напугало ее. Ее жизненная платформа, заключавшаяся в непререкаемом превосходстве над всеми, дала трещину, а потом и вовсе начала быстро уходить из-под ног. Анна слишком долго была уверена, что она способна любого подчинить своей воле, что она легко может заставить и мужа и Вронского исполнять любую свою прихоть и отнимать у них все, что ей захочется. Она была слишком уверена, что может безнаказанно причинять мужу боль и выставлять его на посмешище.

Алексей Александрович должен был умереть, раздавленный страданиями и унижениями. Точно так же, как должен был погибнуть и Вронский - наказанный ею за непослушание.

Алексей Александрович чудом останется жив - благодаря Лидии Ивановне. А Вронский погибнет - умирающая от наркотиков, психически разрушенная Анна утянет его за собой.

*

Начиная с этого последнего для нее утра ее жизнь представляют собой одну сплошную хронику задыхающегося, впадающего в психозы наркомана, с мутнеющим сознанием, вперемежку с болезненными проблесками непривычной невыносимой ясности.

Сон был настолько жуткий, что наутро "она проснулась в холодном поту". А также в тяжелом, крайне заторможенном состоянии. Думается, что холодный пот и заторможенность прежде всего есть прямое следствие второй дозы принятого накануне наркотика.

Также наркотик почти начисто отшиб ей память. Она весьма смутно помнила вчерашний день. Она помнила только, что вроде бы, как всегда, была ссора и что завтра они должны ехать в деревню - и значит, "надо видеть его и готовиться к отъезду".

Надо сказать, тут мне стало жаль Анну. В то время опиатам не придавали серьезного значения, наркотическая тяга и ломка не соотносились с морфином, он рассматривался лишь как серьезное и довольно опасное лекарство, которым не следовало злоупотреблять. Поэтому Анна скорее всего просто и не понимает, что с ней происходит. Она не знает, что ее болезнь и природные недостатки, ее склонность к гордыне и злу чрезвычайно усугублены сладостным морфином, что он давно подточил ее мозги и окончательно изуродовал психику.

Все дальнейшее изложение событий - это типичное страшное поведение человека, находящегося под губительным чрезмерным воздействием наркотика.

Итак, она идет к нему в кабинет, но тут, как назло, слышит, что возле крыльца останавливается карета. Выглянув в окно, она видит молодую девушку, некую Сорокину, к которой из дома вышел Вронский. Девушка передала ему пакет (деньги и

бумаги от его матери). Он что-то сказал ей и улыбнулся. Девушка села в карету и уехала. Вронский вернулся в дом.

Этого пустяка оказалось достаточно, чтобы к Анне моментально вернулась вся ее нездоровая ревность. А также жалость к себе. А также гордыня. А также чувство оскорбленности и униженности от того, что она еще вчера не уехала из его дома. Она даже не пытается узнать, кто эта девушка и зачем приезжала. Она уже все решила, она уже все знает сама - это же наверняка была любовница Вронского, Анна мгновенно уверилась в этом. И от этого ей даже показалось, что "туман, застилавший все в ее душе, вдруг рассеялся". Решено - она уедет от Вронского!

С мрачным, торжественным выражением лица она входит к нему, чтобы объявить о своем решении. Он старается не замечать ее выражения. Он спешит объяснить ей, что это просто знакомая привезла документы и деньги. Но Анна молчит.

Он спрашивает ее, как ее голова - прошла ли, лучше ли ей? Анна молчит. Она стоит посреди комнаты - в полном молчании, так и не произнеся ни единого слова, - и лишь пристально на него смотрит...

Он нахмурился и стал читать письмо дальше. Она молча развернулась и медленно... медленно пошла из комнаты. Похоже, она опять затеяла с ним эту изматывающую идиотскую борьбу и теперь ждала, когда его нервы сдадут и он остановит ее. Но ему надоело. Он больше не может. И он молчит и только шуршит переворачиваемыми страницами.

Она уже дошла до дверей. И тут его нервы все-таки сдали... Она снова победила его!

"- Да, кстати, - сказал он в то время, как она была уже в дверях, - завтра мы едем решительно? Не правда ли?"

Теперь, когда победа и на этот раз осталась за ней, можно и ответить.

"- Вы, но не я, - сказала она, оборачиваясь к нему.

- Анна, эдак невозможно жить...

- Вы, но не я, - повторила она.

- Это становится невыносимо!

- Вы... вы раскаетесь в этом, - сказала она и вышла".

Итак, это уже третья угроза самоубийства. И Вронский не на шутку испуган. Он даже хотел было вскочить и бежать за ней! Но... но кто бы знал, до чего же ему все это уже осточертело! Он опомнился. Сжал зубы. Сел и нахмурился. Он решил, что эта угроза неприлична. Хватит. Он устал бегать за ней. Он устал бесконечно ее утешать, уговаривать, умолять, сносить ее идиотскую ревность, бесконечную вздорность и постоянно просить прощенья за то, в чем не был хоть сколько-то виноват. Хватит.

"Я пробовал все, - подумал он, - остается одно - не обращать внимания", и он стал собираться ехать в город и опять к матери, от которой надо было получить подпись на доверенности".

Анна меж тем внимательно прислушивается к звуку его шагов. Как всегда, она ждет, что Вронский прибежит ее утешать. Ведь ей плохо - разве все не должны кидаться ее утешать? Вот он ходит по кабинету... Вот прошел в столовую... Вот остановился у гостиной... Пойдет к ней? Она прислушалась. Нет. Не пошел. Вот подали коляску... Он вышел... Вернулся в сени... Опять вышел. Сел в коляску. Она смотрит в окно: поднимет ли он голову? Нет. Он уехал, так ни разу и не взглянув на окна.

"Уехал! Кончено!" - сказала себе Анна, стоя у окна; и в ответ на этот вопрос впечатления мрака при потухшей свече и страшного сна, сливаясь в одно, холодным ужасом наполнили ее сердце".

Вдруг ей стало панически страшно находиться одной в комнате. Страх был настолько силен, что она позвонила слуге и, не дожидаясь его прихода, сама поспешила выйти из комнаты ему навстречу.

Она приказывает узнать, куда поехал Вронский. Ей докладывают: граф поехал в конюшни, но приказал передать, что если ей будет угодно, то он немедленно вернется домой.

Она торопливо пишет ему записку: *"Я виновата. Вернись домой, надо объясниться. Ради бога приезжай, мне страшно"* - и приказывает доставить ее как можно скорей.

Ей все еще страшно остаться в комнате одной (наркотический психоз делает свое черное дело), она выходит вместе со слугой и идет в детскую. Она видит там дочку, но... ее сознание мутится, мысли путаются - она принимает девочку за своего сына и искренне удивляется, что он сейчас вдруг почему-то стал совсем на себя не похож: "Что ж, это не то, это не он! Где его голубые глаза, милая и робкая улыбка?"

Она начинает играть с девочкой, но вдруг выражение ее личика так сильно напомнило ей Вронского, что к горлу подступили истерические рыдания, и она поспешно вышла.

Больше всего на свете она желает сейчас, чтобы он вернулся и все ей объяснил про эту девушку, которую она видела в окне. Она горячо уговаривает себя, что на этот раз она обязательно ему поверит, и даже если он ничего не будет объяснять, то она все равно обязательно, обязательно ему поверит! Иначе - смерть. "Если я не поверю, то мне остается одно, - а я не хочу".

И она действительно не хочет. Ибо смерть, грозная тяжелая смерть, давно вскормлена в ней, она слишком сейчас близка и смертельно пугает Анну.

Она отмечает: прошло двенадцать минут. Конечно, он уже получил записку, думает она, и теперь едет назад. Да-да, он вернется через десять минут. Еще десять минут, всего лишь десять минут! Но что если он не приедет? Нет-нет, этого не может быть!

Она плачет... Он приедет, он обязательно приедет, надо пойти умыться, чтобы он не видел меня с заплаканными глазами, думает она. Ах да, причесалась ли она? Она не может вспомнить... Она ощупывает голову - вроде бы да. Но когда она успела это сделать? Она не помнила... Неужели причесана? Она не может поверить своей руке.

Она смотрит на себя в зеркало. "Кто это?" - удивляется она, увидев свое отображение. Ее глаза в зеркале странно, очень странно блестят - они испуганы и странно блестят, а ее лицо воспалено. "Да это я", - вдруг поняла она".

Вдруг внезапное сексуальное возбуждение нападает на нее. Она явственно почувствовала на себе поцелуй Вронского. Она содрогнулась, как в момент сексуального желания, и повела плечами. А потом подняла руку и поцеловала ее. "Что это, я с ума схожу", - подумала она.

Она пошла в спальню. Горничная Аннушка убиралась там. Анна остановилась перед ней и... сама не зная зачем... произнесла ее имя. Но, казалось, что горничная всё поняла. Похоже, подобная заторможенность барыни по утрам была ей уже давно не в новинку... Она спокойно напомнила Анне, что та собиралась съездить к Дарье Александровне - к Долли.

Анна снова посмотрела на часы. Подумала, что Вронский должен вот-вот вернуться. И ее захлестнул приступ жалости к себе: "Но как он мог уехать, оставив меня в таком положении? Как он может жить, не примирившись со мною?"

Она стала смотреть в окно и заново высчитывать время его возвращения. Кто-то подъехал. Это был посланный к Вронскому. Графа не застали, сказал он, граф уже уехал на Нижегородскую дорогу. И слуга вернул ей ее записку к Вронскому. Она не поняла.

Потом с трудом сообразила... что если ей вернули записку, значит, он не смог ее получить.

Тогда с этой же запиской она отправляет слугу к матери Вронского. Дополнительно она пишет сообщение для срочной телеграммы: "Мне необходимо переговорить, сейчас приезжайте".

"А я сама, что же я буду делать? - подумала она. - Да, я поеду к Долли, это правда, а то я с ума сойду".

Снова столкнувшись с горничной, она заметила в ее глазах сострадание - и разрыдалась, "беспомощно опускаясь на кресло". Потом, будто очнувшись от чего-то, она встала и торопливо вышла из дома - "с ужасом прислушиваясь к страшному клокотанью, происходившему в ее сердце"...

32. Последний день

"После ничем не кончившейся встречи с Долли, когда она случайно видится с Кити, она едет домой. По пути домой снова начинается поток сознания".

Ложь Набокова

Надо же, как походя, одним небрежным росчерком Набоков уничтожил одну из важнейших сцен романа - последнюю встречу с Кити! А ведь с Кити она видится совсем не случайно - она сама и довольно упорно делает все для того, чтобы увидеться с Кити. Зачем? Мы разберем это в данной главке.

А так называемый "поток сознания", который Набоков выставляет как нечто неосознанное, не имеющее отношения к настоящей Анне и случайно выскочившее из нее в момент сильных переживаний из-за якобы своей гибнущей любви, - этот поток сознания на самом деле есть не что иное, как глубочайшее осознание своего жизненного поражения, проигрыша, а раз так, раз она не в силах победить этих всех людей, подчинить их своей воле, то она не даст им возможности увидеть ее поражение - она умрет, но не позволит им торжествовать над ней. Хотя торжествовать никто и не собирался. Это сама Анна всю жизнь над кем-то торжествует, с кем-то борется и одерживает победы. Просто она судит по себе.

*

Но пока еще она не собирается умирать. Пока еще она ищет пути к отступлению и помощь. Она едет к Долли. Испуганная сопротивлением Вронского, Анна едет к ней для того, чтобы заручиться ее состраданием и поддержкой в случае разрыва теперь уже и с любовником, т.к. репутация Анны в этом случае гибла окончательно. Одно дело когда она сама ушла от мужа к любовнику - это еще может выглядеть как поступок. И другое дело когда позже этот любовник бросил ее. И если в первом случае с Анной в свете были просто прекращены все отношения, то теперь от нее бы стали просто шарахаться. Поэтому поддержка Долли необходима ей как воздух. И только у нее она и может ее получить. Долли уважают. И только Долли продолжала ездить к ней. Только Долли продолжала относиться к ней дружески.

А того факта, что отношение к ней Долли довольно сильно изменилось с момента ее последнего визита к ним в имение, Анна предпочла не замечать - как любой

манипулятор, Анна слишком хорошо разбирается в порядочных людях, поэтому уверена, что разжалобить Долли ей удастся при любых обстоятельствах.

Время - три часа дня. После дождя погода стоит ясная, на улицах оживленно. Она почувствовала, как ей стало легче и даже мысль о смерти отступила от нее и больше не казалась ей неизбежной. Похоже, к трем часам дня губительное действие двойной дозы морфина (утреннее помутнение сознания, стойкий иррациональный страх, провалы в памяти, заторможенность, тревожность) намного уменьшилось. Но взамен... неизбежно пришла депрессия, неосознанная тяга и злорадия.

"Теперь она упрекала себя за то унижение, до которого она спустилась. "Я умоляю его простить меня. Я покорилась ему. Признала себя виноватой. Зачем? Разве я не могу жить без него?"

Она стала читать вывески, все больше думая о том, что она ни за что не позволит Вронскому одержать над ней верх: "Я не покорюсь ему; я не позволю ему воспитывать себя". И в голове ее все быстрее начинают вертеться мысли о ее выдуманном унижении.

Тут ей вспомнился вдруг Алексей Александрович и то, с какой легкостью она изгнала его из своей памяти. И ей подумалось, что Долли может упрекнуть ее в неправоте - что она оставила первого мужа, а теперь хочет оставить и второго, и что она не права. Но разве она хочет быть правой? "Разве я хочу быть правой! Я не могу!" - проговорила она, и ей захотелось плакать".

Она заметила двух веселых девушек и подумала, что они говорят о любви - "Верно, о любви? Они не знают, как это невесело, как низко..."

Она увидела играющих мальчиков и подумала о сыне, о котором уже больше года забыла и думать - "Сережа! И я все потеряю, и не возвращу его. Да, все потеряю, если он не вернется".

Мелькнула мысль, что Вронский мог опоздать на поезд и уже вернуться домой, но она осекла себя: "Опять хочешь унижения!" И ей стали тут же противны его лошади и его коляска.

"Нет, я войду к Долли и прямо скажу ей: я несчастна, я стою того, я виновата, но я все-таки несчастна, помоги мне" - подумала Анна.

Она подъезжает к дому Долли. И вот, "придумывая те слова, в которых она все скажет Долли, и *умышленно* растравляя свое сердце", она поднимается по лестнице. Но еще прежде, чем войти, сразу интересуется, есть ли кто у Долли. Она спрашивает не просто так. Она заранее предполагает, что да, есть, и даже догадывается *кто именно*.

Да, есть, Катерина Александровна Левина, - отвечают ей. И в ее сердце моментально вспыхивает злорадия: "Кити! та самая Кити, в которую был влюблен Вронский, - подумала Анна, - та самая, про которую он вспоминал с любовью. Он жалеет, что не женился на ней. А обо мне он вспоминает с ненавистью и жалеет, что сошелся со мной".

И старая ненависть к Кити, у которой она некогда - из гордыни, из пустого тщеславия, из игрушки, из комплекса превосходства - на глазах у всех увела жениха и тем самым опозорила ее перед всеми, не говоря уж о глубокой душевной ране, которую она нанесла ей всем этим, - ненависть к Кити, которая после всех этих гадостей посмела не прийти к ней, чтобы ее проводить, посмела выказать ей свое нежелание продолжать с ней общаться, - ненависть к Кити, мужа которой она соблазнила с такой приятной легкостью буквально за один вечер, с улыбкой уверив его при этом в своих неизменных симпатиях к его милой жене на сносях, - ненависть к Кити вернулась к ней с неудержимой силой.

Но к ней выходит одна Долли. Анна тут же оглядывается, "чтоб увидеть Кити". Но Кити нет.

Долли, разумеется, замечает ее жест, однако начинает спокойно говорить о депеше от Стивы, в которой он сообщает о трудностях развода. Но близкое присутствие Кити настолько волнует Анну, что она перебивает Долли и совершенно не в тему замечает: "Я думала, у тебя есть кто-то".

Долли не умеет врать. Долли смущается - Кити не вышла к гостье, это слишком демонстративное нежелание общаться с Анной. Долли пытается смягчить ситуацию: "Да, Кити, - смутившись, сказала Долли, - она в детской осталась. Она была очень больна".

Анна не случайно задала этот вопрос, намеренно поставив хозяйку дома в неловкое положение. Анне очень хочется, чтобы Кити вышла. Вот только вовсе не затем, чтобы помириться с ней... И Анна уверена: теперь, после вынужденного признания Долли, что Кити здесь (о чем Анна заранее знала от слуги), ей, как хозяйке дома, будет неудобно перед гостьей - и она уговорит Кити выйти.

Разговор снова возвращается к письму Стивы. Он сообщает, говорит Долли, что на развод слишком малая надежда, но она все-таки есть. Анна торопится горделиво уверить Долли, что теперь *она сама* больше не хочет никакого развода.

"Можно прочесть письмо?" - "Я сейчас принесу", - отвечает Долли.

Долли уходит. Анна остается одна. "Что ж это, Кити считает для себя унижительным встретиться со мной? - думала Анна, оставшись одна. - Может быть, она и права. Но не ей, той, которая была влюблена в Вронского, не ей показывать мне это, хотя это и правда. Я знаю, что меня в моем положении не может принимать ни одна порядочная женщина. Я знаю, что с той первой минуты я пожертвовала ему всем! И вот награда! О, как я ненавижу его! И зачем я приехала сюда? Мне еще хуже, еще тяжелее..."

Она слышит, как в другой комнате сестры о чем-то говорят. И Анна догадывается о чем - наверняка Долли уговаривает сестру выйти к ней. И эта догадка еще больше раздражает Анну, хотя именно на это она и рассчитывала минуту назад: "И что ж я буду говорить теперь Долли? Утешать Кити тем, что я несчастна, подчиняться ее покровительству? Нет, да и Долли ничего не поймет. И мне нечего говорить ей. Интересно было бы только видеть Кити и показать ей, как я всех и все презираю, как мне все равно теперь".

Показать Кити, как она *всех презирает*... Отомстить Кити! Снова и снова отомстить... Но Долли возвращается одна. Кити опять не согласилась...

Долли протягивает письмо. Анна читает. Долли с любопытством смотрит на нее - "она никогда не видела ее в таком странном раздраженном состоянии". Она спрашивает, когда Анна едет в деревню. Анна *сощурилась*. Анна молчит. И вдруг, совершенно внезапно, спрашивает прямо в лоб: "Что ж Кити прячется от меня? - сказала она, глядя на дверь и краснея".

Долли ужасно смущается: "Ах, какие пустяки! Она кормит, и у нее не ладится дело, я ей советовала... Она очень рада. Она сейчас придет, - неловко, не умея говорить неправду, говорила Долли. - Да вот и она".

Действительно, Кити совершенно не хотелось видеть эту женщину, которая вдобавок ко всем прежним гадостям еще и нагло соблазнила ее мужа, доставив тем самым беременной Кити еще одну порцию мучительных переживаний. Но воспитание (плюс уговоры сестры) взяло верх. Чему в немалой степени способствовала и натура самой Катерины Александровны - в ней все это время происходила внутренняя борьба "между враждебностью к этой дурной женщине и желанием быть снисходительной к ней". Но вот она вышла и увидела прекрасное лицо Анны - и "вся враждебность тотчас же исчезла". Ее красота, живущая словно сама по себе, магическим образом действует на

всех - никто не в состоянии поверить, что эта ангельская красота скрывает такую черную и давно уже больную холодную душу гордячки и морфинистки.

Итак, враждебность оставила Кити - но не Анну. "Кити чувствовала, что Анна враждебно смотрит на нее. Она объясняла эту враждебность неловким положением, в котором теперь чувствовала себя пред ней прежде покровительствовавшая ей Анна, и ей стало жалко ее".

Но Кити ошибалась - причина враждебности Анны имела, увы, совсем другие корни...

Они стали говорить про Стиву, про детей, "но, очевидно, ничто не интересовало Анну".

"- Я захотела проститься с тобой, - сказала она, вставая.

- Когда же вы едете?

Но Анна опять, не отвечая, обратилась к Кити.

- Да, я очень рада, что увидела вас, - сказала она с улыбкой. - Я слышала о вас столько со всех сторон, даже от вашего мужа. Он был у меня, и он мне *очень понравился*, - очевидно, с дурным намерением прибавила она".

Дурными намерениями Карениной роман буквально напичкан. И Толстой не устает обращать на это наше внимание.

Однако на этот раз Анне не повезло - на этот раз ее дурное намерение не достигает своей цели! Кити слишком верит своему мужу, а он слишком верит ей, она слишком хорошо знает его прямую честную натуру, он бы не стал скрывать и даже не смог бы скрыть, если бы все еще находился под влиянием очарованности Анной. Этот морок давно прошел. Кроме того, Левин испытывает физическое отвращение к подлости, и рассказ жены об отвратительных поступках Анны для него не пустой звук. И Кити спокойна. А потому воспринимает этот подлый намек совершенно безмятежно и лишь "соболезнующе глядя" на Анну. И, думаю, Анна с ее обостренным чутьем на подобные вещи по реакции Кити прекрасно поняла, что с Левиным она проиграла...

Она поспешно прощается с Долли (заметим: с одной только Долли!) и поспешно же уходит.

И все-таки Кити прекрасно поняла мерзкий намек. А потому не отказала себе в маленькой сатисфакции:

"- Все такая же и так же привлекательна. Очень хороша! - сказала Кити, оставшись одна с сестрой. - Но что-то жалкое есть в ней! Ужасно жалкое!

- Нет, нынче в ней что-то особенное, - сказала Долли. - Когда я ее провожала в передней, мне показалось, что она хочет плакать".

33. Самоубийство

"Доведенная до отчаяния грязью и мерзостью, в которой тонет ее любовь, однажды майским воскресным вечером Анна бросается под колеса товарного поезда".

Ложь Набокова

Никакой грязи и мерзости, в которой могла бы потонуть ее любовь, не было. Что со стороны мужа, что со стороны Вронского к Анне было только доброе заботливое отношение. И никто не виноват, что такое отношение к себе Анна не только не умела и не желала ценить и быть за него благодарной (поскольку никто не обязан относиться к

тебе с добром и заботой), но еще и всячески разрушала его. Ей нужны были покорные жертвы, а не достойные уважения личности. И она добилась своего. Но однажды ее жертвы прозрели... и больше не захотели быть жертвами. Они стали все чаще и все решительней оказывать сопротивление ее давлению на себя. Что и стало настоящей трагедией Анны.

А тут еще Кити постоянно мозолит ей глаза. Анна больна гордыней - как алкоголик болен губительным пристрастием к спиртному. И как всякий алкоголик, имеющий одну, но страстную мечту - напиться и оставаться при этом трезвым, точно так же и Анна страстно желает одного - делать подлости и чтобы при этом ее продолжали любить и уважать. Именно этого она постоянно ждет от Кити - да, она довела Кити до нервного срыва, после которого та долго лечилась; да, она снова заставила беременную Кити так перенервничать, что у той начались роды; ну и что?! разве это дает Кити право не любить и не уважать ее?! Такова логика Анны - логика человека, одержимого бесом гордыни.

Вот и сейчас, выйдя от Долли, "Анна села в коляску в еще худшем состоянии, чем то, в каком она была, уезжая из дома. К прежним мучениям присоединилось теперь чувство оскорбления и отверженности, которое она ясно почувствовала при встрече с Кити".

Поразительная наглость. Сначала она преспокойно наносит Кити две глубочайшие душевные травмы. А потом оскорбляется тем, что Кити не желает с ней знаться. А кроме того, она ведь сама заставила Кити выйти - на что же она рассчитывала, позвольте спросить?

Но нет, все это совершенно не берется ею в расчет, вместо этого без всяких на то оснований она опять встает в оскорбленную позу и упивается жалостью к себе. И вот она едет и вспоминает, как сестры Щербацкие смотрели на ее ("как на что-то страшное, непонятное и любопытное, смотрели на меня"). И снова ненависть - теперь уже ко всем без разбора - разгорается в ней.

Вот уже и Долли она обвиняет в злорадстве и зависти: "Я хотела рассказывать Долли, и хорошо, что не рассказала. Как бы она рада была моему несчастью! Она бы скрыла это; но главное чувство было бы радость о том, что я наказана за те удовольствия, в которых она завидовала мне".

Вот уже и Кити превращается в монстра: "Кити, та еще бы более была рада. Как я ее всю вижу насквозь! Она знает, что я *больше, чем обыкновенно, любезна была к ее мужу*. И она ревнует и ненавидит меня. И презирает еще. В ее глазах я безнравственная женщина. Если б я была безнравственная женщина, я бы могла влюбить в себя ее мужа... если бы хотела. Да я и хотела".

Ну, вот видите, какое откровенное признание. Даже *два* признания. Правда, второе - о том, что она безнравственная женщина, - получилось у нее случайно, она совсем не то хотела сказать, но злорадство зашкалило - и признание в своей безнравственности выскочило из нее.

И вот уже все люди вокруг видятся ей подлыми и грязными - не лучше нее: "Всем нам хочется сладкого, вкусного. Нет конфет, то грязного мороженого. И Кити так же: не Вронский, то Левин. И она завидует мне. И ненавидит меня. И все мы ненавидим друг друга".

И вот уж она с наслаждением развивает эту мысль, всюду выискивая и смакуя человеческую грязь и тем оправдывая грязь собственную. Всё ложь вокруг: чувства, люди, дети, церкви - всё лживо и каждый хочет оставить другого без рубашки, "все гадко", "мы все ненавидим друг друга" - "мы все ненавидим друг друга, как эти извозчики, которые так злобно бранятся".

В таких мыслях она подъезжает к дому, даже не заметив этого. И только теперь вспоминает, что послала Вронскому записку и телеграмму. Но есть ли ответ? Есть. Ей

подают телеграмму Вронского: "Я не могу приехать раньше десяти часов". Она возмущена. Что это значит?! Как он посмел?! Ведь она послала за ним! А раз послала, то он обязан немедленно явиться!

"А посланный не возвращается?" - спросила она. Нет, не возвращался. И она почувствовала, как в ней стал снова нарастать "неопределенный гнев и потребность мести".

С ней случается очередной приступ затемняющего мозга психического расстройства, вызванного наркотической зависимостью. И теперь она уже окончательно не могла сообразить, что его телеграмма была всего лишь "ответ на ее телеграмму и что он не получал еще ее записки". Да он просто еще не получал ее записку!

Но она уже не способна этого понять - гнев и жажда мести, которые давно уже руководят ее жизнью, и без всякого морфина лишая ее рассудка и уродуя все вокруг, теперь настолько сильны, что даже при виде его шляпы "она содрогнулась от отвращения".

Теперь и он, и его мать, и та самая Сорокина, привезшая ему документы от матери - теперь и они тоже немедленно зачисляются ею в разряд злорадствующих над ней. И в ее воспаленном - больном гордыней, наркотиком и патологической жалостью к себе - мозгу тотчас рисуется угодная ей отвратительная картинка: "Она представляла его себе теперь спокойно разговаривающим с матерью и с Сорокиной и радующимся ее страданиям". Мало того! Теперь и "прислуга, стены, вещи в этом доме - все вызывало в ней отвращение и злобу и давило ее какою-то тяжестью".

Но нельзя жить, ненавидя весь мир. Нельзя жить, не испытывая любви даже к собственным детям.

Ей хочется ехать. Неважно куда, она и сама не знает куда, но ехать, бежать, скорей из этого дома, двигаться, нестись, ехать!.. И тут ей приходит в голову идея - ей нужно в имение его матери!.. Но сначала на станцию железной дороги - ведь он сказал, что поедет туда!.. А если его там нет, то - да-да, в имение к его матери, да-да, приехать и уличить!..

Она посмотрела в газете расписание. Поезд отходил в восемь часов две минуты. Она успеет. И она больше никогда сюда не вернется. Она встретится с ним на станции и всё скажет ему!.. Если нет - поедет к его матери и скажет им всем!.. А потом сядет в поезд и поедет до первого города, в котором и останется жить.

Она кладет в дорожную сумку вещи из расчета на несколько дней. Внезапно она чувствует голод. Она видит на столе обед. Она подходит и... нюхает хлеб и сыр. Но запах пищи - запах энергии и жизни - противен ей.

Ей противна горничная, противен слуга, противен кучер... Они все ей противны. Они все раздражают ее.

Она едет на вокзал и снова думает о том, что люди подлы, лживы и грязны - "борьба за существование и ненависть - одно, что связывает людей". А раз так, то она имеет право быть с ними подлой и лживой. Да, она имеет на это право!

Она смотрит на едущих мимо людей - едущих явно куда-то повеселиться. Нет-нет, думает она, "вы напрасно едете", вам ничто не поможет - "от себя не уйдете".

И тут в ней внезапно вспыхивает яркий свет истины, и обратив его внутрь себя, она вдруг увидела свои отношения с Вронским в их истинном свете: "Чего он искал во мне? Любви не столько, сколько удовлетворения тщеславия".

И это правда. Но только однобокая правда. Потому что так было когда-то, в самом начале, а потом многое изменилось во Вронском. И еще потому эта правда однобокая, что Анна ни слова не говорит о своих собственных чувствах к Вронскому - а ей-то он

был зачем? Вместо этого она с удовольствием вспоминает его покорность - "выражение лица его, напоминающее покорную легавую собаку, в первое время их связи".

Вот что нестерпимо привлекло ее ко Вронскому - его покорность собаки. Вот в чем была ее настоящая неудержимая потребность. Вот ради чего она ушла от мужа к Вронскому.

Но даже и покорность его теперь напрочь отбрасывается ею как фальшивка - она оставляет ему только тщеславие, снова и снова упиваясь жалостью к себе и осыпая Вронского несправедливыми упреками: "Да, в нем было торжество тщеславного успеха. Разумеется, была и любовь, но большая доля была гордость успеха. Он хвастался мной. Теперь это прошло. Гордиться нечем. Не гордиться, а стыдиться. Он взял от меня все, что мог, и теперь я не нужна ему".

Но это опять ложь. Удобная, полностью оправдывающая ее ложь. Не потому он начал тяготиться ею, что натешил свое гордыню - он и думать забыл про свет, где и было востребовано подобное тщеславие. Он давно уже изменился - и жизнь с Анной в деревне вполне его устраивала, и даже больше того. Это сама Анна изуродовала их жизнь своими неприятными и крайне опасными личными качествами, усугубленными пристрастием к страшному наркотику - морфину. И теперь он продолжал жить с ней из чувства долга, и Анна это понимает: "Если я уеду от него, он в глубине души будет рад".

И он действительно был бы этому рад - как и всякий живой человек, с чьей шеи сняли бы наконец удавку и жернов. А кто бы не мечтал избавиться от пыток?

Но мысль о собственной вине так и не приходит ей в голову. Наоборот, она уверяет себя, что ее любовь к нему "делается страстнее и себялюбивее, а его все гаснет и гаснет, и вот отчего мы расходимся".

На самом деле все страстней делается в Анне вовсе не любовь, которой нет и в помине, а страх за себя, который и заставляет ее все чаще и чаще говорить Вронскому о любви - увы, всего лишь говорить.

И все-таки мысль о собственной невыносимости мелькает в ней, да ее и невозможно скрыть, эту невыносимость, но и теперь она поспешно оправдывает себя: "У меня все в нем одном, и я *требую*, чтоб **он весь больше и больше** отдавался мне. А он все больше и больше хочет уйти от меня".

Но и это неправда. Никто не виноват, что Анне ничего не интересно, что ей все скучно, и что истинная роль Вронского, уготованная ему Анной, - развлекать ее скуку и сидеть у ее ног.

И все-таки кусочки правды о себе то и дело всплывают на поверхность ее сознания: "Он говорит мне, что я бессмысленно ревнива, и я сама говорила себе, что я бессмысленно ревнива; но это неправда. Я не ревнива, а я *недовольна*".

Недовольна! Вот она, правда. Госпожа постоянно недовольна своим рабом. И как бы он ни старался ей угодить, она всегда будет недовольна - всегда. Потому что именно недовольство и составляет ее истинное наслаждение.

А вот если бы она могла... И тут она даже открыла рот и заерзала от волнения. "Если бы я могла быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки; но я не могу и не хочу быть ничем другим. И я этим желанием возбуждаю в нем отвращение, а он во мне злобу, и это не может быть иначе".

И это еще одна правда. Вронский страшно радовался, когда хоть что-то увлекало ее - больница, школа, сочинение детских книг. Но увы, все это было кратко, все это было опять же от скуки, и очень скоро в ней снова открывалась чудовищная незаживающая пустота.

Он недоволен ею - она недовольна им. У него есть причина - у нее есть предлог. Ревность. Фальшивая ревность. "Разве я не знаю, что он не стал бы обманывать меня, что он не имеет видов на Сорокину, что он не влюблен в Кити, что он не изменит мне? Я все это знаю, но мне от этого не легче".

Да почему же не легче? А потому, что у Вронского есть дело. Он всюду находит себе занятие, он постоянно стремится к деятельности - прекрасная черта! Но ее это бесит, ведь дело отвлекает его от нее... Ей надо, чтобы в его жизни была только она - чтобы только она была его единственным делом. Вот чего она хочет. И никакая другая любовь ей от Вронского не нужна: "Если он, не любя меня, из долга будет добр, нежен ко мне, *а того не будет, чего я хочу*, - да это хуже в тысячу раз даже, чем злоба! Это - ад! А это то и есть. Он уж давно не любит меня. А где кончается любовь, там начинается ненависть".

Золотые слова. Особенно если любовь и не начиналась...

*

...Она едет на вокзал. Она смотрит на дома, в которых живут люди. И снова навязчивая мысль возвращается к ней: "Сколько их, конца нет, и все ненавидят друг друга". Да если ли оно вообще, счастье, думает Анна? Возможно ли? Она вспоминает о муже, о годах любви с ним - да-да, у них были *годы любви!* Но сейчас при воспоминании о муже она "вздрагнула от отвращения".

Она думает о разводе - что будет, если она получит развод? Ничего не будет. Разве Кити тогда "перестанет так смотреть на меня, как она смотрела нынче?" Нет. А сын? Разве он "перестанет спрашивать или думать о моих двух мужьях?" Нет. А что будет с Вронским? Теперь, после недовольства и ненависти, "какое же я придумаю новое чувство"? Да никакого уже не придумать. "Нет и нет! - ответила она себе теперь без малейшего колебания. - Невозможно! Мы жизнью расходимся, и я делаю его несчастье, он мое, и переделать ни его, ни меня нельзя".

Можно. Переделать себя можно. Но дело в том, что Анне хочется не переделать себя, а чтобы *другой* переделал себя к ее удовольствию. Чем она, собственно, и занималась - переделывала Вронского, перевинчивала его на себя, под себя, ради себя - в угоду себе. И каков результат? Плачевный. "Винт свинтился". Но разве она была не права? Разве она не должна была свинчивать Вронского в бараний рог? "Разве все мы не брошены на свет затем только, чтобы ненавидеть друг друга и потому мучать себя и других?"

...Она видит весело смеющихся гимназистов и снова вспоминает о сыне. "Сережа? - вспомнила она. - Я тоже думала, что любила его, и умилялась над своей нежностью. А жила же я без него, променяла же его на другую любовь и не жаловалась на этот промен, пока удовлетворялась той любовью".

Вот именно. Не было никакой любви к сыну. Только одни слова. Променяла, и забыла о нем, и не вспоминала о нем до тех пор, пока не приходила нужда о нем вспомнить. Но разве не так же поступают другие люди, думает она, разве они не так же гнусны, как она? И "ясность, с которой она видела теперь свою и всех людей жизнь, радовала ее".

Эти мысли, это злорадство по поводу всеобщей грязи и подлости так увлекли ее, что она даже не заметила, как подъехала к станции. Слуга обращается с ней с вопросом, до Обираловки ли брать билет.

"Она совсем забыла, куда и зачем она ехала, и только с большим усилием могла понять вопрос.

- Да, - сказала она ему, подавая кошелек с деньгами, и, взяв в руку маленький красный мешочек, вышла из коляски".

Она входит в зал, мучая себя то надеждой, то отчаяньем. И все это снова растравляет ее. Она садится на диван - "с отвращением глядя на входивших и выходивших (все они были противны ей)". Она представляет себе, как Вронский жалуется сейчас на нее своей матери, и как мать жалеет его, и как они оба совершенно, совершенно не понимают ее страданий!

"Раздался звонок, прошли какие-то молодые мужчины, уродливые, наглые и торопливые"...

Пришел слуга проводить ее до вагона, - "с тупым животным лицом"...

Она вошла в вагон, села в купе на диван - "наглый кондуктор захлопнул дверь и щеколду"...

Внизу (Анна видит в окно) пробежали дама с девочкой - "ненатурально смеясь". Анна разглядывает даму - дама "уродливая, с турнюром (Анна мысленно раздела эту женщину и ужаснулась на ее безобразии)". Девочка тоже кажется Анне изуродованной кривлякой.

И тут... "Испачканный уродливый мужик в фуражке, из-под которой торчали спутанные волосы, прошел мимо этого окна, нагибаясь к колесам вагона. "Что-то знакомое в этом безобразном мужике", - подумала Анна. И, вспомнив свой сон, она, дрожа от страха, отошла к противоположной двери". На ее лице ужас, но он незаметен под вуалью.

Она вернулась на свое место и села. Муж с женой расположились напротив - "и муж, и жена казались отвратительны Анне". Они стали о чем-то говорить - Анна услышала, что они говорят глупости и притворяются друг перед другом, а в их поведении, в их обращении между собой "Анна ясно видела, как они надоели друг другу и как ненавидят друг друга". И Анна ненавидела и их тоже - "и нельзя было не ненавидеть таких жалких уродов".

...Раздался второй звонок. Кто-то засмеялся. Но разве у кого-то мог быть повод для смеха? Разве можно было радоваться хоть чему-то в этом мире уродов? "Анне было так ясно, что никому нечему было радоваться, что этот смех раздражил ее до боли, и ей хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать его"...

...Раздался третий звонок. Муж дамы перекрестился, и Анна со злобой посмотрела на него. Поезд пошел. И Анна снова стала думать о том, "что все мы созданы затем, чтобы мучаться, и что мы все знаем это и все придумываем средства, как бы обмануть себя. А когда видишь правду, что же делать?"

"- На то дан человеку разум, чтобы избавиться оттого, что его беспокоит, - сказала по-французски дама, очевидно довольная своею фразой и гримасничая языком.

Эти слова как будто ответили на мысль Анны. "Избавиться от того, что беспокоит", - повторяла Анна".

Она посмотрела на супружескую чету - на двух уродов, каждый из которых притворялся перед другим. Муж наверняка обманывает жену, а жена наверняка считает себя непонятой личностью, молча злорадствовала Анна. И все такие. И всегда будут такими. И ей всегда придется с ними бороться - как с Вронским, которого она так и не смогла победить... А раз не смогла, то, "стало быть, надо избавиться"... Да и зачем они ей, эти жалкие мерзкие уроды, не способные оценить ее величие? "Отчего же не потушить свечу, когда смотреть больше не на что, когда гадко смотреть на все это?" Эти

мысли больше не оставляют ее. "Все неправда, все ложь, все обман, все зло!" - каждую минуту вертится у нее в голове.

...Поезд подошел к станции и остановился. Анна вышла вместе с другими пассажирами - "как от прокаженных, сторонясь от них". Остановилась... Она никак не могла вспомнить, "зачем она сюда приехала и что намерена была делать". Вокруг нее ходили толпы уродов. Она чувствовала, что никак не может сосредоточиться - "особенно в шумящей толпе всех этих безобразных людей, не оставивших ее в покое".

Похоже, провалы в памяти и заторможенность, обусловленные наркотическим голодом, снова вернулись к ней...

Внезапно она вспомнила, что собиралась ехать дальше, поскольку от Вронского не было ответа. Она остановила железнодорожного служащего "и спросила, нет ли тут кучера с запиской к графу Вронскому", которую она ему посылала. Служащий ответил, что здесь только что был сам граф Вронский - "Встречали княгиню Сорокину с дочерью".

В этот момент ее видит ее собственный слуга, как раз и посланный к Вронскому с запиской и уже получивший ответ на нее. Он подает ответ Анне. "Очень жалею, что записка не застала меня. Я буду в десять часов" - читает она. Его почерк *кажется* ей небрежным, и это снова моментально *оскорбляет* ее. Она даже не удосуживается подумать о том, что, возможно, он писал это впопыхах или просто в неудобном положении - ей это все равно. На лице ее появляется злая усмешка.

Вдруг ее сердце начинает биться так сильно, что она вынуждена говорить очень тихо - биение сердца затрудняет дыхание. И это снова явные и вернувшиеся признаки отравления морфином, свершающего свой очередной круг в ее крови.

На этот раз двойная доза наркотика, принятая накануне и помноженная на его длительное употребление, чрезвычайно подорвала ее физическое и психическое состояние. Вся эта крайняя раздражительность, неспособность связно мыслить, помрачение сознания, чрезмерная возбудимость, тревога, беспокойство, беспричинный страх, физическое отвращение к окружающим людям, злоба и ненависть - и вообще присущие ей, а теперь буквально раздирающие ее, не уходящие мысли о смерти, а теперь и добавившиеся сюда тахикардия, сильная пульсация сердца и затрудненное дыхание - все это ярко выраженные и очень-очень грозные признаки наркотического отравления.

"Нет, я не дам тебе мучать себя", - подумала она, обращаясь с угрозой не к нему, не к самой себе, а к тому, кто заставлял ее мучаться"... Кто же это? Бог. Это Бог виноват - это Бог мучает ее жизнью, думает Анна. И она не позволит ему. Она его победит...

...Она пошла по платформе, отмечая, как все - буквально все смотрят на нее: молодые люди заглядывают ей в лицо, молоденький продавец кваса не сводит с нее глаз, две горничные обсудили ее кружева, начальник станции зачем-то поинтересовался, едет ли она... смеявшиеся дамы и дети вдруг замолкли, проводив ее взглядом... Она торопливо отошла от них, подойдя к самому краю платформы.

К станции подходил товарный поезд, платформа затряслась, от этого ее отравленное сознание на миг совсем помутилось - ей показалось, что она снова едет куда-то...

"И вдруг, вспомнив о раздавленном человеке в день ее первой встречи с Вронским, она поняла, что ей надо делать. Быстрым, легким шагом спустившись по ступенькам, которые шли от водокачки к рельсам, она остановилась подле вплоть мимо ее проходящего поезда. Она смотрела на низ вагонов, на винты и цепи и на высокие чугунные колеса медленно катившегося первого вагона и глазомером старалась определить середину между передними и задними колесами и ту минуту, когда середина эта будет против нее.

"Туда! - говорила она себе, глядя в тень вагона, на смешанный с углем песок, которым были засыпаны шпалы, - туда, на самую середину, и я накажу его и избавлюсь от всех и от себя".

Сразу же после этой мысли она хотела броситься под первый вагон, но зачем-то стала снимать с руки красный мешочек, и он задержал ее. Вагон прошел, нужно было ждать следующего. Таким образом, образовалось несколько секунд, в которые ее решение еще могло измениться. Но вместо этого "чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти в воду, охватило ее". Она автоматически перекрестилась, готовясь войти в эту воду. И этот жест вдруг вызвал в ее душе самые светлые воспоминания ее детства - "и вдруг мрак, покрывавший для нее все, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновение со всеми ее светлыми прошедшими радостями". Но было поздно... Ее тело, уже приготовленное большим разумом к прыжку под вагон, не почувствовало этих светлых воспоминаний.

"И ровно в ту минуту, как середина между колесами поравнялась с нею, она откинула красный мешочек и, вжав в плечи голову, упала под вагон на руки и легким движением, как бы готовясь тотчас же встать, опустилась на колена. И в то же мгновение она ужаснулась тому, что делала. "Где я? Что я делаю? Зачем?" Она хотела подняться, откинуться; но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову и потащило за спину. "Господи, прости мне все!" - проговорила она, чувствуя невозможность борьбы. Мужичок, приговаривая что-то, работал над железом. И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла".

34. Вывод Толстого. Вывод Набокова

"Законы общества временны, Толстого же интересуют вечные проблемы. И вот его настоящий нравственный вывод: любовь не может быть только физической, ибо тогда она эгоистична, а эгоистичная любовь не созидает, а разрушает. Значит, она греховна".

Ложь Набокова

И это последняя пошлость, на которую был так щедр Набоков в своей лживой ханжеской лекции о романе Толстого "Анна Каренина". Ибо *действительно* настоящий нравственный вывод даже не требует догадок, он высказан Толстым абсолютно прямо и ясно и даже имеет в романе точное местоположение: этот нравственный вывод Толстого (не путать с выводом Набокова!) заключен автором в самые последние строчки - этим выводом роман заканчивается...

Но сначала - жизнь продолжалась! Анна умерла, но сам роман еще длится и длится. И это очень точный авторский ход. Жизнь продолжалась, и смерть Анны была не в силах закончить ее. И у героев романа еще были свои проблемы, которые им предстояло решить, и были радости, ошибки, сомнения, и опять радости, и еще нужно было вырастить детей, и написать книгу, и усомниться в смысле жизни, и найти бога, и поверить в него... Жизнь продолжалась!

*

Со дня ее гибели прошло два месяца. После несчастья с Анной Вронский полтора месяца не мог ни с кем говорить. Родные боялись за его жизнь. Да, Анна хорошо знала

его - ее смерть стала для него непрекращающимся наказанием. Он во всем винил себя. И вот он, после смерти Анны не находящий себе покоя и места в жизни, едет в Сербию сражаться против турок и там умереть. У него постаревшее лицо. И только одна мать провожает его.

Их маленькую дочку забрал к себе Алексей Александрович. Он всегда ее любил и всегда помнил о ней. Спустя какое время Вронский пожалел, что отдал дочь, но... он решил, что лучше остаться без дочери, чем попросить Алексея Александровича вернуть ему его слово.

И вот он едет в поезде. Он молчалив, необщителен. К тому же его мучает зубная боль. "И вдруг совершенно другая, не боль, а общая мучительная внутренняя неловкость заставила его забыть на мгновение боль зуба. При взгляде на тендер и на рельсы, под влиянием разговора с знакомым, с которым он не встречался после своего несчастья, ему вдруг вспомнилась она, то есть то, что оставалось еще от нее, когда он, как сумасшедший, вбежал в казарму железнодорожной станции: на столе казармы бесстыдно растянутое посреди чужих окровавленное тело, еще полное недавней жизни; закинутая назад уцелевшая голова с своими тяжелыми косами и вьющимися волосами на висках, и на прелестном лице, с полуоткрытым румяным ртом, застывшее странное, жалкое в губах и ужасное в остановившихся незакрытых глазах, выражение, как бы словами выговаривавшее то страшное слово - о том, что он раскается, - которое она во время ссоры сказала ему.

И он старался вспомнить ее такую, какую она была тогда, когда он в первый раз встретил ее тоже на станции, таинственной, прелестной, любящей, ищущей и дающей счастье, а не жестоко-мстительной, какую она вспоминалась ему в последнюю минуту. Он старался вспоминать лучшие минуты с нею, но эти минуты были навсегда отравлены. Он помнил ее только торжествующую, свершившуюся угрозу никому не нужного, но неизгладимого *раскаяния*. Он перестал чувствовать боль зуба, и рыдания искривили его лицо".

*

Примерно в это же время вконец промотавший все деньги Стива бросается в ноги к своей жене с раскаянием и мольбами спасти его честь - "продать ее имение, чтобы заплатить его долги". Долли то презирает и ненавидит его, то жалеет, то опять собирается разводиться. Но кончилось тем, что она все-таки согласилась и продала часть своего имения.

*

А в это время безбожник и добрый человек Константин Левин мучительно ищет спасительный смысл жизни, чтобы жизнь больше не представлялась ему "злой насмешкой какого-то дьявола", от которой ему так хочется застрелиться.

Смысл жизни внезапно открывается ему в простой вере в бога. И тут Левин приходит к самому важному выводу всего романа Толстого - к выводу, который мог бы не только спасти Анну Каренину, но и изменить всю ее жизнь, но только при одном условии: если бы она искала этот вывод.

Левин приходит к выводу, что вера в бога легка и проста, а все его неверие было фальшивым, искусственным, надуманным. Ибо только гордыня отделяла его от веры, порождая глупость и мошенничество ума: "И не только гордость ума, а глупость ума. А главное - плутовство, именно плутовство ума. Именно мошенничество ума".

С этих пор Левин счастлив.

Конечно, думает Левин, вряд ли это новое чувство к богу избавит его от каких-то ошибок и трудностей, присущих всякому человеку. В этом смысле все останется прежним - "так же буду сердиться на Ивана кучера, так же буду спорить, буду нехотая высказывать свои мысли, так же будет стена между святой святых моей души и другими, даже женой моей, так же буду обвинять ее за свой страх и раскаиваться в этом, так же буду не понимать разумом, зачем я молюсь, и буду молиться, - но жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо от всего, что может случиться со мной, каждая минута ее - не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет *несомненный смысл добра*, который я *властен* вложить в нее!"

Это и есть настоящий нравственный вывод великого романа Толстого "Анна Каренина".

* * *

октябрь 2005 г. - февраль 2006 г.

- [Комментарии: 115, последний от 02/10/2017.](#)
- © Copyright [Воронцова-Юрьева Наталья](#) (nvoron2000@mail.ru)
- Размещен: 16/02/2006, изменен: 17/02/2009. 516к.
- [Статистика.](#)
- [Эссе: Публицистика](#)

Оценка: **3.95*65** Ваша оценка:

Популярное на LitNet.com [А.Завадская "Архи-Vr"\(Киберпанк\)](#) [Д.Хант "Три дракона для Фло"\(Любовное фэнтези\)](#) [К.Юраш "Процент человечности"\(Антиутопия\)](#) [Е.Сволота "Механическое Диво"\(Киберпанк\)](#) [Н.Александр "Сага о неудачнике"\(ЛитРПГ\)](#) [Е.Флат "Невеста из другого мира"\(Любовное фэнтези\)](#) [А.Калинин "Игры Воды"\(Киберпанк\)](#) [Е.Кариди "Суженый"\(Любовное фэнтези\)](#) [Д.Шерола "Черный Барон: Дети Подземелья"\(Боевая фантастика\)](#) [Ю.Резник "Семь"\(Антиутопия\)](#)

Хиты на ProdaMan.ru [Три прорыва и одна свадьба. Жильцова Наталья](#) • [Турнир четырех стихий-2. Диана Шафран](#) • [Одним днем. Ольга Зима](#) • [Кошачья магия. Нелли Игнатова](#) • [Диету не предлагать. Надежда Мамаева](#) • [Альфа напрокат, или Сделки бывают разными. Делия Росси](#) • [Герой Империи, Битва за время. Александр Михайловский](#) • [Космолёт за горизонт. Шурочка Матвеева](#) • [В плену монстра. Ольга Лавин](#) • [Эльфийки бывают разные. Снежная Марина](#)

[Связаться с программистом сайта.](#)

Новые книги авторов СИ, вышедшие из печати:

С.Лыжина ["Драконий пир"](#) И.Котова ["Королевская кровь.Расколотый мир"](#) В.Неклюдов ["Спираль Фибоначчи.Пилигримы спирали"](#) В.Красников ["Скиф"](#) Н.Шумак, Т.Чернецкая ["Шоколадное настроение"](#)

[Как попасть в этот список](#)

Сайт - ["Художники"](#) .. || .. [Доска объявлений "Книги"](#)